

Департамент образования и молодежной политики ХМАО-Югры
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок

МАНСИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Хрестоматия

для учащихся 6 класса
общеобразовательных учреждений

Ханты-Мансийск
2015

УДК 821.511.143
ББК 83.3 Манс
М23

Рецензент:

Динисламова С. С. – кандидат филологических наук

М23 Мансийская литература : хрестоматия для учащихся 6 класса общеобразовательных учреждений / Авт.-сост. Л. Н. Панченко ; под ред. Е. В. Косинцевой ; Деп. образования и молодёжной политики ХМАО-Югры., Обско-угорский ин-т прикладных исследований и разработок. – Ханты-Мансийск : Югорский формат, 2015. – 269 с.

ISBN 978-5-9907303-3-5

В хрестоматии представлены народный фольклор и произведения мансийских поэтов и прозаиков, рекомендованные для изучения в 6 классе общеобразовательной школы. Главная цель хрестоматии – обогатить читательский опыт учеников, расширить круг их чтения. Предназначена для работ на уроках мансийской литературы и для самостоятельного чтения учащимися.

УДК 821.511.143
ББК 83.3 Манс

*Рекомендовано к печати Учебно-методической комиссией
Обско-угорского института прикладных исследований и разработок*

ISBN 978-5-9907303-3-5

© Панченко Л. Н., автор-составитель, 2015
© БУ ХМАО-Югры «Обско-угорский институт
прикладных исследований и разработок», 2015
© Оформление. ООО «Югорский формат», 2015

КОНЬКОВА АННА МИТРОФАНОВНА

Вожак Ивыр

В Евру манси пришли давным-давно. Может, с тех пор прошло сотыр тал – тысяча лет, а может, и того больше. Раньше они жили за большим, как сорий – море, топким болотом, в тёмных, глухих урманах. В урманах-лесах зверя добывали, в реках рыбу ловили.

Так бы и жить им: зверя добывать, рыбу ловить и детей рóстить. Да часто к ним приходили враги, люди хана Золотая Шапка, отбирали добро, молодых парней с собой уводили.

И вот однажды зимою, только промёрзли болота, ханские люди опять пришли. Как пришли – собою землю накрыли, пустили стрелы – солнце и небо закрыли.

Сильные манси, храбрые манси навстречу вражеским стрелам тоже иного стрел пустили. Стрел в воздухе кружилось больше, чем комаров летом. Стрела в стрелу попадала, стрела стрелу побивала.

Семь дней, семь ночей слышались кругом стоны да крики. Месяц семь раз выходил и семь раз прятался, то блудный, тусклый был, то от пролитой людской крови красным становился. С высоты месяцу заметно, что силы не равны: врагов много, манси совсем мало. Увидел он: ханские воины по-

дожгли стойбище, стали убивать детей. Скатился месяц на землю, схватил мальчика и девочку, прижал их крепко к себе и скрылся в мягких, как мох, облаках.

Он взял бы больше детей, да рук у него не хватило.

От горя, от жалости к людям манси месяц похолодел, а после и совсем застыл. И дети с ним навсегда остались.

Теперь, когда манси смотрят на месяц, видят спасенных детей – девочку и мальчика – и вспоминают то далёкое, страшное время.

Кедры вместе с пламенем манси защищали родную землю от врагов. Они тянули свои хвоинки, кололи глаза, лица, руки врагов. Тогда хвоя кедров вытянулась, стала длинной. Стрелы врагов изранили прежде гладкую кору кедров, и по сей день на ней видны грубые рубцы от ран.

Перед этими страшными для манси днями юный Паломей ушёл в урман на свою первую охоту, далеко ушёл – за лосем. Он спроворил лося и теперь возвращался домой с добычей. Его тугой лук висел на левом плече, а справа, на поясе, из берестяного складника¹ торчали острые стрелы.

За плечами, на лямках из кедровых корней, нёс Паломей берестяную няпу с лосиным сердцем и

¹ Складник – сумка для стрел.

лосиной головой. Гордо, радостно думал: «Сварят женщины голову и сердце лося, и старые охотники пригласят меня за стол, усадят рядом с собой. Попросят: ну, Расскажи, Паломей, где и как охотился. Отрежут мне мужчины верхушку лосиного варёного сердца, подадут и скажут: «Это нашему молодому фартовому охотнику Паломею».

Но когда он вернулся домой, кроме старого избитого, ослепленного Петотки никого в стойбище не нашёл.

Петотка сказал:

– Нельзя здесь оставаться, сынок. Надо нам идти к дальней лесовней² избушке.

– Дедушка, я ещё не знаю туда дорогу, – признался Паломей.

– Я тебе буду подсказывать. Сейчас к лосиной янге – молодому болоту пойдём. Ты бывал там?

– Бывал, бывал. – Паломей взял Петотку за руку, и они пошли.

Много ли, мало ли они прошли, Петотка остановился.

– Что, дедушка, устал?

– Нет, сынок, не то. Может, слышалось мне? Вроде в кедраче ребёнок плачет?

Паломей направил своё молодое ухо в ту сторону, куда показал Петотка, и слышал непонят-

² Лесовня – охотничья избушка.

ные звуки. Бросился в кедровник. В тёмном кедровнике разглядел Паломей берестяной кузов – пайву, снял её и принёс к Петотке.

Опустился старик на колени, сунул руку внутрь пайвы, нащупал свёрток из заячьих шкурок.

И заплакал пустыми глазами Петотка, запричитал громко:

– Ай-е-е, о-е-е! Белый, Светлый День, знала мать, что не выживет, так оставила на родной земле свое малое тэпсам – зёрнышко.

Паломей надел пайву на спину, и пошли они дальше. Шли, садились отдохнуть, снова шли.

– Теперь куда, дедушка? Янга кончилась, дорога раздвоилась.

– Ты, сынок, за янгу води меня, а та, другая дорога к Карасьему озеру ведёт.

Старик шёл и думал: «Ты, Ёли Торум, Подземный Бог, почему не прогрыз из-под земли дыру и не взял, не проглотил в свое подземное царство всех врагов? А ты, Номи Торум, Небесный бог, почему допустил, чтобы враги пришли на нашу землю?»

Вдруг услышал Петотка радостный крик Паломея:

– Дедушка, смотри. Собака бежит. Я узнал, она из нашего стойбища, это Апонькина-Кыль – Берёзка!

Но Петотка не мог видеть собаку, бежавшую с обгорелым щенком в зубах. Собака не остановилась, лишь поглядела на них и бросилась в сторону.

– Кыль – Берёзка, Берёзка, иди к нам, Кыль! В стойбище нет никого! – громко звал Паломей, но собака скрылась за кедрами. Паломей от обиды всхлипнул. – Хоть бы Кыль с нами осталась!

– Ты, Паломей, не горюй, – уговаривал его Петотка. – Кыль побегает – успокоится. А теперь она обезумела – щенки-то её все сгорели в пожаре. Пусть у ней уляжется боль.

В пайве заплакал ребенок.

– Светлый, Белый День! Однако ребёнок будет сильным, когда вырастет. Слышишь, Паломей, как он громко плачет. Скорее бы нам прийти к юрте да накормить его.

Много вёрст прошли Паломей с Петоткой, когда их догнала Кыль. Мальчик обрадовался, присел, ласкал, гладил собаку, обдирал налипшие на животе комки снега. Низ живота у собаки отвис, два ряда отвисших сосков, как зубья деревянных граблей, не сгибались. Петотка тоже ладил собаку и наткнулся на тугие соски. Поглаживая, почувствовал, как медленно подавалась из них тёплая жидкость.

– Паломей, вынимай ребёнка из пайвы, может, собака его покормит, – велел старик.

Собака обнюхала человеческое дитя и допустила его к своему молоку.

После они долго шли, ребёнок тихо спал в пайве за спиной Паломея. Поздним вечером добрались они до лесовней избушки, от усталости сразу повалились спать.

Утром старик ощупью затопил печку – чувал, натаял снега для чая. И тихо призывал всех мансийских добрых духов помочь ему и детям. От шороха в избушке проснулся Паломей, сказал с удивлением:

– Дедушка, а малыш-то поднялся на ноги, руку мне отдал. Ноги у него упругие, сильные. Эй, малыш, малыш! – ласково заговорил Паломей с ребёнком и засмеялся. – Дедушка, а как звать его станем?

– Подумай, найди ему имя.

– Можно его назвать именем моего отца – Ивыром?

– Отчего нельзя? Имя хорошего человека очастливит ребёнка.

И стал Ивыр расти быстро, быстрее человеческого дыхания. Скоро стал он помощником старому Петотке и названному брату Паломею.

Как-то утром старый Петотка вышел на воздух и почувствовал слабый запах дыма. Встревожился: «Откуда взяться дыму, мой чувал ещё крепко

спит. Не враги ли? Что будет теперь с Паломеем и Ивыром?»

Петотка вернулся в избушку, разбудил детей и сказал им про свою тревогу. Мальчики выбежали и тоже почувствовали запах дыма. Петотка приложил ухо к мёрзлой земле, узнать хотел, не стонет ли Мать-земля от множества вражеских ног. Ничего не услышал. После долго землю гладил, припадал к ней щекой, говорил ласковые слова.

Паломей и Ивыр взбирались на самые высокие деревья, чтобы с высоты разглядеть даль. Паломей ещё карабкался, а Ивыр уже с самой вершины дерева кричал:

– Никого не видно, ничего нет страшного вокруг!

Но с этого дня стали они жить тревогой. А тут ещё собака Кыль потерялась. Паломей и Ивыр ходили по лесу, искали, звали её, она как в воду канула. Печальные возвращались к Петотке.

– Кто знает, – горевал дед, – может, она совсем не виновата. Могла в охотничью ловушку попасть, могла со зверем схватиться и погибнуть.

Через много дней вернулась Кыль и привела с собой пса солнечного цвета.

– Ты, Паломей, видел в нашем стойбище такого пса? – интересовался Петотка.

– Нет, не было такого пса у наших людей.

Может, он от добрых людей прибежал, а может, от наших врагов? – спросил в тревоге Ивыр.

– Может, от добрых людей, может, от плохих, кто знает, – раздумывал дед. – Вы его привяжите, пусть побудет с нами.

И ещё велел Петотка найти лиственничную губу – гриб, размочить в горячей воде и сделать человека. Из бересты для человечка складничок смастерить. Это знак бедствия будет.

Ребята так и сделали, а потом привязали складничок к ошейнику пса и отпустили его – пусть люди узнают о их беде.

В ночь, как ушёл пес, залез на крышу медведьшатун, ходил рвал дранки и бересту с крыши, хотел пролезть в избушку. Кыль почувствовала зверя, заповизгивала, прижалась к ногам Петотки.

– Почему не лает Кыль, не отпускает зверя? – удивлялись Ивыр и Паломей.

– Кыль не медвежатница, соболятница она, – объяснял дед. – Эти сами медведя боятся.

Ивыр заторопился, забормотал:

– Я не боюсь, не боюсь тебя, зверь.

Выхватил парень из-за чувала огромную пайву – кузов, выскочил из избушки и, забравшись на крышу, натянул пайву на голову медведя. Одной рукой держит лямки кузова, как вожжи, а другой рукой бьёт медведя да приговаривает:

– Вот, вот тебе, знай свои медвежьи тропы, не ходи к людям.

Медведь из-под пайвы не видел ничего, пятился-пятился и свалился с крыши. От испуга громко рывкнул и убежал в лес.

С тех давних пор, когда манси хотят от себя отпугнуть медведя, бьют по пустой пайве. Медведь, услышав глухой звук берестяной посуды, убегает прочь.

А тогда немало Петотка с Паломеем удивлялись: как это Ивыр не побоялся медведя. А Ивыр так ответил:

– Много на свете есть такого, чего бы человеку надобно бояться. Я хочу жить, а не бояться.

Петотка думал: «Мысли у малого как у опытного старика? Верно, однако, говорят: смелому в дождь сухо, в мороз тепло, в бурю легко».

Через несколько дней пришёл хозяин пса, позвал Петотку с ребятами в своё стойбище.

В стойбище хорошо, спокойно стало жить. Ивыр сделался отменным охотником. Бывало. Охотники всего стойбища приходили с пустыми руками, Ивыр всегда возвращался с богатой добычей.

Люди удивлялись, спрашивали Ивыра:

– Как ты без лука и стрел удачно охотишься?

– Соболя я с дерева руками достаю, а лося за рога валю.

Манси охотно верили ему, видя, что его быстрые реки не задерживали, на болотах он не тонул, через ветровалы не шёл – летел.

Каждую зиму ураганом носились по всем стойбищам сборщики ясака, с каждым годом требовали всё больше и больше. Много охотники пушнины с охоты приносили, но все уходило на пот – ясак.

Но с тех пор, как заматерел, набрал силы Ивыр, не однажды сборщики еле уносили от него ноги. Стали они стороной объезжать его стойбище.

Но случилось однажды: дальние соседи дали знать, что к ним опять пришли враги, налетели чёрной стаей, мучают и старых и малых. Поднялись люди, начали точить стрелы, натягивать тугую тетиву луков.

Но Ивыр всех остановил. Сам быстро собрался, сказал так:

– Отцы, никак воевать людей Золотой Шапки собираетесь? Оставайтесь-ка лучше дома, кормите стариков, детей и женщин. Я один попробую справиться, может, прогоню врагов.

Пришёл Ивыр в осаждённое врагами стойбище и видит: волокут враги узлы с лучшими шкурками искристых соболей, пышных огнистых лисиц, узорчатые лисьи и собольи шубы. А у кого нет пушнины, забирают молодых парней к себе в работники. Больных старых манси, у которых ниче-

го нет, позорят, заставляют при женщинах раздеваться – ложиться под палки.

Ивыр рассердился, ворвался в середину войска, одного пальцем ткнул, другого локтем пихнул, третьему подставил ногу. До кого дотронулся, те лежат на земле, остальные стоят остолбенев, позабыв закрыть рты. Вытаращили глаза, не понимают, кто такой является, мешает их злему делу.

А Ивыр смеется:

– Старики, поднимайтесь, берите в руки палки, будем успокаивать волков.

Потом повернулся Ивыр к сборщикам пота – ясака. Спокойно спросил:

– А вы, коршуны, откуда слетелись, кто вас отправил разорять чужое гнездо и клевать старых да больных?

Пока Ивыр так разговаривал, войско его вновь окружило. Натянули луки, целятся в Ивыра и кричат:

– Эй, оставьте для моей стрелы местечко на теле этого манси!

– Эй, не торопитесь, мишень не убежит, всаживайте стрелы погуще, пусть этот манси оцетинится стрелами, как поганая свинья!

Ивыр стоит перед врагами во весь свой рост без страха. Летят в него стрелы, кружатся над ним, как хлопья снега в буран.

От одних стрел он отмахивается, другие ловит да ломает. А те, что попадают в него, не ранят, – как комары, чуть покусывают. Скоро Ивыр уже по колено в обломках стрел стоял.

Кончились стрелы у врагов, бросили они луки, подхватили палки и пошли на Ивыра. Выломил Ивыр большую сухарину – метровое дерево, закружился между врагами. Кого сухарой заденет – тот падал и больше не поднимался. Другие прочь побежали – бежали без оглядки и не чувствовали, где у них пальцы, а где пятки.

Вернулся Ивыр в своё стойбище, просто сказал:

– Я врагу немного показал, как к нам с войною ходить.

Старый вожак Вындыр созвал всех манси.

– Люди мои, – сказал Вындыр, – я старый, мне непосильными стали дальние дороги. А в наших лесах зверь напуганный, чуткий, уходит далеко... Рыбы в наших речках тоже мало стало. Надо нам искать новые места – леса, богатые зверем, реки, полные рыбой. Я думаю, пусть вашим вожаком будет Ивыр.

Люди радостно воскликнули:

– Пусть, пусть Ивыр будет вожаком!

И Ивыр скоро ушёл искать новые места. Долго ходил по незнакомым местам, далёким урманам. Нашёл лес, богатый зверем, речку, богатую рыбой.

Выбрал место на взгорке светлой речки и начал строить избушки. Из толстых брёвен вековых сосен и лиственниц стены домиков росли быстро. Густой аромат сосновой смолы и нежной лиственничной хвои приятно кружил Ивыру голову, прибавлял силы. Он без усталости работал с утра до вечера да ещё прихватывал время у короткой летней ночи.

Мало спал Ивыр. Каждую ночь ему не то соннился, не то чудилось, что приходит к его нарам – лежанке девушка, гладит его руки своими лёгкими прохладными руками и поёт нежную песенку. Утром, раздумывая над сном, Ивыр, улыбаясь, говорил себе: «Откуда тут взяться девушке? Верно, от одиночества снится мне такое».

Днём же, когда становилось жарко, он будто ощущал на своих руках и лице прохладу. Невольно присаживался, смотрел на руки, искал какие-то следы. Слышались ему тихие, чарующие звуки песни. Чтобы не поддаться чарам неизвестной, он произносил «Нно!», резко вскакивал и круто брался за работу.

А ночью снова снилось ему, что девушка целовала его прохладными губами и щекотала лицо влажными волосами.

Проснувшись, Ивыр убеждал себя: «Ночью душно было от жары, видно. Мне, сонному, очень хотелось прохлады».

Но стало у Ивыра расти неотвязное желание увидеть незнакомку. И он решил в следующую ночь притвориться спящим. И вот в полночь уловил он лёгкий шорох, услышал шёпот:

– Милый, устал, умаялся за день, ненаглядный мой. Моя светлая любовь.

Запела незнакомка:

– Земной человек,
Умный человек,
Приласкай меня,
Полюби меня.
Дай, дай мне тепла,
Я люблю тебя.

Чтобы не отпугнуть невидимку, Ивыр тихо-тихо заговорил:

– Спасибо, спасибо, девушка, за нежную ласку, за добрую, красивую песню.

Песня оборвалась, затаилась незнакомка.

– Девушка, девушка. Не уходи, не оставляй меня! Скажи, кто ты, как зовут тебя? – позвал Ивыр.

– Меня зовут Витьсам – Капелька. Я Дочь Воды. Бабушка моя – Земля, мать моя – Река. Няничла меня, пеленала меня в туманы Волна.

Ивыр голос слышал, а видеть никого не видел, и забило ему в виски: «Неземная, неземная!»

А руки против его воли потянулись ошалело, ищут певунью, чтобы её крепче поймать да нежнее к сердцу прижать.

Не помнил Ивыр, поймал ли он ночную певунью, прижал ли к сердцу, только засыпал он в ту ночь от приятной, счастливой усталости.

Ещё долго, много раз в душевные ночи Капелька – Витьсам приносила Ивыру прохладу реки и пела тихие песни сладостным голосом любви.

Но всё когда-нибудь кончается. И для Ивыра кончились чудесные ночи с певуньей. Однажды она сказала:

– Ивыр, мои сестры тревожатся, говорят, что ты на берегу лес вырубашь, тишину нарушаешь. А леса не станет – вода в реке убудет. Как жить нам в малой воде? Сёстры сказали, пойдём туда, где не тронута тишина, где вечно хранят воду кудрявые в полнеба лиственницы, сосны да ели.

Ивыр подался вперед, развел руки, чтобы обнять Витьсам, хотел уговорить её остаться с ним. Но только издали слышал:

– Прости, любимый человек, вместе с сёстрами я должна уйти! Я ухожу и твой подарок в себе уношу!

У Ивыра сердце забилося, он хотел бежать, но за кем? Всё равно не увидел бы её! Снова застучало ему в виски: «Неземная, неземная она, и любовь её неземная. Не опасны ли чары её? Не отня-

ла ли твою память, Ивыр? Не забыл ли ты своих земных людей? Забыл, наверное, зачем пришёл сюда?»

Ивыр встал на свои сильные ноги, встряхнулся и ясно почувствовал тоску по дому. Там, за большим, как сорий – море, болотом, его стойбище. Там ждут его с добрыми вестями. Он облегченно вздохнул и с новой силой принялся строить избы.

А семь сестёр, семь дочерей Воды, идут своим путём, ищут глубокий омут, окружённый высокими густыми лесами, где не потревожена тишина.

Шли они, шли. Вдруг Витьсам – Капелька, зарыдала, хотела обратно бежать.

– Милые сёстры! Не могу я, не хочу уходить от родной речки, от родного омута.

Старшие сёстры окружили её. Витьсам – Капелька слезами заливается, от её слёз целое озеро образовалось.

Увидели сёстры озеро и воскликнули:

– Э! Тымын-озеро!

Старшая сестра предлагает:

– Витьсам, пусть Тымын-озеро будет твоим домом, оставайся здесь.

– Нет, я пойду с вами, – решила Витьсам – Капелька.

И они снова пошли все вместе.

Долго ли, коротко ли шли, Витьсам опять горько заплакала и обратно повернула. Сёстры

вновь собрались в кружок, стали её уговаривать. Пуще прежнего Капелька льёт слезы. И увидели сёстры озеро больше первого.

Семь раз принималась плакать Капелька, от её слёз появилось семь Туманов-озёр. И стоят эти большие озёра до сей поры.

Вот старшая сестра и говорит:

– Сёстры мои дорогие, вы все уже на своих ногах, каждой из вас надо жить своим домом. У каждой должна быть своя Тихая Вода. Занимайте эти и живите. Капелька останется в первом Тумане, оттуда ближе наша родина. Седьмой Туман – последний – пустой останется. Для встреч он будет – будем там встречаться-видеться. Так ли я говорю?

– Так, так, – согласилась девушки.

– А я пойду дальше, – говорит старшая. – Буду искать свою воду, свою речку.

Далеко провожали младшие свою старшую сестру, долго кричали ей вслед:

– Контын я, контын я! Найди реку! – желали.

Засели в памяти старшей сестры пожелания младших. Она шла и всё повторяла эти слова. А как увидела перед собой большую реку, от радости, вместо слов «Котсым я!» – «Нашла реку!», она закричала на весь лес: «Контын я, контын я!» Звонкие слова разлетелись по лесам и запутались в ветвях деревьев. А когда прикочевали в эти леса манси, они обронили слова с веток. Слова «Кон-

тын я» – «Конда – река», скатившись с веток деревьев, упали людям на сердце, врезались в память и остались с ними на всю жизнь.

Пришло время Витьсам – Капельке стать матерью, поспешила она в свое царство воды. Родила Капелька сына, назвала его в честь отца Туривыр пув – озерный Ивыра сын.

После, когда не будет Ивыра – вожака и защитника людей манси, на его место встанет сын Туривыр. Только его, неземного, никто из людей не увидит.

Много тысяч лет манси будут останавливаться на берегу Сатыгинского Тумана-озера, у мыса Карсава, где впадает в Туман-озеро ручка Усынья. Они будут любовно глядеть на незамёрзающую полынью, даже в самые лютые морозы дымящую ледяным паром.

Деды приведут туда своих внучат, покажут на полынью:

– Ты Туривыр самет – это Глаз Туривыра. Он летом и зимой зорко глядит, чтобы манси содержали в чистоте реки, озёра, боры. Чтобы всегда родники голубели, ручейки серебрились и резвились, озёра и реки радостно в небо смотрели, никогда не мелели бы, а деревья над ними всегда были бы зелёными. А кто не будет выполнять заветы Туривыра, тому не плавать в лодке по Туман-озёрам, рассердится Туривыр, нагонит высокую волну и перевернёт его лодку.

Жалеет канясь³ Золотая Шапка, что из ближних лесов откочевали манси, ушли за топкое болото. Рыщут по тайге его слуги, ищут пути-дороги к стойбищам манси, чтобы отобрать у них дорогие меха, разорить их. Но боятся слуги топких, гиблых болот и тёмных, густых лесов, где из-за стволов деревьев щетинятся оперенные, с железными наконечниками стрелы. Плывут слуги Золотой Шапки в больших лодках по рекам. Давно уже обообрали стойбища хантов и манси по берегам рек Иртыша и Оби, вот уже заплыли на реку Конду и доплыли до озера – Тумана. Туривыр взметнул тяжёлые волны навстречу им. Волны с огромной силой обрушились на лодки, одни разбили в щепки, другие перевернули вверх днищами, третьи закинули на илистые отмели.

Много врагов осталось в водах озера-Тумана на веки вечные, но и на берег много врагов высадилось. Отдохнули и потянулись вверх по речке к стойбищу вожака Ивыра.

Ивыр тем временем вернулся в стойбище, сказал:
– Люди мои, зимой, как болота промёрзнут, будем каслать – кочевать. А сейчас надо налаживать нарты, луки и стрелы, на реке ломы строить, вдруг враги раньше придут.

³ Канясь – князь; здесь – хан.

И манси, обученные своим вожаком, сделали по речке семь завалов из неохватных деревьев.

Подплыли враги к первому завалу – лому, тут их и встретили острые стрелы. Не удалось слугам хана Золотая Шапка обогнуть стойбище Ивыра.

По сей день стоят завалы-заломы по речке Евре как память о древнем прошлом.

Вернулись враги обратно у Туману-озеру, поставили здесь трусливого, но злого Сатыгу пот – ясак собирать, а сами ушли за Иртыш.

Канясь – князь Сатыга в свою честь назвал деревню Сатагой, а озеро Туман стало называться Сатыгинским Туманом.

Когда промёрзли реки и болота, Ивыр со своими людьми откочевал. Они долго шли, а когда подошли к огромному, как море, болоту, манси удивились, спросили вожака.

– В таком большом болоте, однако, много злых духов... Пропустят они нас?

Ивыр вместо ответа песню запел:

– Всё под небом поделили злые духи:
В каждой кочке духов души,
В каждой ветке духов уши.
Шорох леса – это тоже вздохи духов.
Мы не будем их бояться –
Возьмём луки, с нечистью
Пойдём сражаться.

Ивыр своей напористой смелостью всех напугал. Манси заперешёпывались, заговорили:

– Стравит, стравит он нас злым болотным духам...

Старый Вындыр доверял молодому вожаку, уверенно, громко хвалил Ивыра, успокаивал людей:

– Ой-е, Ивыра большой ум туда-сюда, туда-сюда крылатой птицей летает. Он спасёт нас.

Но женщины к Ивыру с просьбой обратились:

– Ивыр, ты хоть позволь нам пурлахтых – молитву сотворить. Призовём на помощь наших добрых духов, а злых уговорим, умилюстивим молитвой, пусть не делают нам зла.

– Дорогие, моему сердцу сюкум – матери, делайте всё, что нужно, – разрешил Ивыр.

Женщины сварили горячую похлёбку, разлили в берестяные посудины, и пошли четыре древние старушки на четыре стороны света творить молитвы, стали уговаривать Болотного Духа – Комполэна: окуривать его пихтовым дымом, угощали похлёбкой, просили Комполэна попустить их к бору, к речке с прозрачной водой. Пока женщины договаривались с Болотным Духом, остальные сидели тихо, боясь пошевелиться, и не прикасались к пище.

Утром, чуть свет, Ивыр повёл манси болотом. Много прошли, но вдруг запокачивалось болото,

мох стал прогибаться, а через некоторое время совсем провалился. И открылась страшная пасть Болотного Духа, готовая проглотить всех до единого.

Поднялась грязная болотная вода ледяным паром, закружились над людьми болотные чудовища. Одни чудовища одноглазые, другие многоглазые, похожие на ворон с длинными клювами. Они кричали, бросали в манси мёрзлыми болотными кочками.

Всё перемешалось: ледяные брызги, мох, кочки, чудовища и манси с луками и огромными палками. Не стало видно ни солнца, ни белого дня.

Бьют манси злых духов, падают духи в болотную пасть, а оттуда ещё больше их поднимается. Не хочет Комполэн пропускать людей в богатый урман. Многие манси ушли в бездну трясины. И старого доброго Петотки не стало. Люди уже силу потеряли – приготовились переходить в подземное царство, а Ивыр только силу набирать начал. Бьётся Ивыр. Кулаки заболели – он вывернул берёзовую оглоблю из нарты, бьёт их оглоблей.

И вот чудовища мёртвыми упали в болотную пасть, настелили своими телами путь через болото. Сильные манси, храбрые манси не успели обрадоваться. Над ледяным паром появился сам Комполэн – до самого неба поднялся. Одна нога его деревянная – высокая лиственница, другая нога лошадиная – с круглым конским копытом. На-

бросился Комполэн на Ивыра, и началась страшная борьба. То, казалось, Комполэн одолевал Ивыра, то Ивыр одолевал Комполэна. Изловчился Ивыр. Выдернул деревянную ногу-лиственницу, забросил далеко в болото. Закачался Комполэн на конской ноге и запрыгал на ней – искать свою деревянную ногу.

Манси, победившие злых духов, бодро пошли дальше. Шли белыми борами. Деревья потрескивали от мороза, как будто вздрагивали, пугались людей. Снег вокруг был увит косами звериных следов. Собаки, почуяв запахи зверей, рвались с поводков – тянули своих хозяев на охоту.

Семь дней, семь ночей прошло. Манси пришли к речке со свежей прозрачной, как слеза Номи Торума, водой. Зашли в лесовные юрты, что Ивыр мастерил, крепко уснули.

Переночевали в тепле. А наутро охотники отправились на охоту, вечером вернулись с богатой добычей.

Женщины наварили лосиных голов, пригласили охотников за столы – только мужчины, только добытки, по древним мансийским обычаям, должны есть сердце и головы лосей.

Вожака Ивыра посадили на самое почётное место, поставили передним сот – узорную берестяную чашку, положили в неё самые лакомые куски мяса – угощали его лосиными глазами да языками.

Заметили люди: печальный Ивыр сначала сидел, голову невысоко держал. Устал, видно, очень бороться. Рассказывали ему охотники о богатых зверях урманых. Ивыр внимательно слушал охотников, вместе с ними – увидели – радовался. Потом закашлялся, повалился – и не стало его.

Старый вожак Вындыр горестно сказал:

– Ох, какая лиственница пала! Вот так в нашей жизни бывает: старое дерево скрипит, да стоит, а молодое, зелёное валится.

Все в стойбище застыли умом и сердцем. Не могли понять – почему, зачем верховные боги отняли у них такого доброго, такого верного вожака – Ивыра.

Мудрый Вындыр сказал:

– Отныне будет священным то место, где сидел Ивыр. С нами будет его душа. И посудина, из которой ел Ивыр, будет всегда стоять на том же месте.

Ивыр лежал бездыханно. Манси склонили головы над ним, надеялись: вдруг Ивыр откроет глаза, улыбнётся, скажет радостное слово. Кедры тоже склонились, ветки до земли опустили, тоже ждали, наверно. Не верили манси, что злая смерть одолела такого умного сильного человека.

И ещё сказал Вындыр:

– Не вернуть нам Ивыра. Его душа белым, чистым облачком поднялась в небеса. Там, в небе-

сах, Ному Торум с радостью встретил его бес-
сметную душу. Смотрите, Ивыр даже мёртвый
желает нам добра: крепко закрыл глаза, никого не
хочет высмотреть мёртвыми глазами, не хочет ни-
кого из нас взять с собой. Доброго надо по-
доброму отправлять в Нижний мир.

Мужчины бережно перенесли Ивыра на ска-
мейку, уложили на пихтовые ветки. Женщины под
скамейку глиняную угольницу с горячими углями
поставили, на угли бросили можжевеловые ветки.

Самая уважаемая женщина – Мать матерей –
опустилась на колени, запричитала:

– Окурись земным дымом, чтоб ушли от тебя
все земные запахи, чтобы наша Мать-земля легко
приняла тебя в свои объятья.

Подняла голову Мать матерей, сказала всем:

– Не будем плакать, нельзя заливать слезами
дорогу уходящего в Нижний мир. Чтоб не отсыре-
ли стены его вечного дома, древние наши заветы
велят дорогого человека оплакивать сухими сле-
зами. Сухие слезы будут долго приносить боль, и
память наша о нём будет долгой, долгой.

Гроб мужчины сколотили, сделали листвен-
ничный сруб, могилу вырыли. Разложили много
костров, щепу, что осталась от гроба, в пламени
поминальном сожгли, как велел обычай.

Собрали лыжи, одежду добротную, лук и стре-
лы, котел – всё, что потребно будет умершему в

Нижнем мире. Через три дня и три ночи схоронили Ивыра. Сруб в могилу опустили, внутрь гроб поставили, досками сверху хорошо накрыли, землёю пышно засыпали.

Высокий холм вырос, куда бы манси ни шли теперь, всегда его увидят. На вершину холма воткнули стрелу, рядом крепкий лук положили, лыжи. Рядом с холмом на деревья развесили одежду.

Встали мужчины вокруг холма, поклонились семь раз, касаясь рукой свежей могилы: делились с тем, кто в земле, своим сердечным теплом. За мужчинами подошли женщины, так же, как мужчины, нежностью и теплотой поделились.

В горестном молчании в стойбище возвращались.

Кто знает, сколько лет миновало с тех пор?

Но манси, возвращаясь с охоты, в посуду Ивыра всегда клали вкусные куски свеженины. Склоняли головы над столом, где поднимался пар от сваренной головы лося. Как живому, рассказывали Ивыру, на каких тропах охотились.

Хорошо жили манси в этих краях, богатых добычей. После смерти вожака Ивыра называли они свою деревню Еврой – Ивыр Павыл, речку тоже Еврой – Ивыр Я.

Часто стали сниться тревожные сны старому Вындыру. Свои сны мудрый Вындыр рассказал Паломею. Будто мёртвые души предков жалуются,

что забыли их, оставили манси, а такого раньше никогда не бывало.

Паломей спрашивал:

– Может, тебе жаль те реки, озёра, охотничьи леса, лесовные юрты?

– Нет, я тужу не об том, – отвечал старик. – Боюсь потерять память о предках. Человек, потерявший память, теряет свое начало, самого себя теряет. Тебе, Паломей, лучше вернуться на земли наших старых стойбищ.

И ушёл Паломей.

Дорогу, по которой он ушёл, до сих пор манси называют Палам Ленх – Пелымская дорога. Место, где стал жить Паломей, назвали Палам Павыл – деревня Пелым, и речку Палам Я – речка Пелым. Как лесные речки стекаются в одно озеро, так люди стали приходить в стойбище Паломея: прикочевывали манси, приходили русские. Постепенно разрастаясь, деревня превратилась в город. Манси назвали тот город Палмус – город Паломея. А русские говорили просто – город Пелым.

Глубокая светлая память манси сохранила воспоминания о добрых делах предков. И что бы ни делали люди с тех пор, кто насвистывал песню об Ивыре, кто пел – протяжно, печально, точно Ивыр ушёл совсем недавно. Матери говорили детям, старики внучатам рассказывали об отважном, сильном Ивыре, добром Петотке, мудром Вынды-

ре, верном Паломее. Вот эти сказки, песни, легенды через время дошли и до нас.

Праздник трясогузки

С весенними праздниками у бабушки Околь – Матери Матерей – было много хлопот и забот. Она обходила все жилища, узнавала, у кого в семье какие запасы. Расспрашивала, что могут принести на празднество в честь Трясогузки.

Всё это делала Мать Матерей для детворы. Чтобы радость ребят не омрачилась, не вызвала обиды и зависти к другим.

Бабушку Околь беспокоила и погода, какой она будет завтра? Не помешает ли детскому веселью? Может, зима прокрадётся меж облаков да завалит праздничную площадь снегом. Вдруг старуха Зима поссорится с молодой Весной?

Утром Околь проснулась, и едва открыла глаза, тотчас озабоченно вышла за двери. Осмотрелась. Утро было прекрасное, оно обещало стать погожим деньком с голубыми небесами, залитыми солнечным сиянием.

Вот Околь, спокойная за погоду, идёт по деревне, и всюду ей встречаются сереброкрылые Трясогузки. Они покачиваются на своих тонких ножках, приветливо кланяются ей. Бабушка Околь тоже незамедлительно отвечает поклоном и здоровается:

– Пася, пася! Здравствуйте, здравствуйте, вестники Большого Света и Красной Весны!

А Трясогузки, довольные, что вернулись на родину, то взлетают коротким взлётом, то садятся, потряхивая хвостиками. Вертят головками, показывая то один глаз-бусинку, то другой. Пританцовывают под музыку звонких ручейков. Коротким щебетом славят желанную весну. Большой Свет, белые ночи. Страхивают с крылышек тепло, принесённое с южной земли.

Бабушка Околь стояла и радовалась птицам, словно увидела их впервые в жизни.

– Разве есть какая птаха лучше этой вежливой птицы в нашем краю? Нет! Конечно, нет. Она всё лето, каждое утро встречает нас поклоном. Щебечет, что круглое лето будет с нами, – рассуждала бабушка Околь.

Всё так же улыбаясь, она спешит в конец деревни на игровую площадку. Подошла к длинному столу, сколоченному из досок для праздника. Женщины ставят чашки с мансийской кашей. Каша необыкновенная! Она щедро сдобрена ядрами кедровых орехов. А сами орехи поджарены на рыбьем жиру. Но каша с орешками – это ещё не всё. Болотисто-смуглые от жира, слепленные из теста фигурки трясогузок расставлены по обе стороны на столешнице. Они хрустящие, тают на языке, едва положишь их в рот.

Околь ласково с поклоном здоровается с матерями, хлопчущими ради детского торжества:

– Живите здоровыми долгие годы, мои дочери!

Женщины обрадованно суетятся:

– О, наша Мать Матерей, сейчас горячие угли в угольнице принесём, положим на угли ветки пихты и можжевельника. Ты пурлахтан⁴ – молитву пошлешь верхнему богу – Торуму.

Скоро над столом поднялся духовитый дымок, и Мать Матерей торжественно начала отдавать поклоны Небесному Богу – Торуму. Женщины присели, всматриваясь в лицо своей Матери Околь. Лицо бабушки часто изменялось: то становилось радостным, то горестно-печальным. Все слушали, внимали её тихим словам и радовались, и страдали вместе с её молитвами. Мать Матерей закончила молиться. Она оглядела угощение на столе, достаточно ли вкусна рыба, печённая в золе, аппетитны ли вяленое мясо-саламат⁵.

Бабушка Околь берёт одну фигурку трясогузки, вертит её на ножке из березовой палочки. Ах, как живые у испечённой птички глазки из щучьих икринок! Предовольная Околь отошла в сторону, присела на чурбак. Подумала: «Искусны руки моих дочерей!». С первых дней, когда её выбрали

⁴ Пурлахт – молитвенное послание к богу.

⁵ Саламат – традиционное блюдо манси.

Матерью евринских женщин-матерей, она считала всех хозяек, имеющих семьи, своими детьми.

– Охотиться, ловить рыбу и готовить еду впрок, шить и мыть – всё могут вогулки⁶. Вышивать и вязать, ткать и прясть. Вон как вылепили из теста точёную фигурку нашей священной птицы – Трясогузки!.. – размышляла бабушка Околь.

Скоро на праздник явились мужчины, собрались ребятишки. Старик Петотка подошёл к Матери Матерей, помог ей подняться с чурбака и заговорил:

– Мать Матерей, наверное, поздравить своих детей со светлым праздником?

– Да, да! Сейчас подойду к столу, – она встала у нарядного обильного стола и молвила нараспев:

– Милые мои взрослые дочери и сыновья, дорогие наши дети, я поздравляю вас! Прилетела первая весенняя птица – Трясогузка! Раз прилетела священная пташка – зима не вернётся. Больше ей не достать, не морозить нас. Прошу Духов Неба, пусть пошлют нам долгое жаркое лето, тёплые дожди, чтобы скоро зацвели ягодники. Скорее появились бы завязи ягод. Пусть реки и озёра рыбой полнятся, а леса – зверями! – Околь подняла руки к небу и проговорила: – Духи Неба, сделайте так, чтобы мои пожелания сбылись!

⁶ Вогулка (вогулы) – древнее название манси.

Все сидели за столом, ели, шутили весело и не заметили, как Петотка поднял деревянную чудо-птицу – Трясогузку. Поднялся и понёс её вокруг стола, наклонял над каждым сидящим за столом, будто она, священная, осеяла народ. Обошёл стол Петотка и направился по всей площади. Дети повскакивали из-за стола и помчались за ним. Деревянная птичка, поднятая на палке высоко, посверкивала ярко-зелёными глазками-бусинками, вставленными мастером. Трясогузка встряхивала лёгкими ажурными крыльями из осинової щепы.

– Смотрите, смотрите, Трясогузка крылышками скидывает снег, который ещё не успел растаять в борах. Скоро нас бабушка Околь поведёт в лес за весенней брусникой! За весенней сладкой брусникой! – восторженно кричала детвора.

Петотка обогнул площадь и скрылся в зарослях ивняка над речкой Еврой.

– А теперь девочки исполняют пляску Трясогузки! – сказала бабушка Околь.

Девочки поднялись, развели руки в стороны, будто у них выросли крылья. И вдруг разбежались, рассыпались, словно стайка разноцветных пичужек. Махали, разлетались полы их ярко расшитых халатов. За старшими девочками выбежали малышки. Движения у всех были вольные. Кто как умел, махал ручонками. Некоторые, подпружинив, похлопав в ладоши, повертев головкой, срывались

с места и вприпрыжку бежали, словно летели над поляной-площадью. Много было затаённых улыбок взрослых, когда самые маленькие девочки своими ещё неловкими движениями старались подражать старшим.

– Аннэ, а ты что не идёшь плясать? Ты не рада Трясогузке? Смотри, все, даже маленькие веселятся! – прошептала Околь, наклоняясь над моим ухом.

Я вскочила и, как малышки, полетела вслед на площадь и оказалась со всеми вместе.

Едва закончили девочки плясать, поднялись мальчики. Каждый с луком и пёстрой стрелой. Они идут, не страшась берестяной маски Комполэна, оборотня с большой пастью. Поднялись и их отцы, сопровождая сыновей.

– Туго натягивай тетиву лука! – напутствует отец сына.

– Целься прямо в пасть чудищу, – говорит второй отец.

С каждым метким попаданием взрослые одобрительно аплодируют, а малыши подпрыгивают и кричат:

– Здорово!

Стоявший сзади всех мальчик Пролко неожиданно для всех стал расталкивать сверстников. Торопился пустить стрелу. Петотка взял его за ло-

коть и вернул на прежнее место, потихоньку упрекнул:

– Ты что за торопливый охотник, не умеешь затаиваться, выжидать зверя. Всех зверей распугаешь и с пустыми руками придёшь домой!

Мальчики постарше, что попали стрелами в пасть чудовища, загордились и словно стали выше ростом. Только самые маленькие были огорчены своими неудачами. Слёзно они упрашивают Петотку, чтобы разрешил ещё раз попытать им охотничьего счастья.

Разве можно, чтобы кто-то горевал на празднике?! Петотка укоротил расстояние до маски. Малыши ещё по разу пустили стрелу в пасть чудовища. Маска Комполэна дрожала от метких пёстрых стрел. А зрители все до одного восхищались и восклицали:

– Малыши самые меткие!

Бабушка Околь в играх детей знала толк и замечала, что не видели другие. Вот и на празднике Трясогузки, наблюдая за игрой, она улыбалась. Улыбка была неописуемо прекрасна. Старушка думала, благословляя детвору:

– Да, живёт в разуме вашем желание дарить Земле добро! Я знаю, вы, дети, мудры. Так пусть вы, и состарясь, не забудете, как чудесно быть ребёнком. Как важно до седины черпать радость в ма-

лом. Любить жизнь, ценить всё, что жизнь дарует. Горе и утраты нести достойно.

Наигравшись, дети опять липли к бабушке Околь и просили сказку.

– Ну, усаживайтесь потесней, ребятки. Сейчас я расскажу сказку о доброй птице, которая приносит нам на своих крыльях весну-красну и ломает лёд на реках. Я сама люблю с ней разговаривать. Так вот как мы с ней беседуем: Трясогузка, Трясогузка, где ты была-побывала, что повидала?

– Я от холодной зимы на юг улетала, – отвечает Трясогузка.

– Как там жила, чем занималась?

– Там я скучала. Печальные песни напевала. Каждый день родину мою вспоминала. Я всегда видела мою северную землю, где много бабочек, тучи комаров, любого жирного жучка лови.

– Что долго в тёплых краях задержалась?

– Я для вогулов искала пёструю стрелу со счастливым наконечником.

– Ну, и нашла?

– Нашла, да до весны запрятала её в густых кустах. Когда я прятала, за мной подглядела Гусыня. Она украла стрелу.

– Ты точно узнала её, Трясогузка?

– Весной, когда мне время пришло лететь домой, я пошла к Гусыне отнять стрелу. Она как зашипит, захлопает крыльями, да широко отворила

клюв. Чуть меня не проглотила! Говорит: «На что тебе стрела? Ты хочешь на родину её унести, охотникам отдать? Хорошо тебе, ты – пичужка малая, ненужная, и никто в тебя не будет целиться острой стрелой. А мы, гуси, – птицы дородные, нас везде и всюду подстерегает стрела со своим острым концом!

– А ты ей что, птичка?

– Я говорю ей: «Да ты посмотри на конец моей пёстрой стрелы. У неё конец не острый, вместо острия сосновая шишка».

– Как же Гусыня ошиблась! Верно, было ей неловко?

– Тогда она взяла мою стрелу и долго вертела, рассматривала и старалась себя уколоть.

– Ты, Трясогузка, правду сказала, что это совсем не опасная стрела, – ответила мне Гусыня.

– Отдала Гусыня стрелу, а ты, что, милая, стала делать?

– Я взяла в клюв и полетела через море-океан со стрелой. На горе поднялся страшный ветер. Взволновал глубину. Вздрыбились сердитые волны выше трехсотлетнего кедра! Шипят, хлещут в берега. Увидели меня со стрелой, поднялись до моего клюва, выхватили стрелу и утопили её в волнах. Не печальтесь, люди мои, я на будущую весну обязательно принесу новую стрелу.

...Бабушка Околь замолчала.

– Нет, бабушка Околь, расскажи сказку до конца! – наперебой зачастили ребята.

– Я доскажу сказку в следующий раз.

– Нет, нет, – просили ребятишки, – сейчас, сейчас, а то речка задохнётся под ледяной крышей.

Согласилась бабушка до конца рассказать сказку.

– Прилетела Трясогузка, взвилась к Солнцу и просит его: «Великое, доброе Солнце, спусти до земли Лучи своих дочерей. Пусть Лучики-Поссам растопят сугробы снега. Потекут с горок игривые поющие ручьи, переполнят реки и речки водой, и лёд отойдёт от берегов».

Солнце согласилось отправить своих дочерей. Тогда Трясогузка повстречалась с вольным весенним ветром и попросила его:

– Будь готов раскачать лёд.

Лёд отделился от земляных берегов. Ветер и Трясогузка пошли на крышу реки и принялись покачиваться на ней. Вдруг услышали сердитый голос реки из-под ледяной крыши:

– Да кто меня ещё придавливает ко дну? Мне и так душно, нечем дышать!

Вдруг не стерпела речка, метнулась ледяным подолом на песчаный берег. Сгребла старый пенёк и давай перетирать его корни ледяными жерновами. Огромный пенёк, как нечто живое, рогатое, бодает, ломает лёд. Бьётся, барахтается. То схватит с

берега берестяную крышу с рыбацкого шалаша, то подстережёт живого зайчишку на льдине.

Увидели манси у одного селения зайца на льдине. Залились сердца жалостью, забежали по берегу. Чем бы достать до льдины, спасти зайца?

— Ах, ты, несчастный, зачем прыгнул на льдину? Ах, ты, глупыш, погибнешь! — кричали они.

Но речка сама пожалела зайца, взяла и забросила льдину, придвинула к берегу, а тот, почувствовав землю, дал стрелача в кусты.

Во время ледохода река пребывает с длинными руками. Она, как чистоplotная хозяйка, всё чистит, сметает с берегов, что накопилось за длинную зиму. Всё сметёт, всё смое, чтобы босиком лето без опаски бежало к детям из сказки.

— Теперь конец? — спросили дети.

— Всё-всё, — отозвалась Околь. И вдруг оживилась. — Теперь скажите, как выглядит пёстрая стрела со счастливым наконечником, что обещала принести Трясогузка?

— Я скажу, — поднялся мальчик Кырыль.

— Говори.

— Эта стрела с шишечкой на конце. Зовут её пивтам. Она бывает у охотников, чтобы не портить шкурки мелких зверьков: колонка, горноста, ласки.

— Стрела, которую подарит вогулам Трясогузка, — таинственно прошептал Кырыль, — не знает промаха. Наш народ забыл бы голод.

ШЕСТАЛОВ ЮВАН НИКОЛАЕВИЧ

«Пойте, мои звёзды!..»

Пойте, мои звёзды!
Звёзд узоры тонкие
В синей вышине
Дарят песни звонкие
И мигают мне.
Пойте звонким голосом,
Жители высот!
Снежная под полозом
Пусть звезда поёт!
Слышишь, небо звёздное,
Как поет тайга?
Видишь, как морозные
Светятся снега?
Хищная и яркая,
Словно волчий глаз,
Вниз звезда Полярная
Смотрит в поздний час.
Я пою – и с песнею
Не расстаться мне,
Звёзд семью чудесную
Славлю в тишине:
Сторону родимую –
Звёздный свет окна...
Девушку любимую –
Ярче звёзд она!

Радость, ожидание,
И любовь, и грусть –
Этих звёзд сияние
В стих ворвётся пусть!
Я пою, что лунные
Ныне вижу сны:
Жмут мне руку юные
Жители Луны.
Слышу с ними вместе я
Где-то на Луне,
Как поют созвездия
В синей вышине...
Пойте ж, звёзды звонкие,
В чистых небесах!
Пойте ж, звёзды звонкие,
В сердце и стихах!

(перевод С. Ботвинника)

Мать

Здравствуй, край мансийский милый
Со смолистою тайгой,
С молодой отцовской силой,
С материнской добротой!
Машет мне рукой осина,
Улыбается вода.
Слышу лепет лебединый –
Словно в детские года...
Детство – с кваканьем лягушек,

С плеском уток у озёр,
С птичьим пеньем у опушек –
Ты волнуешь до сих пор...
Мать! Твой взгляд я помню нежный,
Треск лучины в тишине...
Вихрь в пыли купался снежной –
Ты тепло дарила мне.
Но нагрянуло несчастье,
Омрачился неба взор...
Где ты, синь? Кругом ненастье –
Мать ушла в дремучий бор...
Я, как лист на голой ветке,
Мёрз под ветром ледяным,
Дождь колол – осенний, редкий,
Снег летел – я стыл под ним.
И мороз свирепый клялся
Погубить меня навек –
Жёг, под сердце подбирался,
Повалить старался в снег.
В край, где столько лет я не был,
Я вернулся ныне вновь –
Улыбалось солнце в небе,
Был приветлив шум лесов!
Птичий гомон разливался –
Отдавалась песнь во мне;
Мир вокруг звенел, качался
На сверкающей струне...
Нет! Осенний дождь колючий

В дождь меня не обратил!
Ни мороз, ни злые тучи
Не лишили юных сил!
Родиной золоторукой,
Словно матерью родной,
Обогрет я и взлелеян;
Крепнет, зреет голос мой.
Я смотрю её глазами,
Плачу я её слезой;
Пахнут песни облаками,
Солнцем, лесом и грозой!

Сказка про луну

Угадай попробуй,
Кто там в вышине,
Словно по сугробам,
Ходит по Луне?
Манси, робким глазом
Глядя на луну,
Сочиняли сказок
Много в старину.
И дошло такое
До моих ушей:
Жили-были двое дерзких малышей.
Не стыдись нимало,
Те озорники
Всё Луне, бывало,
Кажут языки

Дразнят, дразнят пальчиком
Строгую Луну
(Баловались мальчики
Даже в старину).
Рассердилась очень
Старая Луна
Унесла их ночью
Тёпленьких от сна.
Для старухи гордой
Носят дурачки
В берестяных вёдрах
Воду из реки.
Лунные морозы,
Лунная пурга,
Льют детишки слёзы
В лунные снега.
Шла, брела по свету
Сказка в старину,
День настал – ракета
Села на Луну.
Ласковое слово
Молвила она:
– Хватит быть суровой,
Бабушка Луна.
Станешь ты моложе,
Станешь ты добрей,
Мы тебе поможем
Полюбить детей.

Песня дяди Сергея

Ночью мне приснился сон.

Сладкий сон. Счастливый сон.

Будто я опять в родной деревне живу. И дом наш стоит как прежде. И речка плещется у самых дверей, и в окно смотрит озеро. Над нашим домом – лосиные рога.

Они будто держат наш дом у самых туч.

А в доме горит огонь.

У огня мама.

Моя мама. Родная. Живая. Я плакал. Радовался. Был счастлив. И Кирилл был рядом. Он сидел у огня, загадывал загадки.

А дядя Сергей играл на санквылтапе. Весело звенели струны санквылтапа.

Мне было весело, хорошо.

Утром я сказал отцу, что видел сон. Отец выслушал меня и сказал:

– Ты соскучился. Езжай к дяде Сергею. Поживи там...

Кирилл жил у дяди Сергея. Дом дяди Сергея новый, большой. Пахнет сосновой смолой. В нём нет комнат. Но у Кирилла есть свой угол. Над маленькой кроватью Кирилла висел портрет Ленина и много рисунков: лес, заснеженная река, звери, рыбы...

– Сам рисовал? – спросил я Кирилла.

– Сам, – нехотя ответил он.

В углу – книги. Рядом с книгами патроны. Тут же стояло ружьё. Тут же лежали деревянные птицы, звери, рыбы.

– Из какого дерева ты вырезаешь? – спросил я Кирилла.

– Из кедра.

– Трудно?

– Не очень.

Кирилл явно не хотел говорить. Он, как прежде, был молчуном. Молча протянул фигурку, чуть больше указательного пальца. На меня скалила зубы ершистая всклокоченная росомаха. Я сразу узнал её.

– Это мне?

– Да.

– Зачем?

– Дарю. Пусть будет твоим амулетом. Злые духи будут от тебя бегать. Никто не укусит.

– Какие духи? Разве ты не пионер?

– Пионер.

– Когда приняли?

– Недавно.

– Галстук дали?

– Дали.

– Пионеры духов не боятся! – отрезал я.

Оленья упряжка остановилась у нашего дома. В нашем доме гости. Дядя Сергей стал каким-то необычным, весёлым. На лице тёти Оли появилась улыбка, радушие. В нашем доме праздник. Праздничными словами обращался дядя Сергей к приезжему.

На столе появилась деревянная чашка с краснотёпкой брусничкой. Повяло запахом сушеной рыбы – ёхыл. Старый медный самовар запыхтел, зафыркал. Тётя Оля хлопотала у стола. Торжественным был дядя Сергей. Молчаливо, торжественно усаживались гости.

Старый закон Севера гласит: сначала накорми, напои путника, угости всем, что имеешь, потом только расспрашивай...

Когда гости уселись за стол, дядя Сергей принёс с улицы, где играл морозище, мёрзлого муксуна.

Дядя Сергей взял муксуна за хвост и начал колдовать. Вонзив лезвие ножа около хвоста, сделал точный надрез до самой головы. Потом возле жирного брюха провёл сияющим лезвием. Подрезав кусок рыбьей кожи поперёк хвоста, содрал с одной стороны рыбы блестящую серебром шкуру. Другой бок разделал так же. Затем нож прошёлся по спине и брюху, сострогав мясо вместе с плавниками.

Поставив рыбу вниз головой, дядя Сергей резал тонкие перламутровые стружки. Куски от спины и брюха были самыми вкусными.

Красиво скользил нож дяди Сергея, красиво строгал он рыбу. Гости ели строганину, как самое лучшее, изысканное кушанье. Кроме рыбы, брусники и чая в нашем доме в тот момент ничего не было. И всё же гости наши были довольны. И мы были довольны.

Я был просто счастлив. Почему? Да стружки перламутровой строганины, таявшие на языке, расточали аромат свежести. Тает стружка во рту – и кажется, ты прикасаешься к вкусной сказке нашей большой реки. Но, наверное, это было не главным. Главным было то, как дядя Сергей и тётя Оля встречали гостей, как резали рыбу, подавали чай, угощали ягодой и какие слова говорили. А северное слово за северным столом по закону тайги должно быть так же сочно, как ягоды, рыба...

В доме дяди Сергея не горит лампа. Керосин кончился. В доме дяди Сергея горит печь, а на столе лучина. Свет от лучины тусклый. Зато ярко, тепло горят глаза тёти Оли. Она очень добрая. Всё, что есть на столе, всегда наше, общее. Никто никогда здесь не делит куски на жирные, сладкие и тощие.

Пусть в доме темно,
Зато в сердце светло.
В сердце светло –
В мире тепло.

Много заповедей-песен у дяди Сергея. Дядя Сергей не говорит, а поёт их, весело наигрывая на санквылтапе.

Вкусна ли строганина,
Знает тот,
Кто её отведаёт.
Длинна ли тропа,
Знает тот,
Кто её пройдёт.
Олень хорош,
Когда он сыт.
Оленевод хорош,
Когда упряжка оленья
Вдаль летит
По снежному простору,
С ветром споря...

– Кто сам не знает, и знающего не слушает?
– Глупец.
– Правильно! Молодец!

Глупец сам себя хвалит.
Глупый поймёт, когда устанет.
Пока мудрец размышляет,
Глупец совершит.
Глупый друг хуже врага.

Северный хлеб

Мы с атей шли по большой траве. Большая трава высокая, чуть выше меня. Но атя мой выше. Трава шуршит, будто что-то говорит. И атя мой говорит. Он говорит о необыкновенно большой траве, которую я вижу впервые.

— Это колос, — сорвав одну травинку, говорит атя.

— Но разве это мука?! — удивляюсь я.

Колос... Так называют у нас муку. И ещё так называют мясной суп, приправленный мукой. А чтобы траву, растущую на лугу, так называли, я не знал.

— Это не луг, а поле, — продолжает объяснять атя. — Луг дикий, а поле пахут люди, чтобы вырастить на нём хлеб.

— Разве это хлеб? — опять удивляюсь я. — Трава же это!

Я знаю, как вкусен хлеб. Особенно горячий, который только что из печки. Ноздреватый, пышущий жаром хлеб — сказка!.. Но разве эта трава — хлеб?!

— Хлеб! — твёрдо сказал атя. Сказал, как отрезал. Атя председатель колхоза. Он не любит, чтобы ему перечили. Я не колхозник, но даже со мной он разговаривает как с колхозником. Мне это не нравится. Но хлеб мне нравится. Даже тот, который ржаной. И я, пожалуй, люблю его больше бе-

лого. Особенно со строганиной из свежемороженой нельмы. Перламутровые стружки строганины вкусно тают во рту с тёплым ржаным хлебом. Но никак не пойму, как из этой жёлтой золотистой травы такой вкусный хлеб может получиться.

– О, это большой и долгий труд! Много пота надо пролить, чтобы из чёрной земли вырастить белый вкусный хлеб! Вырастешь, сынок, – узнаешь.

Подул ветерок. Золотистые волны поплыли по лугу, который называют хлебным полем. Хлебное поле небольшое. Не сравнишь его с широкой Обью, с большой тайгой, даже с небольшим озером, что у нашей деревни плещется. В озере больше воды, чем в этом поле травы, которую называют вкусным словом «колос». Да, ведь я помню, как отвоёвывали у тайги это поле. Сначала рубили лес. Под звон топоров валились на землю сосны, ели, даже кедры. Потом вырывали из земли корни деревьев. Корни таёжных деревьев разлапистые, жилистые, крючковатые. Цепко держатся за землю. Земля чёрная не отдавала их без труда. Долго возились колхозники с ними. Пот лил с колхозников, комары кусали... И атя махал топором, и с ати лил пот. Но он подбадривал других словами: «Корчевать, корчевать, корчевать! Будет хлеб, картошка! Картошка – второй хлеб!»

Картошка выросла. Я уже не раз её пробовал. Вкусно. Особенно вкусна та картошка, которую

печёшь на углях, на горячей золе костра. И зимой в интернате, когда слишком холодно и голодно было, нас спасала картошка и каша. И каша, оказывается, тоже из «хлеба» – из колосьев. Кашу варят из крупы, крупу делают из колосьев, колосья растут на поле...

– Только вот думаю: выращивать хлеб и картошку, как русские люди, сможем ли мы манси? – глядя на поле, говорит атя. – Русские люди – хлебопашцы, мастера. А мы мастера ловить осетра, муксуна. Перед манси сложит могучие лапы медведь, и хитрющий соболь снимет с себя шкуру, охотнику её подарит. Мы, таёжные люди, умелые ловцы зверя и рыбы. Мы – охотники. Мы – рыбаки. Мы – мастера-ловцы, мы – следопыты. Вот это мастерство не утерять бы нам! Вот о чём я думаю, сын мой! Рыба – третий хлеб, вкусный хлеб, нежный хлеб. Плещется рыба – жизнь играет. Хлеб колосится – жизнь играет.

А в жизни главное – труд. Так я думаю. Запомни, сын мой! Корчуешь ли ты лес, пашешь ли поле, сеешь ли, поливаешь ли, следишь Лиза всходами, – ты во всём этом увеличиваешь свою радость... В эту землю ты вложил свой труд, своё время, свои заботы, свою душу и песню. И она, эта земля, ответит зрелым колосом, большим хлебом. И если ты рыбу ловишь, зверя добываешь, богатство людей умножаешь, – это не только чистая ра-

дось, но и большой труд. А рыбу ловить, зверя добывать тоже непросто. Надо быть умельцем, мастером надо быть!

Золотыми волнами волновалось поле. Колхозное поле. Хлебное поле.

– Хлеб всему голова! – сказал отец, сорвав колос. – Но и колосья бывают пустыми, как и головы некоторых людей. Вот этот колос, например. Как он гордо стоял, покачивая головой. А посмотри: он пустой. Многие люди подобны ему, – сказал отец, о чём-то задумавшись. – Ты сам увидишь, кода вырастишь. Но помни: не твоё дело судить, к какому колосу принадлежит тот или другой человек. А думай, к полному или пустому колосу принадлежишь ты сам.

«Хлеб всему голова!» – говорят русские люди.

«Большую рыбу ловит лишь большой человек!» – говорят манси.

Думая о хлебе и большой рыбе, подумай, какой ты человек!

Мы вышли в гарь. Здесь когда-то играл огонь. А теперь здесь Иван-чай заливают всё своими красно-лиловыми цветами.

Высокие стебли, похожие друг на друга, стоят прямо, как солдаты.

Их много-много.

Красно-лиловое море плещется и плещется, утомляя глаза...

А вокруг гари, у тайги, растут берёзки, ивы и рябины с подлеском из жимолости и кизильника. А между ним – герань, козелец, тысячелистник. И много других растений, имён которых я не знаю.

– Эту гарь надо распахать под поле, – говорит отец.

– А не жалко тебе этих растений?

– Среди всего растущего главное – хлеб и человек. Хлеб всему голова. Ведь всё для человека: и поле, и лес, и солнце...

Однажды мы с отцом приехали в город. Город сиял огнями. Столько огней я никогда не видел. В вечернем небе играло северное сияние. И хотя стоял большой мороз, город казался очагом тепла.

Наши олени остановились на центральной площади. На площади стоял бронзовый Ленин. Я сразу его узнал: видел на открытках. Прикрытый белым пушистым снегом, он, казалось, был одет в белую пушистую парку из меха молодого оленя.

Наступил месяц чёрной ночи, январь...

Самое суровое время года. Холодным сном уснуло всё живое. Медведь спит в берлоге. Белка не

выходит из гнезда. Дятел перестал долбить кору старых лиственниц, кедров. Глухари и тетерева зарылись в снег. Часто в лесу, когда наступаешь на снег, из-под ног вылетает испуганная куропатка, белая как снег, живая, как облако. Белая сова сидит на белой ветви дерева, спрятав голову под крыло. Волки лежат в белом снегу, уткнув морды в густую шерсть.

Солнце зимнее показывается на мгновение. Сядет на вершину дерева, посидит холодной птицей, взмахнёт бледно-жёлтыми крыльями и – снова прячется за деревья, вызывая на небо луну. Бледный диск луны и днём не сходит со звонкого неба.

Холодно. Темно. Но мне нынче не холодно. У меня много друзей. Дерево, которое стоит рядом с нашим домом, – мой друг. Собака лайка – мой друг. Я её привёз из деревни дедушки. У меня есть друг – заяц. Летом его поймал. А теперь он как ручной. Берёт еду с моей руки. А ночью прыгает на меня заяц – мой друг...

Почти каждый день атя говорит мне;
Тот настоящий человек,
Кто не ленится целый век...
Не стыдно, когда не знаешь,
А стыдно, когда не учишься...
Кто много читает,
Тот много и знает.

Ученье ум развивает,
А лень притупляет.

И я стараюсь хорошо учиться. А в школе хорошо: много у меня товарищей, друзей. Весело мне с ребятами. И забываю, что у меня нет мамы. Часто лицо мамы сливается с лицом Евфросинии Ивановны, моей учительницы. И мне кажется, что мама и впрямь стала учительницей. И всё же иногда во сне мама беспокойно говорит, чтобы я не забывал отца, новый родной дом.

Птица крылата,
Далеко летает.
Птица крылата,
Да старого гнезда
Не забывает.
Неужели ты,
Когда станешь крылатым,
Забудешь дом родной?

Как это я могу забыть родной дом, если я заповедь знаю:

В школу пойдёшь —
В новый мир войдёшь.
Там светло, высоко,
Видно всё вокруг
Далеко-далеко!

Мой путь земной, чтоб счастье познать!

О Север мой!

Ведь я увидел много.

Легко ногам под солнышком шагать,

Дорога к счастью —

бескрайняя дорога.

Здесь всё в глазах родимое до боли.

Земля — тайга.

Земля — река.

И поле.

Мой путь земной, чтоб счастье познать!!

В школе учиться хорошо. В школе и на самом деле светло, высоко. И видно всё вокруг далеко-далеко... Школа теперь мой самый светлый, высокий, тёплый дом...

Я просыпаюсь и радостно бегу в школу.

— Я человек! —

Запел северянин,

Запел во весь голос.

— Я не самоед! Я ненец!

Ненец — человек.

Я не дикарь — я ханты.

Ханты — человек.

Я манси, чукча, эскимос!

Я саами, ительмен, эвенк!

Я нивх, эвен, юкагир!

Тебе, северянин, дан дар
Быть огнедобытчиком!
Тебе, северянин, дан дар
Быть на земле Человеком!

Я человек!
И я буду жить!
По законам Торума,
По законам природы.
Буду служить
Земле родной
И родному народу.
Я человек!
И я буду петь.
Загадки загадывать.
Легенды складывать.
Сказки сказывать.
Я человек!
И я буду творить!

ТАРХАНОВ АНДРЕЙ СЕМЁНОВИЧ

В стране озёр

1

Озёра, озёра, озёра
В объятиях чёрных протоков.
Уходят из этих просторов
Оленьи следы на восток.
За ними медведь поволокся,
И, крадучись, волки пошли.
Но филин от злости отрёкся,
Сказал: «Свое стадо держи...»
Я слуг на веку не имею,
Обычаи леса крепки.
Я взял деревенскую Фею,
Взял лайку себе в пастухи.

2

Лазоревым, жёлтым и чёрным
Озёра горят на заре.
Нам Фея сварила проворно
Стерляжью уху на костре.
Пасутся на склоне олени,
И ягель для них, и ручей.
Собака не ведает лени,
И Феи не надо резвей.
То важенку так заарканит –
Любуйся и нежно хвали,
То ягоды спелой достанет

И волка заметит вдали.
Мне надо озёра разведать,
Которые здесь, на виду.
Пожалуй, сегодня к обеду
Я чаши озёр обойду.

3

Озёра, озёра, озёра,
За ними Уральские горы.
В цветочном цветёт ожерелье
Лиловая чаша одна.
У ней поясок жёлто-белый,
А пряжкой служит сосна.
Как будто дельфины, взлетают
Из чаши на воздух язи.
Пугаются их караси,
И чашек проносятся стаи.
Есть озеро возле протоки,
Где часто ондатра кричит,
В нём щуки страшной осьминога –
Как тёмные брёвна в ночи.

Улетают скворцы

Улетают скворцы из деревни
За причалы бумажных портов.
А мальчишки зовут их в скворешни
И под флаги своих крейсеров.
Но торопятся певчие птицы –
Соловьи деревенок лесных.
Глядя в след им, печалются лица.

Как влюблённым не вспомнить о них!
Улетают скворцы.
Кто-то машет,
Словно детям родным, в вышину.
Неожиданно стали мы старше,
Провожая скворцов и Весну.
И мальчишка далёко-далёко
Взглядом стаю свою проводил
Так, охвачен неясной тревогой,
Втайне парусник свой утопил.
Опадают, как листья, скворешни
На подушки мальчишек во сне.
Улетают скворцы из деревни,
Мы мечтаем опять о Весне.

Моя деревня

Здесь у кедров голос древний
И душичка на лугу.
Карагаево – деревня
На песчаном берегу.
Голубичный лес за полем,
Справа – озеро Туман.
В сердце воля, в далях воля,
Как же здесь не быть стихам.
Потому народ певучий,
Сказочник и ворожей.
– От частушки тает туча, –
Шутит дедушка Тимпей.
Ты у солнышка узнай-ка,

В день, какой придёт весна?
Балалайка, балалайка –
Пети Шилова струна.
Настежь звонкое окошко.
Э, вали сюда, народ!
Никанор берёт гармошку,
Устя пляшет и поёт.
Что ни дом – одни таланты,
Что ни бор, то благодать.
Земляки – мои атланты,
Вам бы жить да поживать.
Но в период укрупнений
Неразумнейшим пером
Тысячи таких селений
Были списаны на слом.
Слёзы, слёзы –
Гнев наш чистый,
Слёзы вылились до дна.
А ханжи и карьеристы
Получили ордена.
Нет тебя, моя деревня,
Нет боров, река тиха.
Голос кедров мудрых, древних
Стал тревогою стиха.

Я поэт

Я поэт,
Потому без охраны
Мне положено быть на миру.

И живу, и люблю без обмана,
И встречаю рассветы в бору.
Я у кедров беру себе силы,
Отпускаю туман в высоту.
И однажды,
Где кедров рубили,
Я на шалых людей набреду.
«Эй, поэт, – скажет парень угрюмый, –
Ты по воле сегодня нам брат.
Нам отчаянной хочется думы
Про любовь, про судьбу, про закат.
Но не думай разжалобить только.
Говори всё, как есть, на духу...»
Обжигаю их искренней болью,
Приобщаю невольно к стиху.
Говорю о России смятенной,
И о вере в неё говорю.
С этой верой у бездны смертельной
Всё равно буду петь про зарю.
Пригорюнятся тихо бродяги
Вековой горемычной страны.
И проснётся в нём чувство отваги
Для признания личной вины...
Я уйду под осенние своды
Удивительно ярких осин.
Я поэт.
И, поверьте, с Природой
Надо быть мне один на один.

ДИНИСЛАМОВА СВЕТЛАНА СЕЛИВЁРСТОВНА

С волками жить — по-волчьи выть...

Сегодня от главной волчицы отвернулись волчата. Нет, не её волчата, а всей стаи. Своих у неё не было, никогда. Всех она считала своими, каждым любовалась, играла, обучала охоте. Самки не противились их общению, они подчинялись воле главной. Волчат вспугнул вой волчицы. Он был неожиданным, очень протяжным и каким-то чересчур горестно-гневным, тяжёлым... Волчата поджали хвосты, пригнули головы, исподлобья поглядывая на волчицу, засеменили к своим мамам; те же в большой растерянности, боясь шевельнуться, смотрели на свою предводительницу...

Главная волчица тут же пожалела о своём поступке. Да, сегодня был не её день! Она не знала, что с ней происходит. Крик её души оказался неожиданным для неё самой. Но он вырвался, вылетел, состоялся! Вместе с нарастающим чувством сожаления и раскаяния она вдруг стала испытывать некое облегчение — освобождение от гнетущего и тягостного состояния, в каком пребывала последнее время.

Волчица, глядя с возвышения — небольшого пригорка, на стаю, с удивлением прислушивалась к себе: её ошибка, промах вдруг стали вносить в

сердце свободу. Она чувствовала, как, подобно рассеивающемуся утреннему туману, отступает её раздражение, злоба...

Сейчас главная волчица хотела побыть одна. Она спустилась с пригорка и сквозь чащу устремилась в сторону заливных лугов. Мыслям её нужен был простор... Окинув взором пространство, остановила взгляд на птице, одиноко парящей высоко в небе. Обычно она подолгу наблюдала за полетом птиц, мысленно уносила к ним в поднебесье и оттуда любовалась миром, радовалась приволью... Но сейчас она слушала себя. В последнее время она была слишком раздражена, как-то незаметно в её сердце основательно вселились гнев и досада. Порой волчица испытывала невероятные приступы ярости, хотелось кровавой схватки, физической боли, хотелось выть, выть, выть... В такие минуты она закрывала глаза и к ней являлась Волчица-Мать! Её образ успокаивал мысли, душу, сердце, умирал гнев... Волчица-мать! Только она может понять, успокоить, дать совет. Главная волчица закрыла глаза... Образ Волчицы-Матери явился в нежном розоватом свечении, взгляд лучился любовью и светом: «Милая дочь! Я ждала этого дня... Он состоялся. Сегодня в пространство влился твой голос – голос белой волчицы. Да, ты особенная, не похожая на других. Тебе дарован не только белый цвет... Нашим бо-

жеством – Ночным Светилом – ты одарена великой мудростью предков – хранить и передавать уходящие в забвение непререкаемые волчьи законы бытия... Без них волкам не выжить...

Меня беспокоило твоё молчание... Запомни: Ночное Светило одно на всех, Дневное Светило одно на всех. Под их светом, как и все волки, ты имеешь счастье ходить по земле на четырёх лапах, дышать, видеть, слышать. Как и все волки, ты добываешь еду, избегаешь встреч с прямоходящим на двух лапах, умеешь чувствовать опасность. В тебе течёт волчья кровь, а волки должны быть. Вой – это не только общение, вой – это очищение... Боль души невозможнолизать как кровоточащую рану. Посмотри на своих братьев и сестёр, им жить легче, чем тебе. Живи как все, и как все – вой! Молчание хорошо, чистота лучше! Очищайся воем – это единственное спасение... Открой глаза!» Волчица открыла глаза...

Мама

Мамочка! Если бы ты жила на этом свете, я подарила бы тебе такой же букет красных бархатных роз, какой подарили мне сегодня. Они прекрасны, и, наверное, глядя на них и вдыхая их аромат, нужно радоваться, наверное, нужно улыбаться, удивляться совершенству и красоте цветов, благодарить того, кто их принёс, и просто на

время ощутить себя счастливой. Счастливой...мною утеряно ощущение счастья. Однажды оно безвозвратно покинуло меня. Это случилось в день твоего ухода в иной мир. Момент нашей разлуки был подобен вселенскому взрыву, а затем наступила зловещая тишина, давящая и угнетающая. Мой крик безысходности: «мне без тебя пусто, пусто, пусто...» вяз в омерзительно тягучем и обволакивающем пространстве, в котором не было света и тепла... С тех пор я несчастна, и моими спутницами в жизни стали тревога, обида и тоска. Тревога вселилась в меня основательно, она просыпается утром вместе со мной, с моей первой мыслью: «Все ли мои родственники живы, здоровы, всё ли в мире спокойно?», обида сидит комом в горле: «У меня не стало мамы, я сирота, и некому меня пожалеть». Тоска приходит на закате дня: устремляю взор на заходящее солнце и лью слёзы – ты, Светлая женщина, не должна была уходить. Мы, твои, уже взрослые дети, не готовы жить без тебя, милой, родной, единственной. В один миг мы стали все другими: растерявшимися, жалкими, одинокими.

Прошло уже десять лет, то ли долгих, то ли пролетевших как один день. Словно вчера на наших бескрайних покосах звучал твой весёлый голос, словно вчера мы, устав от работы, начинали с надеждой поглядывать на тебя: когда же ты отло-

жишь в сторону косу-литовку и пойдёшь к костру готовить обед. Помню каждое движение: вот ты доводишь ряд до конца поля, берёшь свежескошенный пучок травы и аккуратно обтираешь им лезвие косы, затем прислоняешь косу к дереву и, наконец-то, направляешься в сторону костра. С этого момента в нас, казалось бы, открывалось второе дыхание: начинали быстро и без усталости косить. Знали, что очень скоро ты помашешь нам платком, и мы, радостные и счастливые, побросав косы, наперегонки будем бежать к тебе. Словно вчера мы сидели у костра, ели наваристую уху, слушали твои добрые наставления, наслаждались покоем и безмятежностью. Словно вчера....

А сегодня кедр, родившемуся на могильном холмике в год твоего ухода, уже десятый год. Он подрост, чуть окреп, но всё равно цветы – искусственные цветы, что лежат рядом, его больше. И они заботятся о кедре – прикрывают тенью в летнюю жару, укрывают в зимнюю стужу. Среди множества цветов видела точно такие же розы, какие сегодня подарили мне. Правда, те розы нравятся мне больше, чем эти, срезанные, а, значит, уже мёртвые.

Мои раздумья прервал телефонный звонок. Я, верующая в свою первую мысль, поняла, звонишь мне ты. «Алло, алло...», но в ответ твоё молчание. Твоя речь не слышима в этом мире. Когда пошли короткие гудки, положила трубку и записа-

ла эти строки. Я верю в мистику. И снова раздался звонок. На этот раз, плотно прижав трубку к уху, пытаясь уловить хоть какой-нибудь звук, я слушала тишину, которой почти не бывает. Мне хотелось сказать: «Мама, я тебя слушаю», но в комнате находились другие люди, меня бы не поняли. «Мама, я тебя очень-очень люблю», – мысленно произнесла я, и сразу пошли короткие гудки.

В третий раз наше молчание было долгим. Я старалась почувствовать твоё присутствие в мире. Кем ты стала: мыслью, душой, частью Вселенной? Что нас разделяет: сине-голубое небо или чёрная, холодная бездна, день или ночь, время или пространство? А ведь время не лечит, оно, наоборот, усиливает боль вечной разлуки. Где ты: может быть, совсем рядом, и твоя жизнь похожа на земную? Если так, то нас разделяет только миг, и как только я ступлю в тот мир, мы встретимся. Хочется верить... Но в последнее время мне всё чаще видится пространство, царящее между нами. Оно находится между землёй и верхними мирами и имеет плотность, состоящую из мыслей людей, причём, только горестных. Наверное, потому, что эти мысли более устойчивы, ведь после утраты близких человек скорбит всю оставшуюся жизнь. Мысли же счастья из-за своей кратковременности легки и воздушны, они быстро теряются... Пространство, вбирающее в себя страдания людей, поддерживает

собою верхние миры, и тот – светлый, высокий и чистый, в котором и я была однажды. Видела лазурную бесконечную даль и идеальной формы серебристые шаровидные творения. Иначе их не называть. Кто-то действительно безупречно их сотворил, создал, кто-то, но только не человек. Составляющие шар зеркальные колонны-трубочки нежно излучали матовый свет, от них шёл ласковый холодок. Находились шары на больших расстояниях друг от друга и примерно на одной плоскости, возможно, на самой верхней, седьмой оболочке от земли, называемой по-мансийски – Корса («Высокий»), а, быть может, уходили в бесконечность по спирали. В том мире я была бестелесной, наверное, душой или мыслью. Я душа-мысль – плавно скользила среди зеркальных колонн-трубочек и нежилась от постижения неопишуемой свободы. Испытывала чувство абсолютного спокойствия и полной независимости, лёгкой прохлады и свежести. Желанием было переместиться в видимый вдали другой шар, для этого нужно было только направление мысли, но неожиданно в моё новое состояние стало проникать чувство вины перед родными, которых покинула. Охватило отчаяние, и я стала мысленно кого-то уговаривать: «Не могу здесь оставаться. Отказываюсь от свободы, от неги, от блаженства. С благодарностью соглашаюсь на земные страдания, переживания, слёзы. Лишь бы рядом были мои

родные и близкие». Вернулась на землю. Был ли это сон или видение, не знаю. Мама, ты в том мире? Если в том, то это немного успокаивает. Там свобода, которой жаждет душа после смерти тела, после мучительных болей и страданий, которые выпали на твою долю. Путь туда, наверное, труден. Но ты его преодолела. Ведь так?

А я на земле. И мне сегодня подарили букет красных бархатных роз... И я в раздумьях. Мама, без тебя мир разделился надвое: на время, которое жила рядом с тобой, и время без тебя, на белые дни счастья и чёрные дни горя, на жизнь и смерть. Открыла для себя предназначение смерти. Оказывается, она неумолима, и это не переход души из одного состояния в другое, это её жестокий захват. Абсурд в том, что смерть нужна для продолжения жизни на земле. Я не о перенаселении планеты Земля, а о скорби. Мы живём по схеме: скорбящий уходит, оставшийся скорбит. И так бесконечно. Наши скорбные мысли поддерживают высокий мир. Но напрашивается вопрос: может быть Создателю значим только Верхний – божественный мир? В раздумьях перевожу взгляд на окно: на подоконнике лежат высохшие мошки и комары, за окном лежит осенний листопад, листья плавно падают на уже пожухшую траву. Кто о них скорбит?

Мама, вновь и вновь возвращаюсь в то солнечное утро, когда ты ушла от нас. Помню твои мучения и своё бессилие. После бессонной ночи ты уснула к рассвету. Сажусь у изголовья и осторожно кладу голову на твою подушку, голова к голове: «Господи, как ты допускаешь такие муки, Господи, помоги! Ведь бывают чудеса – исцели...» Неведомая сила, вырвавшаяся из тебя, отбросила меня в угол комнаты. Обезумев, вскакиваю с пола, бегу к тебе и начинаю понимать – произошло что-то непоправимое, невозвратное. Напрасно пытаюсь уловить твоё дыхание, напрасно стараюсь почувствовать движения рук, губ, слышу лишь последние затихающие удары сердца.

Слышу их и сейчас. Они часто звучат в ушах. С них начинаются сны о тебе. Помню сон, ставший началом нашего общения. Под высокими сводами огромного современного здания многолюдно. Навстречу робко и несмело, стеснённая незнакомыми людьми, идёшь ты. Мне хочется пройти мимо, сделать вид, что не замечаю. Украдкой взглянув, встречаю твой полный растерянности взгляд. Стало невыносимо стыдно за предательские мысли, подхожу к тебе, беру за руки, гляжу их, спрашиваю: «Мама, как ты там?» – «Привыкаю помаленьку». Мы долго держались за руки, ощущали тепло друг друга, а потом, наверное, осознавая неизбежность разлуки, молча ра-

зошлись. Ты снишься мне почти каждую ночь. В снах предупреждаешь о предстоящих неприятностях, учишь их преодолевать. Однажды было особенно тяжело: умер мой только что родившийся внук. Во сне я сама разыскала твой небольшой бревенчатый дом, зашла. Ты, окинув меня нежным и пытливым взглядом, продолжала спокойно сидеть на диване перед телевизором. За перегородкой в другой комнате аккуратно заправленную белым одеяльцем детскую кроватку, вопросительно взглянула на тебя. «Доченька, милая, смирись с горем. Он будет при мне...» – прочла во взгляде. Прильнув к твоим коленям, я лила слёзы, а ты, забирая часть моего невыносимого страдания, гладила меня по голове. И это были реальные прикосновения. Утром мне стало легче.

Сны, сны, сны. Теперь у меня появился ещё один способ общения с тобой – телефонные звонки. В долгих размышлениях поняла и другую суть скорби. Воспоминания необходимы вам, покинувшим этот мир. И чем больше и дольше мы будем вас поминать, тем легче вам на том свете, особенно в промежуточном пути. Мама, я права? Если да, то пусть позвонит телефон...

А тому, кто подарил мне букет красных бархатных роз, спасибо. Цветы стали началом моих историй о маминой жизни.

АНИСИМКОВА МАРГАРИТА КУЗЬМИНИЧНА

Янгал-маа

Вступление

В дымном берестяном чуме много людей. Возле огня сидит старый шаман Кукса. В руках его длинный посох. Перед огнём на корточках нагревает кожу шаманского бубна горбун Тарни.

– Поддай скорее! – неожиданно крикнул Кукса. Нашитые на одежде и бубне металлические предметы зазвенели. Горбун Тарни торопливо подал бубен. Шаман готовился к песне. В горле у него клокотало.

Бум, бум, бум! – звенел бубен.

– Вы видели на полянах позабытые могилы? Видели, как в густой траве белеют кости тундровых оленей? – почти шёпотом спрашивал ойка⁷ Кукса сородичей.

По чуму пронёсся ропот. А бубну уже вторил голос гуса⁸, жильные струны которого перебирали пальцы прекрасного юноши Вазы.

– В лесах наших стало меньше зверя. В мутных водах стало меньше рыбы. Обмелела корми-

⁷ Ойка – мужчина. Здесь – старик, старый.

⁸ Гус – музыкальный инструмент, под который манси обыкновенно поют свои песни, а также пляшут.

лица Ас-я. Все забыли про берёзовскую Рачу, которая упала в воду, но не далась в руки русским. А нынче все мы пьяны от орха⁹, не приносите жертвы богам.

Возле ног старого ойки зарыдал горбун Тарни, а люди слушали грустную песню старика.

— Мы уедем, покинем Маа, чтобы больше не родиться. И тогда некому будет скользить по снегу на быстрых лыжах по снежной тундре, некому будет ловить песка и белку. Наши лодки сгниют на песках. В паулах¹⁰ останутся одни мыши.

Грустная песня обожгла сердца людей. За стенами чума шумел лес, грозно ухал, вещая птица филин, чёрным клювом мерно стучал по сосне дятел, будто предвещал беду. Тишина была такой, что олень успел бы сделать два вдоха. Чуть слышно перебирал струны музыкант Ваза. Сам он был печален и грустен, как осенний день без солнца.

На дымных смолистых щепках горбун снова разогревал бубен. Кожа бубна затрещала. Хмурый ойка Кукса взял в руки колотушку, поставил на колено бубен.

— Раз! — ударила колотушка. Два! Бубен зазвенел веселее. Колотушка замелькала в руках шамана. Над чумом будто грянул гром.

⁹ Орха — водка.

¹⁰ Паул — селение, посёлок.

– Я открою вам тайну нашего народа. Расскажу слово в слово старую сказку. В ней говорилось: кто исполнит её, тот спасёт наш народ, укажет ему широкий путь.

И опять зазвенел бубен.

– В далёкие годы, – говорит Кукса, – манси ходили в царство Мейка – злого бога, пришли из страны, где вечно сияло солнце. Пришли и забыли дорогу обратно.

– Расскажи, Расскажи поскорее! – торопливо перебирая струны гуса, просил старика юноша Ваза.

Шаман сел на шкуры, положил рядом бубен, колотушку и ответил тише.

– Я собрал сегодня много духов для того, чтобы они слушали мои сказки, мои песни. Они могут разрушить наши желания.

– Всё равно. Пой, ойка, свою мудрую песню! – просил музыкант.

В это время в логу будто кто-то заплакал, будто кто-то засмеялся, кто-то хлопал в ладоши, как веслом по воде.

Песня первая

Первая песня Куксы

На другой день снова собрались вогулы возле чувала шамана Куксы, слушать обещанную песню-сказку.

Он рассказывал её под редкие звуки бубна печальным голосом.

— Злой дух Мейк давно поселился в нашей стороне. Он хитёр: то плачет ребёнком, то рычит медведем, наводя страх на людей, то путает тропы охотников, уводит их в сторону ночей и туманов, откуда они никогда не возвращаются. Иногда Мейк летает над паулами. Но где бывает этот злой дух, туда сразу приходит беда: умирают люди, падают олени, горят леса. И напрасно наши ампы¹¹ бегают за ним в погоне. Раньше Мейк жил в богатом скопище, в чаще векового леса. В его гордом сердце не горела злоба. Он жил в ладу с народом, с Торымом Великим. Был ласков и справедлив. Но неожиданно из-за гор на маленький мансийский народ напало русское войско. Храбро выступили вогуличи против ружей и крепкого железа. У них были деревянные шесты, копья да стрелы. Но они бились долго за свободу дымных чумов, часто духов звали на подмогу.

Шаг за шагом отступали русские дружины. Но среди вогуличей оказался предатель — шаман Гуза. Русский воевода сумел подкупить его расписными тканями, ружьями и блестящими кольцами. Он тихонько от народа вынул у бога Мейка глаза, в которых всегда отражалась радость жизни.

¹¹ Ампa — собака.

Ослеплённый Мейк заметался по лесу, отыскивая Гузу. Он носился под облаками, бегал по лесу, нырял под воду, но не смог догнать и найти. Гузу спрятал Торым в царстве Теней.

Но нашей мансийской семье, родившей Гузу, он стал мстить жестоко. Зажёг тайгу, паулы, стал показывать русским хитрые тропы вогуличей, душил оленей. И теперь ещё летает Мейк над нашей холодной землёй на своих быстроногих оленях, гремит крепкой нартой.

Ойка кукса лёг на тёплые шкуры и проговорил шёпотом: «Если найдётся герой, который хитростью или силой похитит головного оленя из упряжки Мейка и угонит его незаметно, тот и совершит первый подвиг к спасению манси».

Смолк Кукса. Долго смотрел на красное зарево заката, опершись о длинный посох. Уже ночь спустилась на землю. Робкие тени берёз, осин, кедрачей дрожали перед приближением новой ночи. На небе нарождался юный месяц. Он был будто выткан золотом, а звёзды сияли серебром и красной медью. И закончил:

– Можно смельчаку чум сменить на нарты и погнать упряжку в царство ойки-старика, отца Медведя. А путь держать к горам, на север.

Старый Кукса промолвил

– Спать пора! Всем спать пора. Мои уши слышат голос, вам не слышный. Мои глаза видят духа

на тропинке. Он может услышать мою песню и рассказать духу Мейку!

В руках старика задрожал посох.

— Завтра я dokonчу песню, — и протяжно прокричал: — Дух идёт! Я вижу духа.

Песня вторая

Вторая песня Куксы

На землю Маа пришла осень. Над увалами помрачнел ельник, покраснел осинник. Высоко над облаками скорбным стоном звучали крики улетающих журавлей. И когда снова возле чума шамана Куксы запылал смолистый костёр, уныло застучал бубен, вызывая духов ночи, старый Кукса начал новую песню.

— Те годы давно миновали, — начал старик. — А было это так давно, что не помнит даже Ортик.¹² Пришёл в наш снеговой край Шубный Отец, важный старец. Свой чум он поставил в горах на утёсах, в тёмных кедрачах. К жилью Шубного старца ходили люди, недовольные судьбой, а больше всего обиженные. Шубный старец судил всех по чести: виновных предавал смерти, невинных одаривал лаской. Так шли год за годом и ни разу сердце Шубного Медведя не скривилось к лжи, ни разу

¹² Ортик — божество Обского бассейна от Самарово до устья Оби.

Отец-старец, разбирая спор между вогулами, не поступил не по справедливости.

Но однажды ошибся Шубный старец, когда разбирал дело Ючо. Как огонь костра в тумане привлекала всех красота юной девушки. Красота и ласковая речь её не давала спокойно спать каждому, кто хоть раз видел её. Много прекрасных юношей потеряли покой. Они были смелые и ловкие, но Ючо в ответ им только отвечала с улыбкой: «Не хочу я, как другие нээ, быть рабой суровых мужчин. Как вянет цветок от холодного дыхания севера, так завянет и моя красота в постоянной работе».

Миновало двадцать вёсен, но сердце девушки ни разу не откликнулось на ласки, любовь, обещания. В своих песнях Ючо пела: «Не хочу я быть рабою, мне не надо бус янтарных, парки¹³ тёплой соболиной. Я цветами украшаюсь, мне к лицу меха простые: не хочу я быть рабою, быть собакой в дымном чуме».

Но хитрый шаман Лача решил силой взять себе в жёны красавицу Ючо. Тёмной ночью он покрался в чум девушки, и, как безумная рысь, с диким криком напал на неё. Ючо отбивалась, в страхе бегала по чуму. Но Лача только смеялся над слезами девушки. Схватил её за тонкие руки.

¹³ Парка – верхняя меховая одежда.

Ючо, как змея выскользнула из его рук, схватила тяжёлый саырб¹⁴ и рассекла Лачо голову.

Недобрая весть разнеслась по земле Маа, вихрем летела сплетня: «Вишнэ Юча в ночную пору заманила в свой чум шамана Лачу и убила его во сне».

И люди кричали: «Стыдно! Стыдно! Разве можно допускать, чтобы женщина убивала мужчину, и была не наказана? Наказать! Убить Ючо! Убить! Наказать и чтобы помнили все вишнэ и страшились!».

Ючо связали крепкими ремнями, привязали к нарте и повезли на суд к Отцу Медведю.

– Смерти требуем! Смерти! – кричали вогулы во гневе. – Смерти!

Старый Шубный Медведь поднял лапу, прорычал:

– Развязать сейчас же Ючо!

Блеснуло десять ножей. Юная, прекрасная Ючо встала перед Шубным старцем.

– Шубный старец! Мудрый ойка! Я расскажу тебе всю правду, – зарыдала девушка.

– Смерти требуем! – кричали вогулы со всех сторон.

Испугался Шубный старец, хотел было махнуть рукой в знак согласия с толпой, но в это вре-

¹⁴ Саырб – топор.

мя по вершинам великих гор прокатился грохот, и на быстроногих оленях появился грозный дух Мейк.

– Стой! – крикнул он Шубному старцу.

Все вогулы тут же упали на колени, на вершинах гор закачались кедры, умолкли горные ручьи.

– Ты, Шубный старец, хуже бабы. Ты спишь, как все боги этого народа. Дело ты своё справляешь плохо! – запыхался Мейк и, обернувшись, сверкнув кровавыми глазами, спросил: – Вы хотите смерти Ючо?

– Смерти! – закричали все, и вместе с ними Шубный старец.

– Вы сами достойны наказания. Не послушав покаяния девушки, вы, как дети, в глупой ссоре кричите над невинной и хотите карать её смертью?

– Мы не знаем, что сказал бы Лача, убитый ею.

И тут опять грянул гром.

– Лача, иди! Скажи им правду! Только правду, если они не верят Мейку.

Лача явился из могилы. Поклонился сородичам и сказал: «Я виновен! Я виновен». Голос Лача был глухим, и он тут же исчез, как на восходе солнца исчезает над рекою игривый туман. Наступила грозная тишина. Все ждали жестокого наказания от злого бога Мейка. Мейк же, посадил на свою точёную из кости нарту красавицу Ючо,

плюнул в морду Шубному старцу, этим лишив его права разбирать людские дела, и весело крикнул:

– Ючо будет мне женою!

Все люди сразу исчезли, а Шубный старец Медведь спустился с гор, захватил с собой тамгу Торыма, по которой он мог свободно проходить в Царство Мирры-суснэхума. Скоро Шубный старец женился на Мюсснэ и ушёл в своё жилище. После этого он забыл обратный путь в царство Торыма.

– Быть может, среди вас есть герой? И, быть может, он не устрашится; или силой, когда сладко спят сторожевые ампы Шубного старца, взять знак Торыма – тамгу Мирры-суснэхума? – спросил ойка Кукса. – Это будет смелый подвиг. Второй шаг к спасению манси.

Ойка Кукса положил на шкуры бубен и вышел из чума.

Песня третья

Третья песнь Куксы

Пришла на землю третья ночь. Под удары бубна, под напев свирели, сделанной музыкантом из кости большого зверя, похороненного в тундре, начал свою третью песню ойка Кукса. Ему вторил на гусе Ваза, юноша прекрасный, музыкант забытых песен.

Ойка Кукса пел унылую песню. По поверью, в это время из расщелин, из воды, древесных дупел,

из глубоких подземных недр выползают духи. Они тихо-тихо крадутся к огонькам сонных паулов, чтобы вселять людям страх, тревожить их души.

– Но однажды, – сказал Кукса, – в тёмной ночи люди наблюдали, как сияя огненным светом, камнем падает на землю какое-то чудо. Это была птица Таукси.

Кукса вздрогнул, часто загремел пальцами по бубну и продолжал:

– Но никто никогда не видел, как в блеске солнца, в его ярких лучах оно поднимается обратно. А она возвращается на небо, и рассказывает Торыму о всех грехах прошедшей ночи. Мы не видим её огненных, как пламя крыльев. Только шаманы могут увидеть её в ночи, слышать хлопанье её крыльев, тихие крики, похожие на песни.

В далёкие годы, которые миновали, как забытый сон, над великой рекой Ас-я, в кедрачах, в немой низине, где-то в болоте гнездилась Таукси. Жила она в маленькой юрте из брёвен. По весне к этому месту приплывали лодки, люди привозили птице – богу драгоценные дары. Их встречал мудрый старец, принимал дары, для каждого находил ласковое слово, предвещал удачу в охоте. Людям жилось хорошо. Ночью на берегах тихой Ас-я зажигались весёлые костры, и человеческие тени мелькали, как бабочки. Весёлые барабаны

отбивали дробь и манси тихо-тихо пели песни. Шумела тайга.

В это время всех облетела тревожная весть: из-за гор шли чужие люди. Все мужчины, взяв луки, колчаны со стрелами, бросились навстречу бородатым чужестранцам. Их отряд тихой ночью, как видение Мертвецов из Царства Теней, замелькал между деревьями по проторенным тропинкам.

Со скорбным стоном загремели барабаны, призывая манси на бой с коварным врагом. Испуганные совы, сидя на деревьях, щёлкали гортанно:

— Горе! Горе! Чужестранцы к нам подходят. Люди русские совсем близко.

В это время мудрая птица Таукси, в тёмном капище у яя, вела тихую беседу с шаманом:

— Слушай, — говорила птица шаману. — Не взойдёт и день на земле, как придут сюда чужие люди. Ты беги, и расскажи всем манси, что ты видел. Ты скажи им, что улетаю в дальнее царство Торыма, я каждую ночь буду спускаться, чтобы следить за правым делом, буду наказывать виновных, буду охранять широкие двери в Царство Смерти. Не пущу туда бесчестных, буду защищать правдивых манси.

Так сказав, Таукси взмахнула крыльями, и в ярком свете, как пламя понеслась над лесом. А шаман в испуге упал на колени, запричитал:

– Горе! Горе! Смерть приходит. Нет защиты. Поднял в верх руки и закричал:

– Птица вещая, вернись! Не бросай нас волкам в зубы. И услышал над головой строгий голос:

– Встань, старик! Иди в свои паулы и расскажи о своём разговоре с птицей.

Старик встал покорно, пошёл нетвёрдыми шагами. Приближаясь к паулам, он увидел, как в красном пламени пожара русские люди стреляли из ружей бесовским зельем. Одинокие вогулы, как белки от пожара, бежали в страхе кто куда, оставляя пришельцам всё нажитое годами.

Встало солнце. На увале, где стоял паул, догорали головешки, чернели пни. Всюду валялись груды тел, и кровь, как спелая брусника, заливала землю дедов. А русские, взяв с собой добычу, отправились дальше по простору мутной Ас-я, грабить манси.

Тревожная весть стрелой летела к морю. Храброе войско вогуличей поднималось из лесов, низин, топей, урманов, с холодной тундры, с маленьких речек и больших рек. Поднималась великая рать и шла навстречу чужестранцам. В тот же год шаман, который был служителем у птицы Таукси был казнён в Сумгут-воже вместе с другими трусливыми шаманами.

– Если найдётся герой, который не устрашит-ся, а на быстроногих оленях захватит тамгу Торы-

ма в знак свободного прохода в Мирры-суснехума, где живут тени умерших, и вихрем прилетит к птице, которая охраняет Царство смерти, а пролетая, проворной рукой вырвет из хвоста священной птицы перо, осветит ущелье, тот смело и спокойно достигнет светлого Царства самого Торыма. Это будет смелый подвиг. Третий шаг к спасению манси.

Так закончил третью песню ойка Кукса.

Песня четвёртая

Сон Вазы

Зловещая чёрная туча закрыла светлое солнце. Гневно зашумели кедры, серебряной чешуёй пробежала по речке рябь. Поднялся ветер. Волны, как струны гуса, зазвенели на приплёске. В тёмном небе, огненной змеей метнулась, как неведомая тамга, лента проворной молнии. Вслед за ней громко стукнул громовой удар, рассыпаясь, побежал в небесных тучах. На землю падал крупный дождь. Он стучал по стенам чума, будто частой дробью гремел барабан. Укрывшись в чуме, в неподвижном забытье сидел Ваза, юноша прекрасный, музыкант забытых песен. У дверей тихо сидела, чуть шевеля ушами, его верная белая лайка Снежинка.

Над чумом опять грянул гром. Ветер-буй весело проехал в туче на колеснице, потом надул щё-

ки, стал дуть на неё с края. Туча, покорная, дыханию ветра, с Низины двинулась на север. Ветер гикнул на оленей и погнал за тучей, как охотник по следу зверя.

Ваза, юноша прекрасный, всё сидел в забытии, не слышал взмахов крыльев Ветра с Низины, не видел солнца в небе, не знал, что давно уже сброшены с кольев в воду его сети и запутаны о коряги. В священных облаках меди, солнце склонялось к западу, освещая янтарный лес последним поцелуем. А краски алого заката разливались по небу цветами крови.

Скоро на землю немой, тёмной птицей опустилась ночь. Алый закат темнел и только полоса, за которой спряталось солнце, ещё трепетала. Но погасла и она, Ночь и тьма покрыли землю. На небе зажглись звёзды. Только песни сов, как отвергнутые души, звенели между деревьями. Где-то выли волки, в реке плавала ускуль.¹⁵ В лесу, на сосне, голосом шамана шумел и щёлкал филин.

Ваза, юноша прекрасный, проснулся как от тяжёлого сна, оглядел давно потухший очаг, увидел вогнутые стены чума, белую лайку Снежинку, поправил сзади косы и, вздохнув, снова сел на шкуры. В душе его боролся сон с пробуждением. Амп Вазы со звонким лаем подбежала к двери

¹⁵ Ускуль – нельма.

чума. Ваза встал, всё ещё борясь с дремотой, и направился встретить ночного гостя. Дверь отворилась неслышно, и в чум также неслышно вошёл, почти пригнувшись к земле, старый-престарый ойка. Слабым хриплым голосом он промолвил: Пайсе¹⁶, пайсе, Ваза! Пайсе, рума!

– Пайсе, – ответил ваза старику, не зная, откуда и зачем пришёл он в такую глубокую ночь.

Старик присел к чувалу, в котором сразу без кремня и лучины запыхал яркий пламень.

– Ваза, Ваза! – проговорил старец. – Я один все вижу и всё знаю, о чём ты думаешь. Я в твоей душе читаю, как бояр по белой книге. Но у русского боярина память слабая. Он походит на младенца, но с головой коварной лисы.

– У меня нет белой книги, – продолжал старец, – но за моей спиной стоит мудрость многих лет, которые я прожил на свете. В глубине твоей души, Ваза, я вижу духа. Я чувствую, как воюет в ней белый дух с чёрным. Ты стоишь на распутье, как олень, чуешь дым чума, а не знаешь, где прямой путь к Отцу Торыму. Ты сохрани в сердце свою эту страсть, а я помогу изгнать из него слабость. Наряжайся и отправляйся в путь. Он будет далёкий, тяжёлый и трудный. В своих песнях старый Кукса пел о подвигах. Я напомню их. Пер-

¹⁶ Пайсе! (пая!) – Здравствуй!

вый – это олени бога-злодея Мейка. Второй – тамга старца Шубного Отца-Медведя, и третий, последний, – жар-перо огневой Великой птицы Таукси.

Тут старец дрожащей рукой вынул из-за пазухи стебельки сушёной травы, семь сухих лучинок, белый камень и протянул всё Вазе, юноше прекрасному, музыканту забытых песен. Ваза взял подарки старца. Лицо старика озарилось. Подойдя к юноше, он прошептал на ухо:

– Как похитишь оленей из упряжки бога Мейка вместе с точёной нартой – торопись. Как только Мейк узнает о пропаже, он сразу помчится в погоню. Ты, не робей, брось мою траву на землю, и будешь невидим Мейку. Сам же торопись, держи путь на север, к большим горам. У сосны разбитой громом увидишь большую избу. Это жильё старца ойки Шубного Медведя. Возле самого порога избы, как гвоздь, забита тамга. Ты её тихонько возьми и в любую погоду, пока старец крепко спит со своей женой Мюссне – водяной девкой, скорее садись на нарту и опять отправляйся в путь, если вдруг старец проснётся и побежит по твоему следу, ты брось на землю семь лучинок и сразу на его пути станет великий лес, как стена. Поезжай дальше без страха, как храбрый воин, как потомок вольных манси.

А когда ты бросишь на землю белый камень – увидишь чудо: он превратится в белоснежную птицу-сороку. Она будет наделена даром речи и полетит впереди твоей упряжки. Направляй оленей за ней. Белая птица приведёт твою упряжку в Низину, где стоят в тумане леса. Вещая птица сорока укажет тебе дорогу в Царство Мёртвых, приведёт тебя к ущелью и там оставит. Там начало Царства Мирры. Там живут души умерших. Там на белом камне вход в Царство Мёртвых. Но тут ты не оплошай. На бегу, проворной рукой вырви из хвоста священной птицы перо, и, не оглядываясь, беги, освещая им дорогу к богу.

Бог велик, ничтожны люди, но кто первый с теплом и душою, с нартой и упряжкой смело войдёт в его царство, все боги станут бессильны. А кто заслужит бессмертие – тот сам будет богом.

В юрту Вазы пробирался робкий луч солнца. Он смотрел из щели и играл на грязных стенах. Ваза спал. Дремала весёлая лайка Снежинка. На лавке, возле домашних шайтанов, вместе с гусом и колчаном стрел лежали стебельки сушёной травы, семь лучинок и белый камень.

Песня пятая

Ючо

Синим льдом скованы реки. Белым мхом горносталя затянута земля Маа. С угрюмым старцем

Северным ветром застучала зима в двери чумов. Дружными струйками сквозь морозную пыль тянется чёрный дым из верхушек острых чумов.

И только в чуме музыканта, игрока на гусе — Вазы не дымится чувал. Рядом с чумом стоит на шести кедровых столбах покривившийся амбарчик. Не чернеет тропа к его жилью, шестом припёрта дверь, снята лестница и скобки. Нет хозяина чума. Теперь на увале, где жил Ваза, в хвое молчаливых кедрачей проворно резвятся белки, не боясь нарушить покой музыканта и его чуткой лайки. Тёмными ночами, всё ещё чуя запах человека и оленей, стаями бродят волки, садятся возле самой двери и воют долго и протяжно.

— Где наш Ваза? Что случилось? Жив ли он? Когда вернётся? — спрашивали сородичи друг друга.

Не раз приходили они к мудрому шаману Куксе, просили выведать у духов тайну прекрасного юноши, но всё напрасно. Шаман не мог найти ответа. А однажды, когда на небе нарождался новый месяц, в юрте Куксы застучали сразу все три бубна и кто-то защёлкал в углу.

— «Хос-хот, хос-хот! — дрожащим голосом зашептал Кукса. — Хурум! Хурум! Сгинь! Оставь в покое бедную юрту!». Сразу всё стихло, но чей-то невидимый голос сказал: «Не пытай, старик, напрасно!»

По полям, по болотам, между увалов, зимним лесом бежала упряжка Вазы в царство Мейка. И только могучий сон мог насильно закрыть глаза юноше. Он выпрягал своих оленей, пускал их на болото кормиться мхом, наказывал своей верной ампе Снежинке стеречь их и подпускать волков.

Сам Ваза спал под нартой, в яме, выложенной мхом. Во тьме щёлкали зубами волки, выли на стужу. Хищные глаза их горели между стволов, замкнутым кругом, как свечи в Царстве Теней. Дух ночи звонким голосом хохотал, хлопал в ладоши, кричал: «Трусишка, Ваза! Вставай, засоня!»

Ваза спал, а верная лайка в страхе поднимала пушистый хвост и ворчливо отвечала на крики духов. Но когда над лесом поднялась тёмная завеса ночи, волки скрылись, замолкли духи. Семь долгих полнолуний ехал юноша Ваза в царство ойки Мейка, а вместе с ним бежала его ласковая попутчица лайка Снежинка. В седьмую луну он встретил в лесу девушку. То была Ючо.

— Пайсе, вишнэ! Это чудо, что я вижу! Ты прекрасна, но не оставь меня ответом. Я чужой в этой стороне.

Вишнэ молча улыбнулась и чуть слышно сказала:

— Пайсе, пайсе, рума. Здесь только я одна из смертных.

— А кто хозяин этого леса, этих цветов и трав?

Ючо грустно улыбнулась, покачала головой:

– Лучше поверни своих оленей обратно, а иначе ты погибнешь, добрый юноша. Здесь живёт владыка ойка Мейк. Поторопись, а то будет поздно.

– Много раз тебе спасибо, – гордо ответил ей Ваза. – Как назвать тебя, не знаю, но скажу тебе: «Ты цветок на гибком стебле, ты пазан-заут¹⁷ в тёмном небе, ты – кватын¹⁸ быстрокрылый. Но мне обратной дороги нет. Я как ветер тороплюсь в царство злого Мейка семь долгих полнолуний. Теперь я у цели».

– Ты бессилен, – грустно сказала Ючо. – Ты погибнешь. Поверни скорей оленей. Уезжай. Я тебе желаю добра.

Ваза спрыгнул с нарты, помолчал, любясь красотой девушки.

– Ючо, Ючо. Я пришёл сюда по делу. Мне надо ещё торопиться в Царство Шубного Медведя, а здесь я затем, чтобы похитить нарту злого бога Мейка, вместе с оленями и упряжкой.

Ючо ойкнула, закрыла лицо руками, заплакала.

– В первый миг, когда я встретил тебя, Ючо, я подумал, что это царство молодой царицы Туе. И она, сияя своей красотой, идёт мне навстречу. Ючо, Ючо! Цветик жизни! – печально сказал Ваза. – Теперь, когда я понял, что ты желаешь мне

¹⁷ Пасзан-заут – звезда.

¹⁸ Кватын – лебедь.

добра, я говорю тебе: спасибо! Но мне нет дороги обратно. Я погиб, тебя увидев. Чтобы заслужить твою любовь, мне надо стать равным богу. Быть бессмертным и могучим... А теперь гагара скорби не покинет моё сердце. Я полюбил тебя, Ючо, и знаю, что здесь живёт моя погибель. Но я к тебе всё равно вернусь.

— Фу-бу, фу-бу! — закричал с дерева большеглазый филин.

На стволе кедра метнулись белки, спрятались в хвое. По траве пробежал ветерок, в стороне хрустнула сухая ветка. На поляну вышел любопытный оленёнок, и, увидев одинокую нарту, широко расставил ноги. Из-за дерева показалась олениха.

— Кто ты, путник? — робко спросила Ючо. — Мне по сердцу твои слова. Я в ответ тебе скажу: «С большой охотой разделю все твои труды и заботы. Я люблю тебя, Случайный, и спасу тебя от смерти, хотя слишком опасен твой подвиг. Но знай: любовь моя прибавит тебе тревог».

— Ючо, белая берёза! — воскликнул юноша. — Меня — певца забытых песен, игрока на звонком гусе, — никто не испугает. Я в песне слышал о тебе, Ючо. И тогда ещё поклялся встретить тебя, хоть какие бы беды не встретились мне на пути. Теперь же, когда ты сказала: «Я люблю тебя, Случайный!», мне совсем стал не страшен коварный Мейк.

Ваза взял на руки Ючо, поцеловал, прижал к сердцу и пошёл прямой дорогой.

Песня шестая

Похищение оленей

Лёгкой, незаметной тенью Ваза крался к юрте Мейка. Была тёмная ночь. Возле ручья круглый камень преградил ему дорогу. «Тончин, тончин!» – шептала Ючо, подходя к ключу у камня. Две тени двигались неслышно.

Вдруг, как светляк в июльской ночи, сверкнули горделивые рога оленя из упряжки бога Мейка. Ваза остановился. Хрустнула ветка сухая. Сопя ноздрями, на тропинку вышел красивый олень. Он постоял мгновенье, но увидев человека, бросился бежать. Крепкая петля со свистом обвилась вокруг ветвистых рогов. Напрасно прыгал олень. Петля запела в сильных пальцах музыканта. Олень задрожал, удивляясь сильнорукому человеку.

Ваза заарканил трёх оленей, привязал их к толстым кедром и, обнявшись с Ючо, осторожными шагами пошёл по тропке, чтобы похитить нарту бога Мейка. В это время Мейк спал в своей юрте, на нарах. Из открытой двери доносился его громкий храп, слышался скрип толстых брёвен, когда он переворачивался с боку на бок. Его ампылайки, растянувшись, тоже спали беспробудно. В высокой траве Ваза отыскал нарту бога, постром-

ки, хорей, и всё это взвалив на плечи, сгибаясь под тяжестью ноши, шёл к оленям, где в страхе ждала его Ючо.

– Ючо, белая моя берёза! – сваливая на землю ношу, со вздохом сказал Ваза. – Грустно мне оставлять тебя. Грустно, и не знаю: суждено ли мне к тебе вернуться, чтобы взять тебя и назвать женой.

Ючо с восторгом воскликнула: «О, мой храбрый воин, Ваза! Ты ко мне вернёшься богом. Ты вернёшься победителем. Тогда задрожит Мейк. А пока тьмой объята Маа, торопись в путь!

– Ты права, – впрягай оленей в белую нарту, выточенную из кости, сказал Ваза и обнял Ючо, полную страданий.

– Ючо, Ючо! Цветок жизни Ючо, белая берёза! Тяжело мне тебя оставлять. Моё страдание велико, как это небо. Но помни меня – Вазу, музыканта забытых песен.

«Лапой Шубного Медведя
С длинными пятью когтями,
Кедром старым в роще ойки,
Где гнездится пупы филин,
Чернозобою гагарой –
Я клянусь тебе, мой воин,
Ждать тебя с любовью в сердце...»
Даже в Царстве Теней я отыщу тебя.

– Ну, прощай! – промолвил Ваза.

– Будь хорош! – утирая слёзы, ответила Ючо.

В тишине прошли минуты. Сам хорей с земли поднялся, тихо скрипнули полозья нарт, дружно дёрнули олени. Но прошла ещё минута... и Вазы не было с упряжкой. Узкий след полозьев извивался, как две змейки, уходил вдаль, где висела тьма.

Только забрезжило утро, зевая, встал с постели Мейк, обтянул ногами ноги, поискал глазами Ючо. Её не было возле камина. Мейк вышел из юрты и неторопливо пошёл к ключу у камня. На том камне сидела Ючо. Она была грустна, и в мыслях молилась о спасении Вазы – храброго вогула.

– Что ты тут делаешь? – увидев Ючо, гневно крикнул Мейк. – Ты о чём грустишь, земная? Или тебе скучно с богом?

Ючо молчала. Мейк схватил её за руку.

– Отвечай! – крикнул он. – Бойся гнева мужа. И не сердь меня, земная.

– Грустно мне. Ночью снился дурной сон. И не жми мне руку, больно! Стыдно богу мучить женщину.

– Ладно, – сердито сказал Мейк, отпуская руку Ючо. – И не плачь. Слёзы только портят зрение.

Мейк несколько раз обошёл вокруг камня и вдруг грянул громом:

– Кто здесь был? Чьи тут следы? Кто ходил в моих владениях?

И он, как чуткая собака, побежал по следу, вышел на тропинку, нашёл в траве помятый маут¹⁹ из лосиной кожи, заметил следы борьбы человека с оленем. Оглядываясь, он читал на земле следы, как русский хом²⁰ читает слова по белой книге. Мейк сразу понял, что случилось ночью, увидев тут же женский след, догадался, почему спокойно спали его собаки и пустили вора в стадо.

– Эмас!²¹ – в гнев закричал Мейк. – Всё равно будет вор наказан.

В гнев, скрипнув зубами, он помчался в погоню, как стрела, поднимая тучи снега. Мейк мчался тёмным молчаливым лесом, с диким криком, гневной бранью, погоняя оленей. Нарты прыгали на ухабах, свистел хорей и крепкострунные постромки звонко звенели в новой упряжке Мейка.

Ваза далеко услышал погоню. Он пустил оленей по крутому косогору. Они стали уставать. Сзади слышался грозный голос Мейка. Скоро его упряжка уже мелькала чёрной точкой у горизонта. Мейк мчался на тройке быстроногих оленей.

– Стой! – кричал Мейк, сдёргивая с головы шапку. – Подожди, вогул. Всё равно тебе не уг-

¹⁹ Маут – аркан.

²⁰ Хом – мужчина.

²¹ Эмас – хорошо.

нать моих оленей. От меня – владыки. Лучше сдавайся, вор трусливый!

Ваза увидел, что Мейк вот-вот нагонит его, торопливо вынул из-за пазухи белый свёрток с талисманом. Дрожащей рукой достал данный старцем подарок для спасения и, шепча заклинания, бросил в Мейка стебельки сушеной травы. Нарта Вазы тут же исчезла. Он стал невидимым Мейку. Напрасно он ругался, протирая глаза, слал проклятия. Ваза был далеко.

Мейк остановился, долго стоял в растерянности и гневно крикнул в даль: «Эй, ты, Торым я знаю твои проделки. Но ты, старый хрыч, толстый обжора, запомни моё слово: я с тобою ещё потягаюсь!»

А храбрый Ваза уже мчался в Царство Шубного Медведя и пел грустную песню о Ючо, о злодее Мейке и о том, что всё равно вернётся в родные края и возьмёт в свой чум радость жизни, нежный цветок – нээ Ючо.

Песня седьмая

Тамга

«Лес хранитель наших чумов,
Наших лаек и оленей,
Помоги мне в великом деле...»

Так просил музыкант забытых песен и молился ночью перед опасным подвигом, просил богов по-

мочь ему похитить тамгу и скрываться от гнева ойки Шубного Отца-Медведя.

Оставался один день пути до юрты Хозяина. Виднелись верхушки высоких гор, покрытых снегом. Солнце снова вставало над землей в жёлтой дымке. «Быть морозу», – подумал Ваза, погоняя оленей мимо кустарников, талтин, мимо белых, ласковых берёз. Путь Вазы был далёким и трудным. И теперь олени бежали в гору и утомились. Тяжело дышала лайка Снежинка. Морозные иглы обжигали лицо храбреца.

Как только солнце в янтарной мгле, холодной и золотистой, склонило свой путь к закату, Ваза подъехал к юрте Шубного Отца-Медведя. Она стояла у сосны, разбитой громом. Свою упряжку Ваза спрятал в частом ельнике под увалом. За ошейник из скрученной верёвки он привязал лайку Снежинку и стал ждать заката солнца. Как только наступила ночь, Ваза, поглаживая свою верную амбу, тихо сказал:

– Моя белая лайка Снежинка. Жди меня здесь до восхода солнца. Сиди тихо, не шевелись, не подавай голоса.

Взяв с нарты тяжёлый топор, он пошёл быстрым шагом к разбитой громом сосне. Луна бледнела над лесом, и, поднявшись на тёмном небе, осветила зимнюю юрту Медведя. В серебристом наряде у юрты стояли стройные кедры. Сквозь

бревенчатые стены и толстую дверь, плотно пригнанную к запору, до слуха Вазы донёлся громкий храп Отца-Медведя. Пугливые зайцы бегали в тальниках, боясь подбежать к юрте.

Ваза лёгкими шагами подошёл к закрытой двери, сильными руками схватил за кожаную петлю и, упершись, потянул её... Она медленно отворилась. Белый пар ворвался в юрту, тусклый сальник закоптил и сильнее разгорелся. Ойка шубный Медведь с толстой Мюсснэ крепко спали и не слышали, как Ваза взял возле порога тамгу Торыма и бросился бежать к упряжке. Он торопился, и в впопыхах забыл плотно закрыть дверь.

Только скрылся Ваза и затихли его шаги, хитрый ветер из Низины стал громко хлопать дверью, стуком будить Шубного Медведя. Старец пробуждался лениво, стал расталкиваться сонливую Мюсснэ. Вздул огонь и почуял запах хома, зачихал, зафыркал, охая, вышел из юрты. И во мгле лунной ночи увидел следы вогула.

— Кто здесь был? — зарычал старец, вваливаясь в юрту. Потом выскочил, по пути захватив свою дубину, сделанную из ствола берёзы, и пустился бежать на четвереньках под увал. Ветер хитрый из Низины показывал Шубному Медведю следы в сугробах.

Лайка, белая Снежинка, первой учуяла запах Медведя и громко залаяла. По ельнику, как буря,

пролетел рёв Шубного старца. Ваза во весь мах погнал упряжку, но ветер с Низины поднял тучи снега, заметал дорогу, бил колючим снегом в лицо, слепил оленям глаза.

Олени мчались к реке по косогору, по сугробам, а когда спустились, то упали на колени, задрожали дрожью, заколдованные злыми духами Шубного Медведя. Тяжёлым хореем Ваза бил по спинам оленей, но они не трогались с места. Уже слышны были ворчания Шубного Медведя.

– Стой, воришка! – зарычал старец. – Я знаю ваши проделки. Нынче с перепугу ты не успел промолвить и соврать, как обычно врёте в песнях: «Не украл я у ойки тамгу. В том мои невиноваты руки! Знаю я ваши лживые песни!». Вы, мои братья, бьёте меня пулями и стрелами, а потом пляшете, одевая мне на рыло берестяную маску. А потом ещё гуляете неделю погоди, воришка! – грозился шубный старец, догоняя музыканта.

Пришла пора Вазе достать из-за пазухи семь лучинок и бросить их поперёк тропы. И сразу великий лес стал стеной. Поднялся от земли до самых небес. Он и преградил дорогу Шубному старцу. Даже ветер из Низины стих и свистел между стволами в бессильной злобе.

С молитвою в сердце гнал Ваза оленей по тяжёлому пути. А вёл он его в Царство Смерти.

Песня восьмая

Огненная птица

Длинной бесконечной лентой между гордых сосен и хмурых кедров, по мёртвым застывшим речкам был путь храброго Вазы. Он привык. Его не пугала дальняя дорога. Он стал крепче спать по ночам на хвое, возле костра. И верная его лайка Снежинка уже меньше лаяла, хотя по-прежнему подходили к костру робкими шагами отощавшие волки. Он был на ногах вместе с первыми лучами солнца, торопился в Ущелье Мёртвых. В сердце его поселилась скорбь и радость. Радость – от того, что ближе к цели, к Царству Торыма, а скорбь от того, что живёт в разлуке с Ючей и, быть может, навсегда с ней расстался.

В месяц первый – иенгене-котлег²² – Ваза вынул из-за пазухи белый камень, который дал ему когда-то мудрый старец. Размахнувшись, бросил его на землю. И тут случилось чудо: камень превратился в белоснежную птицу – сороку, наделённую даром речи. Сорока вскинула крылья, поднялась с земли, села на рога оленя Мейка, который шёл главным в тройке, и сказала:

– Мудрый Ваза. Спасибо тебе. Я много лет была в тяжёлом плену. Меня заколдовал злой дух.

²² Иенгене-котлег – месяц март. Название его в буквальном переводе значит: «месяц поворота».

Он превратил меня в белый камень и бросил вглубь мутной речки. Я много веков лежала в мутной тине. Потом попала в невод к рыбакам. Остяк увидел меня, положил в мешок, а сам подумал, что я промысловый идол. Я долго лежала у него на полке, но не принесла ему удачи в рыбалке, и он меня выбросил. Потом мною долго играли дети... Так я скиталась по свету. И только доброе сердце старца догадалось, что в камне спрятано чародейство. А дальше ты знаешь. Он дал меня тебе в подарок, но сказал: чары злого духа потеряют силу, если я своим полётом укажу тебе дорогу в Царство Мёртвых, приведу к Ущелью, где живут души умерших. А потом я свободна.

— Эмас, эмас, — сказал Ваза, когда птица закончила свой рассказ. — Будь товарищем, сорока, в мои трудные дни. А если мне музыканту старинных, забытых песен доведётся вернуться в свой паул, я расскажу о тебе в песне. И ты будешь бессмертная. Будешь вечно жить в народе.

Сорока, вскинула крылья, полетела, указывая путь Вазе. В след за ней бежали олени, утопая в рыхлом, побуревшем снегу. Со звонким визгом, вскачь, белым комком летела по снегу белая лайка Снежинка. В сердце Вазы крепла вера о счастливом избавлении позабытого народа.

Народилось новолунье. Впереди, как и говорил когда-то старец, показался таинственный лес и

встал зубчатой стеной. Юркие белки-воровки отряхали пушистый снег на могучих ветках кедров и громко перебранивались. Внизу, на снегу, вперемежку со следами хитрой лисы и трусливого зайца, в кустах талин бродили волчьи стаи, обгоняя нарту Вазы, но загнав в кольцо лосей, нападали на них молча. Сильный зверь их бил ногами, но в неравной битве со стаей, падал на снег с перекушенной гортанью. Долго тянулся таинственный лес. Снег рыхлел. В дальнем небе расцветало солнце. «Скоро Туе. Где ущелье?» – взволнованно думал Ваза.

– Птица вещая – сорока, обратился он к птице, – проходят дни за днями. Весна скоро оживит тайгу. Зашумят реки и ручьи, на деревьях развернутся листья. Тогда придётся нам оставить нарту и оленей. Я измучился душою. Увидим ли мы Царство Мёртвых?

– Скоро, – выговорила сорока. – Подожди ещё полдня и увидишь Царство Мёртвых.

Сбылись слова вещей птицы. На конце лесной Низины был вход в Ущелье Мёртвых. Между сиротливых кедров Ваза увидел тёмную яму, похожую на страшную пасть, уходящую вглубь Маа. Огляделся. Чтобы олени не сбежали, им на шеи он одел колодки и оставил пастись под надзором лайки Снежинки.

Утром вещая сорока покружилась над нартой Вазы, весело помахала крыльями, попрощалась с музыкантом и улетела. Ваза, воин – зоркоокий, долго глядел вслед. В глазах его была печаль. Но твёрдой рукой он смахнул с глаз грусть, впряг оленей в нарту, поднял хорей и крикнул:

– Ну, сынки, скорее-е-ее!

Вокруг было темно. По округе бег оленей разносился гулким звоном. В жутком мраке, хитрый ветер протяжно пел песни о смерти. Ваза долго гнал упряжку в застывшей тишине Ущелья Мёртвых.

Вдруг, на перепутье, во тьме блеснул и снова скрылся огонёк. И скоро, как острой стрелой прорезал тьму, вернулся как видение, и только потом загорел ровным светом.

Ваза ближе – пламя ярче и всё разгоралось странным синим светом. Ему стали видны очертания птицы Таукси Великой. Она сидела в ярком сиянии, на высоком белом камне, где были отворены двери в Царство Смерти.

– Ой-я-я-я! Ой-я-я-я! – что было голосу закричал на оленей Ваза, и как вихрь, промелькнул мимо священной птицы. Таукси вздрогнула, но было поздно: в руке Вазы, как зажжённый яркий факел, дрожа, сияло жар-перо за воротами Царства Мёртвых.

Ваза освещал им путь, миновал Ущелье Мёртвых, увидел в золотом блеске солнца Великую

Равнину. Это было Царство Смерти – оттуда прямой путь к Отцу Торыму.

Песня девятая

Царство мёртвых

Народное предание говорить: будьте милостивы к мёртвым. Чтобы там, за гранью, на Равнине далёкого царства Торыма, они не нуждались в самом нужном. Не жалейте снабдить их могилы посудой, одеждой, едой, стрелами и луками. Дайте в дорогу шило и нитки, табакерку. Положите с ними нарту, трут и кремь, сеть и обувь. Та, в Царстве Мёртвых всё пригодится. Ведь его рождённое – не вечно...

Ваза давно потерял счёт дням, проезжая по царству Теней. Здесь стояло незакатное солнце. Бесчисленные стада оленей бродили без присмотра, искали и ели мох. Их рога, колыхались, как кустарники в сильный ветер. Но через много дней Ваза увидел возле небольшой речушки дым костра, пустой чум и двух тощих лаек. Кто-то невидимой рукой частой дробью стучал по бубну. Казалось, что кто-то плачет и шепчется страшным голосом.

Ваза отјропел. Его земное сердце встрепенулось. Сразу вспомнилась тайга, низина, речка с мутной водой, песни сосен, чумы, лайки. Вспом-

нилась Ючо... Но скоро храбрец устыдился своего страха, стегнул оленей.

– Ну, сынки, бегите к Торыму! – крикнул могучим голосом.

Олени мчались, и снова мёртвая равнина сливалась с далью. Но хотя и было тихо вокруг. Ваза чувствовал движение чьих-то крыльев, чьи-то стоны и вздохи. Ему даже казались, что кто-то мчится за ним. И скоро слышал тихий прерывистый голос:

– Мадур! Быстрокрылый. С тобой говорит Яный Келб.

Ваза тут же вспомнил сказку дедушки. Но голос сзади продолжал:

Мадур, мадур. Это было в те времена, когда русские дружины неожиданно, как вешние потоки, спустились к нам с гор. Старик железный с длинной белой бородой, злой, как волк, вместе с набожным монахом пришёл к нам таёжными тропами. По паулам нашим проходил, как огонь, как мор звериный, оставляя сзади себя только дым пожаров, кучи пепла и тел. А старый монах молился, всё говорил о новой вере, купал наших жён и детей в воде. Наши храбрые дружины пошли против них. Мы бились долго и крепко. Но опять измена среди народа не принесла нам победы. Дружина железного старика одолела наше войско. А за ним, следом, по тропам пришли толпы рус-

ских. Обложили наши дымные чумы данью, взяли с собой жён. Вместе с ними, чёрной птицей прилетела к нам немая смерть, болезни, мор зверей.

— Горе, горе! — плакали старики.

— Горе, горе! — шептал им народ. И лес шептал, и птицы пели, и таёжные звери говорили непонятным языком:

— Горе, горе! — плескались в реке рыбы, увидев над водою русские невода.

— Горе, горе! — вздыхал за спиной Вазы голос.

— И тогда, на Медвежьей лапе я поклялся: отомстить грозным пришельцам. С той поры мой голос не умолкал, как громкий бубен бил тревогу, призывая вогулов к битве. И ко мне приходили люди. Настал день. У стен острога, где спрятался боярин с дружиной, наши стрелы зажужжали, как пчёлы. Из бойниц грохнули пушки. Наши храбрецы кинулись к стенам острога. И с утра до тёмной ночи мы дрались вверху, на кручах. Но сил наших не хватило — мы спустились в низину. И снова, десять раз ходили к стенам острога и уходили только от пушканов.

А в народе пошёл ропот: много мёртвых, много крови. И голос мой стал похож на детский лепет, не слышали его усталые люди. Ко мне пришёл день печали, одиночества и страданий. Но на помощь пришли боги. Они мне дали талисман. Я стрелами поджёг острог, перебил служилых лю-

дей, полонил боярина вместе с монахом. Но ты знай: русские люди не прощают обиду и некому не уйти от их длинных рук.

Тень за спиной Вазы шептала: «Не торопись, мадур, дослушай мою исповедь».

И вот на нашу землю пришла зима. В эту пору от большого русского царя пришла новая дружина с воеводой Давыдко. И с ним, с книгой и крестом пришёл отец – монах пузатый и началась месть за острог. Наши силы повстречались на реке, где проходил бревенчатый мост. Битва была короткая. Вогулы дрогнули скоро и разлетелись как мухи. Я с товарищами долго дрался на мосту. Пали и остальные храбрые вогуличи, я остался один на мосту, политом кровью.

Русский воин – сын боярский, как медведь в медной одежде замахнулся острою секирой над моей головой. Я не сробел, не побежал, а схватив боярина за кольчугу, соскользнул с моста вместе с ним и свалился в воду. Кольчуга была тяжёлая, и руки у боярина были крепкие и сильные. Скоро мы с ним очутились на речном дне, и оттуда уже не выплыли. Теперь в народе ты можешь услышать, будто по утрам над рекой возле острога выплывают тени, будто эти тени борются и бранятся. Знай, мадур, – это правда. Это я борюсь с боярином. Но я уже устал. Вот как только ты вернёшься от Торыма, я окончу борьбу, и тень тут же громко

крикнула: «Смерть жестоким чужестранцам!». Я оживу и обязательно вернусь на землю.

– Будь хорош! – тихо сказал Ваза Тени.

– Будь хорош! – зазвучало сзади прерывистое эхо по простору Царства Теней.

Песня десятая

Пенегеза

За спиной мадура Вазы осталось Царство Мёртвых. Осталась молчаливая Равнина, полная загадок.

На западе, где солнце стояло неподвижно в кровавых красных облаках. Ваза увидел длинную, как лента, стену чуть не до неба вышиной. Это было Царство Нума, Царство Мирра-суснахума. У столбов, обитых медью, на крепких железных петлях, где сходились половинки запертых ворот, Ваза остановил нарту, достал тамгу Торыма – знак свободного прохода в Царство Мирра-Суснахума, которую он тёмной ночью похитил в юрте лентяя ойки Шубного Медведя. Ваза подошёл к воротам, постучал и, не услышав ответа, громко крикнул:

– Отворяйте! Кто здесь слышит?

За зубчатой стеной никто не отзывался: не зазвенела на крючьях железная цепь, не скрипнули ворота на железных витых петлях.

Отворите! Кто здесь слышит? Отворите мне ворота!

Если ты дух, то зачем тебе ворота? – ответил кто-то сзади. – Если смертный, то здесь тебе не место!

Я похитил нарту Мейка! – гордо крикнул Ваза. – Я достал тамгу Торыма. В Ущелье Мёртвых достал перо огневой птицы, пришёл на нарте бога в Царство Мёртвых. А теперь я у ворот Торыма и прошу открыть ворота.

– Здесь напрасны перекоры. И гнев напрасный, – начал хранитель входа. – Это крепкие ворота. Они никогда не отворялись перед человеком. Никто не верил, что слабый человек может прийти сюда с тамгою Шубного Отца-Медведя. Хотя Торым давно ждёт тебя, человек.

– Отворите, – сказал тихо дух хранителю входа.

– Пайсе рума, пайсе рума! – учтиво ответил Ваза и в знак прощения с духом помахал рукой.

– Берегись, вогул – крикнул ему вслед дух. – Здесь неподалёку живёт обжора великан Пенегеза. Он проглотит, как лепёшку и тебя, и упряжку с оленями, и маленькую собачку. Берегись Пенегезу! А если ты сможешь избавиться от людоеда и обжоры Пенегезы, на твоём пути ещё встретится молодая девушка. Ты молодой мадур! Будь крепче кремня, крепче синего железа. Не поддавайся её колдованию. Умертви свои желания, хотя юному

сердцу трудно бороться с красотой прекрасного тела чаровницы Логари.

– Эмас, эмас, великий дух за мудрые слова, – говорил Ваза, и как лебедь в час заката, в золотистой пыли солнца полетел к шатрам Торыма.

В сердце Вазы звучали голоса победы. В душе его, как эхо пели струны, о которых знал только он один. Он пел о том, что скоро закончится его великий путь, он вернётся в землю Маа, к родным чумам, принесёт тамгу жизни к берегам Конды и великой Ас-я. Эту тамгу великого Торыма он принесёт на ветвистых рогах оленя.

Свою радостную песню он успел спеть только до половины, как увидел Пенегезу – злодея и великана. Он стоял на пути Вазы с дубиной. Белая лайка Снежинка оцетинилась, залилась лаем. Ваза еле удержался на крепкой нарте.

– Стой негодный парнишка! – крикнул Пенегеза. – Ты зачем явился сюда? – и злодей стал подходить к упряжке.

– Уходи с моей дороги, комариное отродье! – бесстрашно ответил Ваза великану-людоеду. – Уходи! У меня тамга Шубного Отца-Медведя. Есть у меня жар-перо священной птицы, есть стрелы, топор. Хочешь – проглоти меня, моих оленей с нартой, мою собаку, но всё равно своим железным ножом я распорю тебе брюхо, разрублю

рёбра, руками перерву горло. И ты подохнешь, как собака, комариное отродье.

Пенегеза удивился, в гнев скрипнул острыми зубами, и длинной рукой махнул перед оленьими мордами, а потом залился диким смехом.

– Испугал меня хвастунишка трусливый. Меня – великана Пенегезу! – кричал он вслед Вазе, но в его словах не было гнева. – Я бессмертный, как все великие шаманы. Но ты привёз тамгу Шубного Отца-Медведя – брата вечного Торыма, и в этом твоё спасенье. Ты давно бы сидел у меня в брюхе, пережёванный зубами, не ворчал бы как старуха, не хвастал бы как лгунишка. Не трону я тебя, детский воин. Прощай, парнишка!

А Ваза уже не слышал его слов, размахивая тяжёлым хореем, он выводил нарту на дорогу и с радостью мчался в Царство Великого Торыма.

Песня одиннадцатая

Логарь

Если в дороге падают олени, ночью воют волки, зайцы хитрой петлёй перебегают дорогу, люди говорят: быть несчастью. Если олени бегут ровно, зайцы только ночами выбегают на дорогу, волки сидят на опушке – надо ждать удачи. Если в закатный час солнце обливается алой кровью облаков – быть бурану. Если солнце озаряет зимний

закат жёлтой медью – тогда по утрам надо ждать мороза.

Многие мудрые приметы вспоминал Ваза, всегда помнил, что впереди у него ещё много испытаний.

Как-то в полдень, на равнине он вдруг увидел чум и услышал игру гуса. Чей-то нежный голос пел задумчиво. Ваза прислушался.

«Музыкант, мой храбрый воин,
Я тебя ждала с любовью...
...Ты пришёл на нарте Мейка,
С тамгой Шубного Медведя,
С жар-пером огневой птицы.
Ты как дух, как бог из Маа
Ты велик, певец мой Ваза,
Я тебя ждала с любовью.
Я твоя, мой победитель!»

И тут песня смолкла. Отворилась дверь чума и в цветных дорогих одеждах, с тонок вышитыми узорами, вышла на дорогу девица Логарь. Она поджидала нарту Вазы. Она была прекрасна. Склонив голову, опустил в землю ресницы, Логарь стояла с двумя служанками, которые держали в руках разные угощенья. Нарта Вазы поравнялась с чумом чаровницы. Белая лайка Снежинка заворчала, ощетинилась.

– Пайсе, пайсе, мадур – нежным голосом сказала девица. – Придержи своих оленей. Заходи в мой чум. Ты устал в долгой дороге. У меня ты найдёшь нень и мясо, и сладкую кровь, погреешься у огня, отдохнёшь на мягких шкурах.

– Воньчах эмас-эмас куен²³, – учтиво ответил Ваза, придерживая оленей. – Но я спешу к Отцу Торыму.

– Ваза! – громко перебив мадура, проговорила Логарь, вспыхнув чёрными глазами. – Я знаю: ты поверил сказке злых духов. Но ты не бойся меня. Не проходи мимо моего чума. – Девушка замолчала, тень легла на её лицо, и как дождевые капли – две слезинки скатились с ресниц на отороченную мехом ягушку.

– Ты не бойся меня, воин, – снова сказала Логарь. – Я давно ждала героя. Много лет я выхожу на дорогу на восходе солнца и всё жду, когда заблестят рога оленей, и я увижу тебя. Увидев тебя, я рванулась навстречу, как стрела томар-певунья²⁴ из крепкого натянутого лука. Я ждала тебя, Прекрасный...

Улыбнулся Ваза и ответил:

– Много раз тебе спасибо. Я не боюсь зайти в твой богатый чум, и не страшны мне твои чары.

²³ Воньчах эмас-эмас куен – хороший отдых, хороший сон.

²⁴ Томар-певунья – стрела.

Моё сердце не дрогнет. Я люблю мою подругу Ючо. Я люблю мою белую лебёдку.

Ваза слез с нарты, привязал к шесту, наказав белой лайке Снежинке караулить их. И сразу медным звоном загудели струны многих гусов, забили бубны. Храбрый Ваза вошёл в чум Логарь, сел на посланные шкуры. Две служанки запели песню о герое Вазе – победителе Пенегезы.

«Он пришёл из снежной тундры,
Ждали мы его прихода,
Каждый день гадали на бубне,
Каждый день пытали духов.
Язык духов – непонятный.
Их язык, как шептание старцев,
Как лепет маленьких детишек...»

– Мы спрашивали духа: что он видит? – сказала Логарь, вздохнув, и дух таинственно ответил мне: Шубный старец застлал дорогу. Тогда я не отставала от духа, торопила его, молила, и он, сжавившись, сказал: – Я слышу топот. Он едет на тройке оленей. Он проник в ворота. Пенегеза точит зубы. И вдруг дух закричал: – Кийя-юйя! Кийя-юйя! Пенегеза обманулся. Выходи и жди его.

И тут в неземном танце, лёгком и красивом закружились две служанки. «Я не видел в тундре таких танцев. Я не знал, что девушки и женщины

умеют делать своё тело песней сладострастья», – признавался себе Ваза.

Скоро Логарь подала знак танцоркам. Смолкла музыка и в чум покорно вошло десять слуг с угощением. Они низко поклонились и тут же вышли из чума. Ушёл из чума игрок на бубне, игрок на гусе, старуха Войш-Вуйнээ – нянька Логарь, старая колдунья.

– Ты устал в дороге. Отведай мяса, тёплой крови, рыбы, ягод. Расскажи мне, что видел в пути, добираясь до Царства Торыма. Руки девушки незаметно, как весенний хмель, обвивались вокруг шеи мадура. И уста их, как трепетанье юных листьев в тихий вечер, с дрожью слились. Туманом наполнился чум. В ушах звенела нежная музыка. Логарь обнимала Вазу, потом села ему на колени и как в бреду шептала: «Я твоя, мой мадур. Разве ты не видишь моей ласки? Открой мне твоё сердце...». И опять туманом наполнился чум. В глазах Вазы заблестела проснувшаяся страсть. Своей крепкой рукой он обнял гибкое, как стебель вьюнка с белыми цветами, тело девицы, и, коснувшись её губ, замер в пьяном исступлении. Он не знал, что с поцелуем пьёт отраву, не думал о бедах, которые предстояли ему впереди. Он даже на миг забыл, что там, у злого Мейка его с тревогой ждёт бедная Ючо.

Целый день Ваза провёл в чуме Логарь и только к вечеру вспомнил, что пора в дорогу. Он быстро вскочил, на бегу простился с молодой чаровницей, и погнал оленей, направляя свой путь к Торыму.

Песня двенадцатая

Торым

Робкими руками, в молчании развешивают люди на сучьях в лесу белый ир – значит приносят милость добрым духам, а злomu духу дарят чёрный ир.

Ваза повесил перед лицом Отца Торыма белый ир и долго ждал ответа. В Царстве была тишина, ярко горело солнце, блеском светила луна, где-то дымились костры с благовониями.

– Пусть он станет и скажет своё слово, – обратился Торым к своим приближённым.

– Встань, вогул! – вскричали разом боги. – И молви слово!

Не поднимая головы, Ваза ответил гордо:

– Я вам равный – духи бога. И Отец Торым Великий может сам говорить со мной.

Все стихли от дерзких слов мадура и ждали, что Великий Торым изгонит из своего Царства храбреца.

– Белый ир – милость для вогула, – тихо сказал Владыко. – А Торым не требует подачек, ему не

нужен белый ир. Убери его, невежда, да уходи, дерзкий безумец.

Ваза громко закричал:

– Знаю я твои законы! И скажу тебе, Владыко, что стою перед тобой не как жалкий вогул из Маа, не безумец, не невежда, а как бог! И подвластен я только тебе. А меня ты не можешь гнать. Я не собака. Я имею место в Царстве и жду от тебя награду за лишения, которые встретил на пути к тебе. Я пришёл на нарте Мейка, чтобы увидеть тебя и сказать, что Ваза, музыкант забытых песен, был всегда правдив, знает законы старцев, и принёс тебе горе своего умирающего народа. Я принёс тебе правду, которая никогда не долетала до твоих ушей. В моей земле Маа ест два начала: волки и олени. Поэтому белый ир мы вывешиваем на ветке, а чёрный кладём на гниющий пенёк... Это зло и добро, это страдания и надежды. Это злодей Мейк и ты, Торым Великий. День и ночь всегда воюют. Зло с добром, как волк с оленем. Но у волка зубы, как железо, а быстроногий олень беззащитный.

Передохнув, Ваза продолжал:

– Будь же милостив к несчастным, Всесильный Торым. Помоги народу Маа. Я пришёл к тебе от манси рассказать о их заботах и просить твоей защиты. В нашей могучей мутной Ас-я по малым и большим рекам, между увалов и соров живут твои народы, которые зовут тебя великим. Мы – вогу-

лы, зовём: «Торм и Торым остяки Торым и Нумо, самоеды с Ямальских рек именуют Торма, Нумо. И от этих народов я пришёл просить не о власти, не о сытости, а за покой и пищу, за свободу чумов, за сохранность оленьих стад, песков тайги. Ты, конечно, знаешь, что на нашу землю, на Низину пришли чужие люди, покорили нас железом, наложили дань, умертвили наших князей, бесчестят женщин. Мой народ долго молился злым и добрым духам, не один раз шаманы вызывали тебя, но ты не отозвался. Твоим духам мы клали большие жертвы, но ничего не помогло. Сила русских нас давила. Разве ты не слышишь там, внизу звон лопат, удары топоров? Где раньше плотной стеной стояли кедры — теперь избы русских. Разве ты не видишь дым лесных пожаров? Это горят леса вогулов. Разве ты не видишь бедность наших чумов, вымирание народа от болезней и горя?

Ваза говорил громко и ясно, чтобы каждое слово мог услышать бог.

— Русс пришёл с топором и зельем смерти, с попом пронырой, который крестил вогул водой, крестом и сладкой речью. А боярин на наших тайных тропах построил свои города с церквями. И потекли потоками на землю Маа русские, оттесняя нас к Ледовитому океану. Они обманывают нас сладкими лепёшками, бутылкой водки и таунень — огненным хлебом. Не суди меня строго,

Великий. Я тебе открываю сердце. Уходя в это Царство, ты оставил людям надежду, и она не умерла в вогульском народе. Об этом я узнал от ойки Куксы, который пел нам в песнях о прошлом, а другой незнакомый старец научил меня, как найти к тебе дорогу. Он велел совершить три подвига: первый – олени Мейка, второй – тамга старца Шубного Медведя, и третий – жар-перо огневой птицы Великой Таукси я всё исполнил. Теперь стою перед тобой и жду ответа.

– Всё ли молвил, сын мой Ваза? – спросил Торым. – Всё ли ты сказал, бессмертный?

– Всё, отец! – ответил Ваза. – Всё, Владыко моей жизни.

– Эмас, Ваза, – печально ответил бог. – Мой ответ готов тебе, Счастливый. Ты пришёл ко мне из дальней стороны за защитой. Ты совершил все подвиги. Так передай своему народу: Суснахум – Великий Торым обещает им великую награду в Царстве Мёртвых. Они получают её за все беды, которые несут теперь люди на земле Маа.

– Нет, Отец! – закричал Ваза. – Не надо мне такого ответа! Царство Мёртвых – не награда!

– А чего ты хочешь? – громко перебил воина Торым.

– Не хочу! Не хочу быть только Тенью, как храбрый воин Ясного Келба, который только и может кричать по утрам: смерть коварным чуже-

странцам! Я хочу, чтобы Великий Торым обещал манси победу над врагами...

Лениво возмутившись, Торым сказал:

– Завтра, Ваза. Будь хорош! Я хочу отдохнуть. Отдохни и ты. Голова твоя в тумане, это видно по тому, что ты говоришь.

Ваза поклонился богу.

Песня тринадцатая

Атта – кеге²⁵

Сарни-тут – северное сияние – огонь бога, хвост божьей птицы. Оно часто перистыми столбцами одной гранью светит от страны самоедов до Урала, а другой – светлой гранью лежит в стране вогулов, которых зовут обские люди – племя на Конде реке и её притоках. Там раздался грозный голос Нума и прогремели такие слова: «Пусть олып²⁶ приходит сюда, в этот край и услышит последнее слова бога».

Шелковым платком Ваза прикрыл щёки и лоб, без всякого страха вошёл в медный город и предстал пред богом.

– Я пришёл, – сказал храбрец.

Стало тихо вокруг, и многоцветное пламя северного сияния загорело столбцами. Огонь Торыма, как мелкий туман из огненных пылинок, на-

²⁵ Атта – кеге – богатырский меч.

²⁶ Олып (древне-вогульск.) – богатырь.

полнил город. Где-то исступлённо крикнул дух и опять всё стихло. Вокруг стало мертво, как в ясный весенний день над землёй Маа, когда на снегу блеском играет солнце, слепит глаза, а в небе не видно чёрных пылинок – стай гусей, уток, лебедей. В такие дни в чумах вогулов дым струится прямой паикой²⁷ и лежат под снегом медведи, прячутся в урманах глухари, сидят в норах лисы.

– Слушай, – донёсся тихий голос хозяина. – Если ты назвался мудрым, железным корнем, осмелился явиться к Торыму, то поймёшь слова простой и вечной сказки...

И дух начал рассказ:

– В ночную пору по тропинке бежали два песца и разговаривали между собой. Первый удивился, что на тропинке нет капканов. А второй ему ответил: «Люди-звероловы все вымерли, как мухи в осенний мороз от красной оспы».

Они, как голодные собаки, продали свою душу купчине за бутылку крепкой водки. – У них были большие долги, – ответил белый, рослый.

И опять песцы побежали вдоль берега.

– Помню, здесь был белый камень, – заговорил первый. – Этот камень был священным, сюда приносили приношения.

²⁷ Паика – признак холода.

– Этот камень давно испарился потому, что народ был скупым на жертвы. В последний год только кто-то случайно потерял здесь сунс и тахом²⁸, да ремень от собачьей упряжки.

После этого песцы долго молчали и добежали до безлесой тундры, до границы чёрных карликовых елей. Здесь их встретил злой дух, преградил дорогу и превратил в речушки. И потекли по тундре две речки, огибая мыс, образуя лягу²⁹.

– Скажи мне, богатырь Ваза, – спросил Владыко. – Прав ли был дух, обративший песцов в речки? Я дам тебе для раздумья время, за которое может вскипеть яныйпуты³⁰.

Вазы сразу стал отвечать Торыму:

– Эту детскую сказку я толкую так: когда солнце ходит низко над землёй, наша Ас-я замирает. Рыба уходит вниз, ближе к морю или в устья маленьких речушек. Там люди ставят уды, плетённые из прутьев морды и этими уловами кормят детей. Верно поступил дух, превратив песцов в речушки. Два песца – небольшая прибыль человеку, а две маленькие речушки могут до весны прокормить много людей.

– Верный твой ответ, – сказал Торым. – И слушай меня. Я открою тебе смысл, понятный

²⁸ Сунс – блоха и тахом – вошь.

²⁹ Ляга – мокрое место, болото с мелкими кочками.

³⁰ Яныйпуты – большой котёл.

только одному мне. Перед весной ваша река народов – Обь – замирает от ржавы. Так и вы, народы Маа, перед радостным восходом погибаете от мора, кричите: Горе! Горе! И как окуни в сетях из одной беды торопитесь в другую. Я вчера обещал народам награду, но ты отказался от неё. А теперь я даю тебе новое испытание. Я даю тебе атта кег'е, называю – Карт-иевра³¹.

Верные слуги Торыма тут же принесли ему кольчугу из блестящих, как пылинки колец, железный меч и ножны богатырского меча.

– Вот тебе мои подарки, – сказал Торым. – Надень на тело кольчугу. Богатырский меч и ножны даю в придачу.

Ваза поклонился Торыму, и стоял, наклонив голову, дожидаясь наказа. Бог долго молчал, потом проговорил:

– Когда ты поедешь отсюда, на дороге тебя встретит страшный зверь Иур. Ты убей его. И не забудь взять с собой его когти. Они крепкие, как камень. Когда подъедешь к горам – увидишь трёхрогого зверя с толстой шкурой. Этот зверь живёт в подземном Царстве. Ты его тоже убей и у него отруби рога, спрячь их в укромное место. Только после этого можешь повернуть свою упряжку в царст-

³¹ Карт-иевра – железный волк. Обычно это слово толкуется как: князь, союзник русских. Здесь оно употребляется в смысле мстителя за родной народ.

во злодея Мейка. Не робей, сразу вступай с ним в бой. Ты должен победить Мейка – этого вора и бродягу. Без страха разорви его владения. Не стесняйся. Возьми себе в награду всё, что сыщешь. Нут и шар³²! Клянусь Медведем, если тебе удастся победить Иура, то на землю Маа придёт свобода, а красная старуха – оспа – станет ходить по домам русских, истреблять их болезнями, как истребляет в тундре оленей чума-позёмка. Будет страшно, будет голод и пожары, но как испуганные волки побегут русские от смерти за горы. А после этого настанет новое время. Вогульские жёны будут здоровы и плодовиты. Лес даст вам всё для жизни. В изобилии будет мясо и шкур. Мутные воды Ас-я наполнятся рыбой. Оленям не будет числа, как нет счёту иглам на старом кедре. Тучным кхоньи-корым³³ не будет числа. И снова ваши великие шаманы будут жить с вами, и везде: в дремучих лесах, в урманых, на полянах, протоках, реках, озёрах, чащах тала встанут идолы-шайтаны. Я повелю, чтобы в земли Маа вернулась баба Рача и Лонт-гусь.

И на этих словах Торым смолк. Ваза поклонился, надел доспехи и сказал только одно слово: «Я пошёл». И опять был в пути храбрый Ваза. Вновь он сидел на своей упряжке, с ним рядом была верная белая лайка Снежинка. На равнине он

³² Нут и шар – клятва.

³³ Кхоньи-корым – олени самцы.

оказался так быстро, что долго тёр кулаками глаза и брови. Долго дивился, как смог миновать ворота Царства, Великую равнину, где живут духи умерших, узкий проход мимо птицы Таукси. Он будто бы упал с небес. Долго он стоял в изумлении. Но увидев человека, спросил тревожно:

– Как зовётся это место? Может это Царство Торыма? Или Низина, где живут умершие души?

В ответ ему человек засмеялся.

– Нет, – ответил встречный. – Здесь не Царство Торыма. Это место вечно звалось Сосся – Горностаева река, вблизи Конды.

– Будь здоров! – чуть шевельнул языком Ваза на насмешку человека. – Если я не в царстве Торыма, то значит, я на земле Маа. На Родине.

Песня четырнадцатая

Иур

В Обском заливе, в белом краю самоедов, где в летние дни лежат льды, которые не могут растопить солнечные лучи. И даже в солнечные ночи лучи Светила скользят по земле Маа, и между синими незабудками, жёлтыми лютиками и маками всё лето лежит снег. Там, в холодном море-озере жила рыба-зверь, зубастый Иур.

Люди на Ямале часто видели чудовище, видели, как он важно плавает по морю, бьёт хвостом по льдинам, пускает кверху струи. От его ударов

лёд раскалывался, как щепы, а большие волны с белыми гребнями с силой били о низкий берег тундры.

Часто бушует море-озеро, а вместе с ним и холодный ветер. Он тучами закрывает солнце, и, подув на травы, замечает их снежным пухом и от края моря бежит к горам, принося ненастье. В такое время люди не могут рыбачить, складывают сети на приплёсках, и, проклиная большой вал, мокрый ветер, уходят в чумы, к огню. А ветер всё выл, шумел по коже чума.

– Пошамань! Отгони своим вещим бубном от наших берегов злого зверя Иура. Уйми его, – просили люди шамана. – Ты нагрей бубен на дыму смолистых щепок. Он будет звенеть сильнее. Скажет больше правды.

Дрожащей рукой дряхлый ойка поднимает бубен, колотушку, ставит на колени тёплый бубен. Раз! – ударил он колотушкой. Ещё раз! – откликнулся бубен старого шамана.

– Два! – слышался удар, и зазвенели тихим звоном знаки гагар и лодок. – Два! – ответил бубен и частые удары его полетели в бездну. Замелькала колотушка, старый шаман скоро запыхался. Зажмурил глаза, «чтобы нутром яснее видеть». Потом трижды бросил на четыре части света колотушку – асилибы. Сидевшие возле очага люди подобрали её, подали старику. Гром гремел

в темноте чума. По стенам скользили робкие тени, которые по поверью, вместе со старцем ворожили, стараясь предсказать будущее.

– Слышу! Слышу! – закричал вдруг старец. – По тёмному небу кто-то скачет. Кто-то гремит тяжёлой нартой.

Люди заволновались.

– Тише, люди! Тише. Потушите в уме огонь. Он мешает моим глазам яснее видеть даль. Он уже близко! Солнце пройдёт полкруга, и вы увидите оленей: и нарту, и путника. Его долго ждали наши деды. Ждите дальнего гостя из Панюнг. К нам едет гость-путник. Он, наверное, несёт с собой чудо и принёс избавление от злодея – зверя Иура. Он уже близко!

Из рук шамана вывалился бубен, сам ойка повалился на пол, народ в страхе начал выходить из чума.

Злой ветер гнал тучи, гнал снег на землю Маа. Тяжёлый вал бил о берег, зверь Иур уносил с собой в море всё с берегов, играл в волнах и пускал струи.

– Где олени? Нарты? Путник? Ничего не видно, – шептали маловерные. А другой ему ответил: – Это ненастье всюду.

В долгом молчании был старый Ярны Окатэтта – самоед из стада и сказал пастуху Хамыби Худи с малой речки Юна-Яга:

– Буря долго не утихнет. Шаманы тоже умеют ошибаться. Путь души – не бег на лыжах. Это путь немногих.

Но не успел закончить слова старый Окатэтто, как люди увидели вдали тройку мадура. Это ехал Ваза. Олени неслись мимо каменных идолов и скоро замедлили бег. Ваза крикнул:

– Мне язык ваш непонятен, и ваши места не знакомы. В наших вогульских паулах вас зовут Юран-кум – оленный народ.

Ваза помолчал, сказал мудрые слова:

– Все народы – дети Торыма, дети Нумо. Я пришёл к вам с открытым сердцем, помочь умертвить морского зверя.

– Мы тебя не знаем, ответил Хамыби Худи, – по имени не спросим, а зовём в наш чум, к огню. По правилам нашего народа ты должен отдохнуть, поесть и поспать. А когда захочешь – сам скажешь, из какой страны приехал.

– Хорошо, – согласился Ваза. – Я у вас буду недолгим гостем.

Ваза слез с нарты, отдал постромки, наказал беречь оленей и вошёл в гостеприимный чум самоедов. Его угощали ухой, подавали оленью кровь с мозгами и хрящами. Когда Ваза проснулся, то первыми его словами были:

– Я иду войной на Иура. Я – вогул, музыкант забытых песен, при рождении шаман дал мне имя

Ваза – утка. К вам в низовья великой Ася я приехал от Торыма, и по его наказу должен умертвить морское чудо. До приезда к вам я был в царстве Торыма, проезжал Ущелье Мёртвых, видел тень Яныя Келби. У злого Мейка похитил нарту с оленями, у Шубного Медведя взял тамгу, а проезжая по Ущелью, взял жар-перо у священной птицы – Великой Таукси. Я хочу принести вам свободу от владычества Роч-Маа. А теперь прошу вас дать мне крепкую лодку и весло, я поеду в море, навстречу морскому зверю – чудовищу, толстокожему Иуру.

– У нас, у оленных людей, нет для мадура крепкой лодки, – со вздохом ответил Хамыби Худи. – Наши лодки только для рыбалки и годны в тихую погоду. И вёсла наши тонки.

Но старый Окатэтто, подумал, сказал:

– Я знаю. Есть лодка на большом увале. Её давно выкинули на берег большая волна. Но у нас не хватит сил снять её с сопки, если даже соберутся все люди с Ямала и запрягут всех оленей.

– Может, мои олени стащат лодку? – спросил Ваза.

Самоеды усомнились.

– Она давно лежит на увале, – сказал Окатэтто, – и, наверно, рассохлась от непогоды, жары, мороза и ветров.

– Может, мы её починим, перетрём, смажем серой, затычем щели мхом, на дно нашъём заплаты из варёной кожи в жире.

Люди послушали Вазу, всё стали делать вместе с ним, как он просил. У оленей Вазы хватило сил притащить лодку к морю. Здесь и починили её. С высокой сопки Ваза притащил весло с верёвкой, и, не мешкая, упершись в тугую волну, сдвинул лодку на воду, сел в неё, ударил веслом. Поднялся вал, снёс с прилесков плавник, захлестнул устье малой речушки.

– Егей! Егей! – в страхе закричали самоеды. Но Ваза был уже далеко.

В море он увидел чёрную точку и стал приближаться к ней. Это был зверь Иур. Лодка Вазы, как крылатая чайка то ныряла между волнами, то поднималась на гребень вместе с косматой пеной. Сильная лодка дробила громадные льдины в пыль. Зверь тоже заметил смельчака, удивился отваге пловца и, нырнув под вал, набрал с водой илу и, подождав, когда поплывёт мимо лодка, метнул в неё и в Вазу струи воды с грязным илом и камнями. Но мадур не дрогнул. Богатырской рукой он грёб лодку, резал тяжёлым носом волны, оставляя за кормой клочковатый след разбитой пены.

Иур, увидев человека, оскалил зубы, заревел, поднял хвост и со страшной силой ударил по воде. Вода в море вскипела, забурлила большими пузы-

рями. Лдины, ломаясь, налетали друг на друга, разбивались в пыль и брызги. С неба низко спустились тучи. Скоро в море настала ночь.

Зверь Иур столкнулся с лодкой Вазы, поднял голову, хотел сильными зубами схватить за край. Но Ваза разгадал хитрость Иура, и тяжёлым веслом ударил его по ноздрям. Рыча, зверь нырнул под лодку мадура. Но на его скользкой спине лодка только прокатилась, а Ваза, размахнувшись, перебил морскому чудовищу хребет и плавник.

Иур нырнул глубоко, оставляя на волнах кровавый след, но скоро снова вынырнул, схватил весло зубами и расщепил его в лучинки. Ваза и тут не растерялся. Он вскочил Иуру на спину вместе с крепкой верёвкой и сумел воткнуть в жирный бок морского зверя тяжёлый якорь. Закрепил кошкой, как в берег, и стальным мечом Торыма проткнул ему печёнку и сердце сквозь кривые рёбра.

Вздрогнул Иур. Струной натянул верёвку (хотел ещё раз нырнуть), но уже ничего не получилось у могучего зверя. Атт кеге – меч тяжёлый успел помутить рассудок зверя. Через семь богатырских ударов мечом Иур лежал возле берега, как толстая колода. Он был мёртв. По небу всё ещё плыли тёмные тучи, но тьма рассеивалась. Утих вал и скоро засверкали жёлтые иглы солнца.

– Вот вам Иур – ваш неприятель! – крикнул Ваза, бросая в мягкий берег якорь, и сразу же тя-

жёлым мечом отрубил все четыре лапы зверя и острые когти.

— Храбрые люди Юрраны — дальнейшее племя самоедов. Завтра утром я оставлю ваш берег, — сказал Ваза. — Но после боя мне надо отдохнуть. Я прошу вас: приготовьте мне постель в чуме, поставьте там дымокуры от комаров и до утра не будите. Ещё не забудьте дать моей белой лайке Снежинке сала.

Рано утром Окатэтто тихо вошёл в чум, дотронулся до плеча Вазы.

— Всё готово, добрый мадур.

Ваза встал, натянул свои доспехи, немного закусил мяса, как требует обычай, и расстался с народом Юрраны.

Песня пятнадцатая

Мухор онгет³⁴

Было раннее утро. На рыбалке было два друга. Один говорил другому:

— Посмотри костёр, он, кажется, погас, и там тлеют одни головёшки. Поторопись, друг, вынь табакерку и набей трубку пьяной травой.

— Хорошо, — ответил другой, доставая из кармана трубку, осторожно высыпал тамбах³⁵, чтобы не просыпать крошечку на землю. Размёл лучин-

³⁴ Мухорт онгет — слонобая кость.

³⁵ Тамбах — табак.

кой золу, взял уголёк двумя руками и, раздув его до искры, положил в трубку. Тонкой синей струйкой поплыл дым. Так же сделал другой.

– Из чего ты сделал трубку? – спросил первый.

– Сам знаешь – из мухорт онгета. Про это знает каждый мальчик.

– А пока мы курим, – сказал первый, – я расскажу тебе рассказ о великом звере, о большом Мухоре.

– Ты рассказываешь складно, – согласился второй. – Рассказывай, хотя сегодня не Никола, не Петров день, не Крещение. Твой рассказ всегда полон словами, в том его отличие от мешка с мукой, сшитого из налимьей кожи.

– Это ты тоже заметил, – согласился товарищ. – Чтобы твой мешок всегда был полон муки, надо быть в ладу с торговцем, с мангазеей и вахтёром: ему каждый раз надо приносить сиводушку³⁶.

– Так вот, послушай: у нас под землёй, под руслом яя, на дне подземного Царства, во мраке ночи, есть проходы, тропы, речки и даже бездонные озёра. И лес там растёт великий, разные травы и цветы. Это Царство духов Веса. И кто-то видел, как этими ходами выходит в Маа страшный зверь с тремя рогами. Даже сильные шаманы не могли

³⁶ Сиводушка – тип (сорт) лисицы.

смотреть на него без страха. Зубы и рога этого чудовища не трудно было отыскать в иле, в ярах, на увалах. Они твёрже камня. Старики говорили, что когда этот зверь выходит наружу, то, увидев свет солнца, сразу слеп, бесился, с воем рыл рогами берега, осыпая землю в воду. В слепоте, потеряв дорогу обратно, он разрушил яр. А когда оттаивала земля, подрывтый берег обваливался и хоронил под собой зверя Мухора. Потом весенние воды вымывали его из-под земли, а рыбаки – остяки, проплывая мимо упавшего яра, находили на берегу жёлтые кости. Место это запоминали, по приезду домой садились в маленькую лодку, долблённую из дерева или сшитую из бересты, и ездили за костями зверя мухор-онгета. Потом из них делали табакерки, черни к шилу, ножи, ложки, трубки, кольца. Если находили много костей, то продавали на водку. А когда шибко напивались, громко кричали и ругались.

Так разговаривали между собой рыбаки, безоленные остяки. Первого звали Печь Салиндер, второго – Тамбури Ямпик. Солнце поднялось на небе, стих ветер, рыбаки пошли к лодке и услышали сзади крик: «Тончин! Тончин!».

– Кто это нас кричит? – подумал Ямпик.

– Егей! Егей! – отозвался на крик Печь Салиндер.

Из молочного тумана им навстречу вышел Ваза со своей белой лайкой Снежинкой.

– Проезжая мимо яра, я услышал ваши разговоры.

Товарищи улыбнулись, а Ямпик сказал: – Если тебе надо огнива или трута для куренья – угощайся. Но у нас болтливы только бабы, как сороки, а мы мужчины.

– Может быть, у вас в паулах другой обычай, – продолжил Салиндер. – Может, у вас мужчины с бабами болтают о лепёшках, остряне и шитье. Может, они из оленьих жил выют нитки и умеют играть на женской скрипке. Может быть, ваши мужчины нянчат ребятишек, а женщины на ясак промышляют зверя, перевесом ловят уток?..

– Может быть, у них в паулах, – подхватил насмешку друга Ямпик, но не успел договорить. Ваза взял его за косу, а другой рукой за ворот, ухватил второго и обоих сразу бросил в воду, а в их лодку бросил большое бревно.

– Егей! Егей! – закричали рыболовы. – Пейсе, пейсе, ойка рума. Прости нас! Прости наши насмешки.

Печь Салиндер на корячках выполз на берег, за ним Ямпик. Они, как мокрые собаки, с жалобным хныканьем брели по берегу, кричали Вазе.

– Не сердись на нас бессильных, богатырь с длинной рукой.

— Замолчите! — остановил их Ваза. — С вами трусливыми зубоскалами разговаривает мадур Вазу, победитель Пенгезы, победитель зверя Иура. Знаю: здесь где-то глубокий ход. Лучше покажите мне дверь под землю и я пойду на Веса.

— Страшно нам, — задрожал Ямпик и зашептал: — Недавно, под большим увалом видел я место, где в стужу, из-под снега бьют горячие подземные ключи. Там стоит разбитый громом старый кедр. Он спрятан в кустах рябины. Там есть подземный ход в Царство Ночи. И кто проходит мимо этой ямы, слышит шум, топот, крики людей на непонятных языках.

— Отпусти нас, Ваза, — взмолился Печь Салиндер. — Ямпик тебе всё рассказал. Больше мы ничего не знаем.

— Хорошо, — ответил Ваза. — Уходите. Но на прощанье я дам вам совет, который должен помнить каждый ребёнок: кто приходит к дыму чума — бывает гостем и встречают его добрыми словами, ставят угощенья. Если захочет — сам скажет, куда держит дорогу. А теперь ступайте. Расскажите в своих чумах, как надо встречать гостей.

— Прости нас и прощай, мадур Ваза, победитель Пенгезы и сильного зверя Иура.

Ваза молча повернулся к ним спиной, и скоро скрылся в молочной гуще тумана вместе с белой собачкой Снежинкой.

– Каково? Получили по заслугам, – сказал Ям-пик.

– Разве ты не был со мной? Он меня только взял за косы.

– А меня схватил за ворот. Я давно хотел помыться, поубавить в рубахе вшей.

– Что он сделал с нашей лодкой?

– В этом ты виноват!

– Ты начал свою насмешку! – И друзья рассорились между собой.

А мадур Ваза, одев поверх рубахи кольчугу из мелких колец, взял в руки меч, колчан из меха, привязал медный цепью ножны, амулеты, топор и пошёл навстречу Мухору.

Песня шестнадцатая

Мухор

Над крутым яром шелестели рябины, смотрелись в воду черёмуха и калина. В мутную воду посмотрели Ваза с лайкой Снежинкой, и потом шли по еле приметной тропинке вдоль берега, пробираясь к Мухор Весу. Здесь каждую весну, когда в реке поднимается вода, как живые сползают с берегов сосны, кустарники, травы. В давние времена, до прихода русских, на яру стоял медный город князя Самара Магут. В былинах говорилось, что тёмной журавлиной ночью мудрый шаман увидел сон и рассказал об этом князю Самару:

«Князь, мы видели Мухора. Подземными тропами он подошёл под городище. Не успеет солнце пройти три круга, как город наш, как круглый камень будет брошен в воду. Видел во сне: будто роща с нашими шайтанами ушла под землю».

На это князь ответил:

– Пусть солнце пройдёт три круга, а мы посмотрим, упадёт ли яр в воду.

Люди остались недовольны словами князя Самара. Вот солнце прошло три круга и... яр обвалился! Случилось великое горе. Остались живыми только земляные люди, бедняки, которые селились за частоколом города, и слёзно горевали над обвалом: где теперь у нас защита? Не стало нашего князя... Это было давно, давно.

Ваза шёл берегом реки, громко лаяла белая ампа Снежинка. А еле приметная тропка, как змея, завиляла между сосен и скоро спустилась вниз, к обрыву. В логу, в зелёной траве тропинка затерялась между кустов рябины. «Яма близко», – подумал Ваза, поднимая тяжёлый меч. Снежинка перестала лаять. В траве, еле слышно хлюпал ключ. Над старым кедром развевались чьи-то иры. Глухо, как в бочке, слышались непонятные, не людские голоса. Ваза вынул меч, потуже затянул пояс, подвязал колчан со стрелами.

– Ну, Снежинка, настало время, – сказал Ваза своему верному другу. – Будем спускаться в Петлим-емдер – в Царство Ночи.

Подойдя к норе Мухора, Ваза остановился и бросил в подземелье круглый камень, стал прислушиваться к падению. Ждал: скоро ли достанет камень дна и стукнет в колодце. Времени прошло столько, сколько может сделать по лесу пятьдесят шагов хромоногий. Только тогда загремел камень, достиг дно в норе Мухора.

Ваза бросил ещё один камень, а потом сказал: «Хватит». Он повалил большую сосну поперёк норы Мухора, забил два клина в землю. Из корней лыка стал крутить верёвку длиной в пятьдесят шагов, а толщиной в восемь пальцев. Тут Ваза присел, обмыл холодной рукой лицо, вспомнил детство. Вот сидит он один в сумрачных потёмках. Мать ушла собирать в лесу саранки³⁷. Чёрные тени в чуме пугают мальчика...

И богатырь Ваза, сидя над ямой в Царство Ночи, запел грустную песню детства: в ней он пел о том, как вместе с косматым псом Пакой ставил в протоке морды. Его кусали комары и кто-то взывал в лесу громким голосом: ко-го-гу! Он испугался, хотел было бежать в паул, но в морду попала рыба. Неумелой рукой он хватает скользкого на-

³⁷ Саранки – грибы.

лима, но в один миг из пальцев булькнул в воду толстокожий. Ваза от обиды заплакал. Он ещё не знал, что скользкого налима надо брать не под жабры, а под брюхо.

Он бежал к чуму. Кругом была спелая брусника. Весь бор на солнцепёке был покрыт, как кровью. А дома его потеряли. Старый ойка, за непослушание оттащал его за волосы. Но Ваза всё равно удивлялся: почему он должен сидеть с бабами на коже? Он уже мужчина. Но почему-то ойка всё равно встречал его с хворостиной, а лохматый пёс Пака, поджав хвост, убегал за чум. Ох, какая была это хорошая беззаботная пора. Какой добрый был старый ойка! Какая гибкая у него была хворостина!

Ваза улыбнулся, вздохнул и как раз в это время зазвенел конец верёвки. Не помедлив, мадур обвязал сосну на яме тройной петлёй, а другой конец опустил в тёмный колодец. «Ожидай у тёмной ямы», — одевая кольчугу, сказал Ваза лайке и стал спускаться под землю, в Царство Ночи.

По тонкострунной верёвке опускался Ваза всё глубже и глубже. Скоро стало трудно дышать. Вверху, над головой был виден крохотный выход, как оконце. Ещё прошло немного времени и запахло дымом, каменные стены сдвигались. Из тьмы доносился страшный рёв.

Всё ниже и ниже, всё глубже и глубже спускался Ваза. в руке его был конец верёвки. «Коротка», – подумал Ваза, и как паук на паутине, повис в тёмной бездне. Возвращаться назад герою было стыдно. «Может прыгнуть вниз?» – подумал мадур. Но могут вдавить в тело острые камни медную кольчугу. И обратно можно не вернуться. Чтобы вернуться, надо быть птицей с крепкими крыльями. Но Ваза был человеком, а не белым орланом, и не шаманом, чтобы мог обратиться в птицу, в зверя или духа. Долго над бездной думал мадур, и решил спускаться дальше без верёвки, упираясь в стены узкого ущелья то спиной, то руками. Он спускался всё ниже. Вдруг бокарь нащупал камень, как ступеньку. Ещё один шаг, и Ваза стал обеими ногами перед входом в Петлиме-мдер. Поправив доспехи, надев на лоб чёрный платок, которым завязывают себе глаза богатыри, и тяжёлым шагом, как на Шубного Медведя идёт охотник, вошёл мадур в подземелье зверя.

В стороне плакал филин-передатчик, предсказал герою смерть. Филин пел: «Возвращайся ты, бедняжка! Считай, что ты покойник. Ты и сейчас бледнеешь и трясешься. Вспомни свою мать. Вспомни её радость. Вспомни, как она плясала, одетая в дорогой суконный кафтан, обшитый бе-

личьим мехом. На ногах её мелькали бокари³⁸ из пяти цветных полосок-нашивок и мелких бус. Вспомни, как одевала она белый крапивный фартук, на котором были вышиты: зверь, и хитрый соболю, лисицы, сосновые ветки. Как за тебя она молилась. Воротись!»

Но Ваза не слушал детскую песню хитрого филина. Мадур шёл в подземелье как опытный охотник. Навстречу ему двигался крепконогий мамонт. Они приближались друг к другу. Не вскипел котёл на углях, как сошлись подземный зверь с человеком. И они сразу вступили в кровавый бой.

Засвистел, заблестел меч героя. Зверь Мухор взревел от боли, и топнул толстыми ногами, набычив голову, понёсся на мадура. Ваза наклонился, и как мышь в нору, юркнул между ногами мамонта, а потом в его жирный зад всадил меч. Зверь взревел от боли. Хотел было повернуться в узком, каменном проходе, но сдвинуть гору с места был бессилен. Не робея, Ваза бил Мухора тяжёлым мечом. От руки богатыря зверь почувствовал свою гибель. Он лягался, пятился назад, но потом собрав силы, побежал по ущелью быстрее оленя, оставляя за собой брусничный след. Ваза бежал за Мухором. Бег его был таким, что колебалась земля

³⁸ Бокарь – меховые сапоги, надеваемые с меховыми чулками.

Маа. Наконец Мухор споткнулся и упал, истекая кровью. Ваза, как и обещал Отцу Торыму, прыгнул зверю на спину, тремя ударами меча отрубил рога. Мухор ещё раз встал на колени, но тут же упал и не мог больше подняться.

Герой взял три крепких рога, взвалил себе на спину и пошёл к глубокой яме. Филин-передатчик – ночная птица, зафыркал, захлопал крыльями, запел вслед Вазе песню: «Бедный мальчик. Я ошибся. Ты не умер. Видно, твой старый ойка перед твоими глазами ворожил над люлькой. И теперь пред глазами впереди по всем дорогам мчится счастье твоё. Везде тебя ждёт любовь и удача».

Ваза подошёл к узкому проходу. Привязал к верёвке тяжёлые рога зверя. И кто-то невидимый семью руками ухватил Вазу, музыканта забытых песен, и поднял его, как птицу, наверх, к белой лайке Снежинке.

– Теперь я быстрее вольной птицы, – подумал Ваза. – Теперь я полечу к злодею Мейку, к цветик-ку моей жизни – нээ Ючо. Я слышу звон! Я слышу крики!..

Песня семнадцатая

Возвращение

Каждый день выходила нээ Ючо на дорогу. Она ждала Вазу – музыканта забытых песен. Каж-

дый день, только открыв глаза, она говорила про себя: «Может, сегодня встречу Вазу», а когда проходил день, она ложилась спать, думала опять: «Может, ночью придёт мой жених». Но проходили дни за днями, а Вазы всё не было. Тёмною, позднею порою Ючо часто гадала на бубне, сшитом из налимьей кожи, слёзно просила: «Ответь скорее, бубен! Придёт ли мой Ваза». Но бубен молчал. И только однажды ночью что-то ответил неясно, непонятно: «Встреча будет не скоро. Больше не спрашивай меня».

И опять осень сменилась на зиму, а зиму сменила весна. Уже в который раз на упругих крыльях летели в землю Маа стаи крикливых журавлей. Но приходило лето и слезливо, как старуха у чувала, подбиралась осень. Увядали травы, облетали листья лесных нарядов. Однажды, в месяц падающих листьев, вышла Ючо на тропинку, где когда-то прощалась с Вазой, и задумалась в тоске. И ей показалось, что душа её поднялась высоко над лесом. Она оглядела даль, но скоро снова очутилась на тропинке. Она долго не могла понять — сон ли был с нею, или явь. Когда обернулась, чтобы присесть на нарту, то у ствола сырого кедра, в рваной парке сидела сгорбленная, как крючок для рыбной ловли, старушонка — шаманиха с бубном в руке и посохом.

– Здравствуй, бабушка! Откуда ты пришла в такое ненастье? – спросила Ючо.

– Здравствуй, Ючо, – беззубым ртом прошепелявила шаманиха. – Я пришла тебя провести и рассказать о том, о чём ты спрашивала у бубна.

Опершись о посох, старуха молвила:

– Молодые глаза слезливы – значит, их духом владеет грусть. Я скажу, что цветок жизни не увянет у того, кто ждёт. Я не знаю, сколько прожила, если бы считала твои годы по лучинкам, мне пришлось бы наломать щепы большую кучу. Ты тоже долго живёшь, Ючо, и старости не знаешь. А ко всем, живущим по земным правилам, смерть приходит в свои сроки. Но ты не бойся увядания. Ты умрёшь прекрасным цветком, без страданий.

– Оставь меня, старуха, – вскрикнула в испуге Ючо. – Не пугай меня смертью. Я бессмертна в Царстве Мейка. А если твои глаза зрячие и ты видишь будущее, то скажи: скоро ли вернётся Ваза? Может его упряжка близко? Может, за лесом?

– Он вернётся в царство Мейка, – сурово сказала шаманиха. – Он стоял перед Торымом. Он вернётся. Но... ты умрёшь, когда услышишь его голос.

– Уходи, злая колдунья! Я не верю твоим словам! – закричала Ючо. – Если даже в Царство Теней отлетят мои мысли, то и там мадур Ваза среди духов отыщет меня. Он оживит меня хитта-инк –

живой водой. Ты, злая колдунья, уходи. Если Мейк увидит тебя, то тебе станет худо: он раздавит тебя как гнус! – говорила со злобой. И старуха как сквозь землю провалилась.

Но после слов шаманихи Ючо совсем загрустила. Ойка Мейк – коварный злой дух заметил грусть Ючо и спросил тягуче:

– Мало ешь и спишь тревожно. Есть забота? Глаза внизу – печаль на сердце. Я всё вижу дальним глазом. Отвечай: о чём забота?

Мейк долго ждал ответа Ючо, но, не услышав её слов, тягуче, с насмешкой промолвил:

– Как цветок на пне осины, так и твоя робкая надежда живёт в глазах. Отвечай мне, Ючо, в чём твоя надежда?

Мейк терпеливо ждал ответа, но его не было.

– Отвечай же! – закричал, зарычал Мейк. – Знаю я день, когда парнишка отвязал моих оленей, увёз нарту. Тогда ещё, рядом с его твёрдым шагом, я видел другой след. Это был след какой-то бабы. Может, ездил он с тобой? Брал тебя для веселья? Может, ты мне ответишь: чей там был след?

– Послушай, Мейк, – заговорила Ючо. – Может, ты ответишь на мои вопросы?

– Хорошо. Согласен, – краснея, ответил дух Мейк. – Хотя по закону ты не можешь испытывать мужа.

– Первый мой вопрос, – сказала Ючо. – Если мужчина женится, он несёт калым семье?

– Да, – нахмурившись, ответил Мейк.

– Второй вопрос не труден для духа. Если калым не принят, то куда уходит печальный жених?

– Он идёт домой, – ответил Мейк.

– И последний вопрос! – гневно сказала Ючо. – Может дух нарушить законы? А, нарушив, быть судьёй, как Шубный старец? Ты нарушил закон, когда увёз меня на оленях.

Мейк разгневался.

– Хитрость женщины-лисицы! Помню я, как Шубный старец поднял над тобой лапу в знак согласия с вогулами, которые требовали для тебя смерти. Я увёз тебя без сватовства. Здесь, у меня, ты живёшь свободно, ешь мясо оленей на чаше, вырезанной из коричневого камня. И скажи: прав я, нарушив закон, взяв тебя в жёны? Тебя – смертную девку! Тебя – вогулку! Я мог жениться на равной.

– Мейк, – остановила его Ючо. – Мне осталось жить недолго, и потому я скажу тебе правду. Да, я жила с тобой и не знала забот. Но пришёл мадур молодой с открытым лицом! И вместе с твоими оленями, с твоей нартой он взял моё сердце, взял навеки душу. Я поклялась его дожидаться. Поклялась страшной клятвой вогул – лапой Шубного владыки с пятью длинными когтями. И если бы я

узнала о смерти музыканта забытых песен, пошла бы искать его под землёй, в Царство Теней. Но он ниоткуда не даёт мне вестей. Не зовёт меня...

— Ючо, Ючо! Цветик жизни! — протяжным звоном наполнился лес. Дробился в лесу звонкий лай верной спутницы мадура — Снежинки. Шумел лес. Старый филин стрелой взвился в небо.

— Возвращается музыкант забытых песен! На твоих оленях, Мейк, едет весело к тебе, будто в гости. Хватит слушать бабьи разговоры, приготовься к драке.

— Замолчи, слепая гнида! — закричал на птиц Мейк. — Я это знаю без тебя, слепой собаки! Скажи лучше: по какой он едет дороге.

— Он уже перед твоей юртой! — крикнул филин. — Он приехал.

— Пайсе, пайсе, Ваза! — закричал мадуру филин. — Мейк и нээ Ючо ждут тебя в гости. Готовят угощенья. Отдохни, мадур, в юрте Мейка, на его мягких постелях!

От этих криков вещей птицы Ючо задрожала, как листок на длинном стебле в осенний, непогодный день.

— Не убей его! — склоняясь перед Мейком, сказала Ючо.

Но Мейк был уже в страшном гневе. Весь налился чёрной кровью. Проворной рукой схватил со стены колчан со стрелами, взял свой зазубрен-

ный меч и вышел из юрты с диким криком: «Огенкейя!».

Улыбаясь, медленной походкой шёл богатырь к злому Мейку. Он сиял, словно месяц в полнолуние. Ярко светилась его кольчуга из мелких колец. Подняв свой меч, подаренный ему самим Торымом, крикнул Мейку:

– Защищайся, лесной бродяга, старый вор, поедатель оленьих стад!

– Эмос, эмос! – задрожал Мейк. – Эмос, тухлый чебак с яя Конды. Теперь ты получишь по заслугам за всё: за моих оленей и за украденную нарту.

Мейк махнул тяжёлым мечом, рассекая ветер, и ударил по кольчуге Вазы. Меч скользнул, как с горки лыжи, не задев тела мадура, и зарылся по крыжину в землю.

– Эмас! – заорал Мейк. – Шубу крепкую одел на своё пустое брюхо. Но у моего меча крепкие зубы. Они достанут твоё сердце!

Меч Мейка заблестел, потому, что ржавчина до крыжины очистилась о землю. Два меча, как две молнии, блеснули огневой красной пылью, и будто прогремело сразу два грома. Начался бой. Беспрерывно от могучих ударов летели искры, как лесной пожар, и звон их был похож на бурелом, какой бывает во время грозы и страшной бури, когда ветер тяжёлой лапой валит лес, как крупные

былинки. Далеко по Царству Мейка разносился страшный стон. Земля под ногами стонала, колебалась, как трясина на болоте. Дрались два смертельных врага. Старый филин-смехотворец сидел на высоком кедре. Трижды падал от тряски дерева и, поднимаясь, отыскивал для укрытия сук потолще. Много раз Мейк и Ваза сходились грудью к груди, много раз расходились, отряхивали кровавый пот на изрытую ногами землю, мягкую, как зола. День шёл на убыль. Солнце катилось к Низине, и оттуда тянулся тёмный сумрак. Скоро наступит ночь. На дорогу вышла юпсе³⁹. Солнечный брат – месяц пошёл бродить по небу между звёзд.

Бой не стихал. Мейк и Ваза дрались с прежней силой. Дрались до рассвета... Ровно в полдень Мейк в первый раз споткнулся и почувал беду. «Плохо! – мрачно подумал он. – Силы старые уходят».

И тогда, ловко увернувшись, он прыгнул на верхушку старого кедра. Там вынул стрелы и лук, привязал к руке дощечку, чтобы не била струна, натянул упругий лук и послал стрелу прямо в сердце Вазы. И снова стрела, стукнув о кольчугу, отскочила, пала на землю. Но летела уже вторая стрела. Старый Мейк – вор оленей, послал её на голову Вазы. И опять стрела воткнулась в землю.

³⁹ Юпсе – тьма

Ваза рассердился. Лицо его налилось кровью и, сорвав ремни у меча, он с силой бросил его в трусливого злодея. Задрожал, завизжал на кедре Мейк.

– Подожди, хватит драться! – закричал он с дерева. – Можно миром кончить наше дело, нашу ссору. Всё бери: оленей, нарту, бабу... и убирайся. Не тревожь мою старость.

– Нет! – ответил на это Ваза. – С тобой мир плохой. Будем драться дальше, хоть до могилы.

– Нет! – закричал Мейк. – Если Торым – большое брюхо, глупец ленивый, хитрее тебя, и то не сумел меня принизить, то тебе не по силам победить меня, малый телёнок! У тебя ещё мало силы тягаться со мной. Но ты послушай меня.

Ваза не хотел слушать хитрые слова злодея. Схватив свой меч, боевые стрелы и прицелившись, пустил одну из них в сердце Мейка. Томарлен была с железной вилкой. Мейк вскрикнул. Стрела поразила его сердце, и он рухнул с верхушки кедра, как глухарь, ломая сучья. Упал к ногам богатыря. Тут же ударами меча Ваза разрубил Мейка и громко закричал:

– Торым! Отец наш грозный! Я своё исполнил слово. Я сдержал свою клятву!

Ничего не ответил на его слова Торым, и не подал никого знака. Ваза трижды свистнул, подзывая свою верную лайку, и воскликнул громко:

– Ючо! Ючо! Цветик жизни! Отзовись. Иди ко мне навстречу. Я – твой жених. Я вернулся. Я обещал тебе.

Песня восемнадцатая

Смерть Ючо

– Ючо! Ючо! Сальпить⁴⁰, Ючо! – печальным голосом крикнул Ваза. Он, не знавший страха, побывавший в Царстве Мёртвых, и в Царстве Торыма, что давало ему право власти над огнём и водой, сделало его могущественным не только среди людей, но и богов, входил в юрту полный жутких сомнений за удыбу своей невесты.

– Сальпиль, Ючо! Цветик жизни, – говорит Ваза, дрожащей рукой поднимая суконный сап⁴¹.

Перед ним в соболиной постели, как подраненная лебедь, с лицом блее снега, распутив чёрные косы, лежала Ючо.

– Ючо! Ючо! – тихо и печально говорил Ваза. – Отзовись. Скажи мне слово, что случилось с тобой, мой цветик жизни?

Прошло время, за которое может вскипеть не только большой котёл, но стать пустым и растопиться, а Ючо всё молчала.

⁴⁰ Сальпить – Большая Медведица.

⁴¹ Сап – занавес, за которым скрывались женщины при появлении посторонних мужчин.

– Хос-хот, хос-хот ! Крылья чёрной многокрылой птицы. Птицы вещей, с острыми семью когтями. – Геге, геге! Лапа Шубного Медведя. Пусть железный зуб перекусит много оленьих жил, останавливает на дороге семь шаманов, чтобы они оживили мою Ючо.

Прошло ещё столько времени, что можно запрячь упряжку, починить нарту, а Ючо всё лежала, распустив чёрные косы на тропинке Царства Теней.

– Торый⁴²! Тохт⁴³! – моё слово к вам, и вы должны его услышать. Я прошу вас: дайте мне живую воду. Умирает моя Ючо.

Ещё прошло время. В юрту Мейка пришла ночь. На кедре начал видеть филин, но ни журавль, ни глухарь не отзывались на слова мадура. И тогда, гневным, звенящим голосом Ваза закричал исступленно:

– Торым! Я требую ответа! Ты меня должен услышать! Отвечай скорее!

И в ответ от конца в конец вздрогнула кожистая земля Маа, как на гребне волны дрожит маленькая ветка. Грянул гром, подул ветер, и Великий Торым ответил Вазе строгим голосом:

⁴² Торый – журавль. В данном случае могущественный дух в образе журавля.

⁴³ Тохт – глухарь.

– Что кричишь ты, ойка Ваза, как ребёнок без игрушки? Как смеешь беспокоить сладкий сон Владыки?

– Стой, Великий! – гневно закричал Ваза, не дослушав речь Торыма. – Я мадур, из рода манси, музыкант, игрок на гусе, говорю тебе, как брату: «Оживи мне Ючо!»

– Кто убил Мейка? – добавил Ваза. – Кто в далёком Царстве уничтожил Пенегезу, а в белом крае самоедов умертвил зверя Иура? Кто добыл рога страшного зверя Мухора? Это сделал я – музыкант забытых песен. И за это в награду я прошу одно – дай жизнь моей невесте.

Торым ответил грозно:

– Твои подвиги мне известны. Не ослабела моя память, но ты получил свою награду! Ты стал равен ойке – духу. А теперь ты, победитель, горькими слезами плачешь над мёртвой бабой. Слушай, Ваза, и знай, кто убил красавицу Ючо. Ты разрушил чары Мейка, вместе с тем и жизнь невесты. Так чего ты плачешь пустыми слезами? Пустыми словами тревожишь бога.

Ваза, дрожа от гнева, закричал:

– Старый пёс, лисица неба, я отказываюсь быть бессмертным, быть послушным, как собака и называться победителем. Я желаю тебе смерти! Я желаю в Царство Мёртвых, чтобы встретиться с

душой Ючо. И всем сторонам света кричу: «ОТРЕКАЮСЬ! ОТРЕКАЮСЬ!»

Торым гневно ответил вазе:

– Ты отрёкся? Это слышали все духи. Это слышали все четыре края света. Ты отрёкся от награды ради старой, дряхлой старухи. Пусть будет так.

Ваза снова со слезами опустил на колени перед Ючо, снова поднялся, протяжно крикнул:

– Отрекаюсь! Отрекаюсь! Я клянусь и обещаю лапой Шубного Медведя, что верну Ючо с тропинки в Мёртвое Царство. А пока, имея меч двухсторонний, положу его в ножны.

Но когда Ваза вновь опустил на колени перед Ючо, то перед ним лежала не нээ прекрасная, а старуха с сухой землистой кожей. Ваза не поверил, что его цветик жизни Ючо, белая берёзка, милая его невеста превратилась в старуху. Он подумал: Торым подменил ему невесту. Но когда увидел смоляные косы Ючо, промолвил в забытьи: «Это Ючо, это моя нээ. Убив Мейка и его чары, я убил свою невесту». И с грустью подумал: «Мой дальний, далёкий путь к Торыму был без цели! Нет мне радости. Нет мне надежды в сердце. Я пойду за Ючо». За спиной он услышал чьи-то тихие слова, обернулся. Перед ним стоял старый ойка, который приходил в чум, приносил стебельки сушёной травы, семь лучинок, и белый камень.

– Помнишь, Ваза, незнакомца? Старика из тёмной ночи? Той ночью на распутье убегающих тропинок ты думал с грустью о своём народе и желал ему свободы. А теперь после дальней дороги грустишь? Ты опять стоишь перед дорогой.

– Я, вогул безродный, часто вспоминал тебя. Я звал отцом. Ты вновь пришёл меня утешить?

– Нет, я пришёл тебе напомнить. Ты закончил свой тяжёлый путь. Ты нёс надежду для позабытых народов, и поэтому тебе нет дороги за Ючо. Ты, ма-дур, в своей смерти не властен. Погребви тело Ючо, поставь большой столб из кедра на её могиле, укрась узорной резьбой, чтобы все знали, чтобы все видели и помнили невесту Вазы. Сам ты возьми меч, надень на грудь кольчугу, и подай мне руку в длинной чёрной рукавице, и мы с тобой будем ездить на быстроногих оленях по мансийским паулам.

Бедным и робким людям в дрянных шубах, живущим в низких юртах, мы скажем: «Зарубите на старой тамге семь зарубок. К старой стреле приклейте перо для правильного полёта, вставьте её в лук клееный из семи пород деревьев. Настало время».

– Нет, – с грустью ответил Ваза – сердце моё разбито, и путь, о котором говоришь ты, мне будет не под силу. Разве солнце остановишь, как оленя в беге? Разве Ася запрудишь? Разве миг ушедших возвратится? На всё это я скажу: наши боги вместе

с Торымом обманули бедных манси. Они оказались бессильны. Моя Ючо умерла и не проснётся. Я просил Торыма, я кричал ему на небо. Ты же слышал? Я отрекаюсь! И теперь я отрекаюсь!

Наступило молчание, и первым его нарушил старец:

– Дай мне руку, сын мой, Ваза. Нам не нужен меч, не нужны тяжёлые ножны. Закопай их в землю, положи туда кольчугу. Мы лучше пойдём с тобой искать живую воду. Быть может, мы сумеем разбудить Ючо.

По утру старец и Ваза с печальными лицами схоронили нээ Ючо, меч с ножнами, кольчугу – подарки Торыма на горе, под старым кедром. Иушли. Куда не знаем.

КОШМАНОВА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА

Лесбег

Часть первая

Кто ОН?

Оглянувшись на треск сучка, Натка тотчас повалилась на руки Толяна без дыхания. Толян подхватил её и прямо перед собой, метрах в десяти, увидел ЕГО. Тёмная масса, внешнее подобие человека и огромные блестящие с красным оттенком глаза. Прижав Натку к себе, Толян изо всех сил пустился бежать по берегу Евринского Тумана к посёлку. Не доходя до первых домов, он осторожно положил свою ношу на обочину дороги. С лёгким прикосновением к щекам девушки, он стал звать её:

– Ната, Ната, ну очнись, что с тобой? Ната!

Она открыла глаза, увидела бледные звёзды на сером небе, луну, склонившегося над ней Толяна. И всё вспомнила.

Натка, дрожа, вскочила на ноги и спросила:

– Где ОН? Где?

– Успокойся, мы уже в посёлке.

Дойдя до первых домов, Толян усадил её на скамейку, заботливо укрыл своим пиджаком, стараясь успокоить. Она продолжала дрожать и всё спрашивала:

– А что ЕМУ от нас надо? Почему ОН второй день нас преследует? Кто ОН?

Действительно, вчера вечером, а вернее ночью, около двенадцати часов, Натка и Толян гуляли по берегу Тумана. Светила луна. Но в белой ночи лунный свет был почти не виден. Вода Тумана была неподвижной, как зеркало, в ней отражались бледные звёзды, луна, лёгкие облака; а возле берега кусты и деревья.

Скоро наступит пора девушке и юноше расставаться. Толян решил ехать учиться на автослесаря в училище, а Натка – продолжать учёбу в школе. Предстоящее расставание угнетало обоих. Совместная учёба и жизнь по соседству сблизили их. И не было такого дня, чтобы они не встречались. Но сейчас они мечтали о том, как после двух лет учёбы Толян вернётся в посёлок уже специалистом, а Ната закончит школу.

И вдруг неожиданно впереди тёмной массой возник силуэт огромного человека с блестящими красноватыми глазами. Испугавшись и не поняв, что это такое, Толян и Натка что было духу бросились бежать к посёлку. Договорились молчать. Кому о таком расскажешь? Не поверят, засмеют.

Но днём Толян не удержался и рассказал о встрече своему другу Сергею, по прозвищу Серый, взяв с него честное слово никому ничего не говорить и даже заставил перед клятвой есть землю.

Серый пошёл к Натке, чтобы убедиться, правда ли это.

— Толян велел молчать, — вот и все, что он смог узнать.

Вечером на улице встретились все троём.

— Может, вам показалось? — допытывался Серый. — Может, то был куст, дерево, что-то отражалось на земле? А сходите туда ещё разок! И если ОН там, вы увидите ЕГО. Ведь всё равно будете гулять всю ночь.

Они и пошли.

Толян первым заметил, что кто-то смотрит на них из-за кустов и движется параллельно берегу вслед за ними.

— Может, Серый с Колькой, — подумал он, — а потом будут насмехаться.

Натка ничего не замечала, она шла очарованная белой ночью, тишиной, покоем, спокойной водой, золотистым упругим песком берега.

И вдруг — опять ОН! Совсем рядом, в каких-то десяти метрах. Огромный человек с блестящими красноватыми глазами. На этот раз они не могли ошибиться. Это ОН! Но кто ОН? Зверь? Человек?

На следующий день после необычной встречи Натка заболела. Врач предположил — нервный срыв.

Что делать?

Толян с Серым решили всё рассказать своим друзьям: Кольке, Лёке, Серёже Комарову, по прозвищу Комар, чтобы совместно выработать план действий. Вечером собрались у Толяна. Мать у него в ночной смене, отчим работает далеко и дома бывает редко. Так что, говорить можно обо всём и во весь голос – никто не услышит.

С Кольки, Леки, Комара взяли клятву: об услышанном – ни слова.

– Рассказывай, – потребовал Серый у Толяна.

– Ты тоже знаешь – расскажи, а я потом что-нибудь добавлю, – сказал тот.

– Вы слышали, что Натка в больнице? – спросил Серый у ребят.

– Знаем, а что с ней?

– Вчера и позавчера вечером Толян с ней ходили гулять к Туману и там видели такое – в общем, не то громадного человека, не то зверя. Позавчера Натка увидела ЕГО и упала в обморок. Толян вынес её на руках, а после вчерашнего – опять ОН! Её положили в больницу. А вообще-то это у неё от испуга.

Колька, Лека и Комар сидели с открытыми ртами, и все вместе уставились на Толяна.

– Расскажи ты! – потребовали они.

– Позавчера мы ЕГО увидели впервые. Вдруг перед нами появился такой как бы громадный че-

ловек, глаза у него блестят. Мы метрах в пятидесяти от НЕГО были. Испугались и убежали. Не могли понять: то ли это нам померещилось, то ли было на самом деле. Вчера Серый уговорил нас сходить туда ещё раз, это в районе реки Левы. Мы опять пошли. Никого нет, тихо. Думаем, надо же, чёрт-те что покажется! Успокоились и даже забыли про это. И вдруг я почувствовал, что кто-то как бы следит за нами. Мы идём по берегу, а тот кустами. Я подумал даже, что это вы. И вдруг – ОН! Я ЕГО увидел теперь совсем рядом, метрах в десяти. Громадный, тёмный, глаза красные, блестят. За нами ОН не погнался. Больше ничего.

– Большой? – спросил Лека. – Может, медведь? Медведи тоже большие бывают.

– Нет, не медведь. Медведя я встречал в прошлом году, когда с отчимом на его участок ездил. Тот медведь жил там постоянно. Каждый своим делом занимался. Медведь отчима знал, а тот его.

– Что будем делать? – спросил Серый.

– Кому это надо? – думали ребята. – Кого спросить? С кем посоветоваться?

Толян, как самый старший из всех, решил дело взять в свои руки и предложил ребятам:

– Давайте сделаем так...

Но его прервал, молчавший до сих пор, Комар.

– А ведь Петька Семёнов тоже видел! Он Ваньке, брату моему старшему, рассказывал.

Я думал, что он врёт. Лесом пугает. Значит, это правда!

– Почему же ты молчал? – набросились на него ребята.

– Думал сказки, враньё. А вот сейчас и вспомнил, что Петька про это говорил.

– Значит, так, – повторил Толян. – Ты, Комар, идёшь к Петьке и всё точно узнаешь: где видел, когда, какой ОН. Всё-всё до мелочи расспросишь. Потом нам расскажешь. Ты, Лёка, книжный человек, вот и поройся в книгах, в журналах. Что узнаешь – тащи сюда. Ты, Серый, к дедам и бабкам. Разговаривать умеешь. Расспроси о старине. О сказках, о том, как раньше жили, охотились, рыбачили. Может и вспомнят что-то похожее. Ты, Коля, иди к учителю биологии, больше не к кому обратиться. Расскажи ему коротко, спроси, что он знает, может и посоветует дельное. Подробности не говори, кто видел, где видел – тоже. Завтра вечером собираемся у меня, и кто что узнал – тот то и расскажет, а после двенадцати ночи пойдем туда, где ЕГО видели. Кто трусит, может не ходить.

Договорились взять с собой ружья и собак.

Три ночи мальчишки шумной ватагой утюжили берег Тумана – никого не было.

Первые новости

Днём каждый из ребят занимался своим делом. Лёка рылся в библиотеке. Серый расспрашивал стариков. Комар умолял Петьку рассказать ему подробности той давней встречи, но Петька, обиравшись за недоверие, стал говорить, что он всё это выдумал и никого не видел.

Лучше дела шли у Коли. Учитель биологии вроде бы сразу всё понял и помог тем, что достал институтские книги о происхождении человека. По учебникам, увиденное Толяном существо больше всего походило на шимпанзе или гориллу. Но откуда шимпанзе или горилла заведутся в наших лесах?

И только спустя десять дней ребята узнали, что учитель биологии, Степан Петрович, сообщил своим сокурсникам об увиденном ребятами загадочном звере-человеке и попросил приехать, не посоветовавшись, не спросив у ребят, согласны ли на это они.

А за эти десять дней ребята узнали много нового. Первое сообщение принёс Комар. Он всё-таки уломал Петьку рассказать подробности встречи, за что его ребята приняли в свою компанию.

— Я видел глаза. Только глаза, может похож, может нет. Не знаю. Откуда у нас снежный человек? — сказал Петька.

Серый же ежедневно ходил от дедов к бабкам, всё время что-то расспрашивал, слушал всякие были и небылицы, но пока ничего, что касалось бы ЕГО, того страшного, не слышал. А потом заявил Толян, что, наверное, надо рассказать о НЁМ хотя бы деду Егору. А то он говорит о каком-то лесном духе, называет его каким-то мансийским словом, но добавляет, что всё это давно было и что им, молодым, это знать не нужно. Мальчишки посоветовались и решили, что пусть Серый расскажет деду всю правду, всё как есть.

Весь следующий день Серый провёл у деда Егора. Мальчишки видели, что он помогал ему развешивать сети для просушки после рыбалки, тащить мотор от лодки. В общем, целый день провёл Серый с дедом. И только вечером он явился к Толян. Вся компания друзей была в сборе, все ждали. Серый, устав с непривычки, – дома-то он был не ахти какой работник – сел на кровать Толяна и сказал:

– Ну, мужики, вот такие пироги! Дед Егор о НЁМ знает, много слышал, а дважды он ЕГО видел ещё в молодости, тот его из леса выгонял. Как я только рассказал, кого ты, Толян, видел, он забежал по двору, заругался по-мансийски;

– Ёлнаер, Кульнаер!⁴⁴ Опять появился! Я думал, ОН совсем ушёл из леса. ЕГО давно никто не видел, не слышал.

– Потом дед Егор расспросил подробно, как и кого ребята видели, и заявил, что это ОН – ХУМ-ПОЛЭН. А по-русски, говорит, ЕГО Комполь называют. Запомните, говорит – Хумполэн! Лесной мужик, дух. И главное, рассказал мне дед, что едва ли мы сможем его поймать. Веками ОН живёт в тайге, в лесу. ОН как бы лес охраняет. Раньше ЕГО так и считали хозяином леса. И человека, который причиняет тайге или зверям вред, если кто-то шумит, кричит в лесу в неположенное время, например, весной, когда птица на гнезде, у зверей детёныши маленькие, или разводит огонь в опасном месте, то Хумполэн его из леса выгоняет. Как выгоняет? Дикими криками, наводящими на человека ужас, обычно по ночам, или придёт к лесной избушке и так её тряхнёт, что та чуть-чуть не развалится. А если человек лёг спать на ЕГО тропе – ночью поднимет, огонь разбросает, собак разгонит. Показывался ОН редко, больше так действовал. Поднимал шум, крик, ломал деревья – человек пугался и уходил.

⁴⁴ Ёлнаер – хозяин, владыка леса. Кульнаер – хозяин, владыка воды. В мансийском языке эти слова используются как ругательства.

В редких случаях, когда человек ничего не понимал и не уходил, Хумполэн поступал по-другому: для начала, он делал что-нибудь с собакой охотника. Например, собака заболела и подыхала, могла утонуть или ногу сломать, или дерево могло на неё упасть. А что делать охотнику без собаки в тайге? Но в случае, если человек никак не понимал этого и продолжал творить свои «чёрные дела», Хумполэн угонял у него лодку, забирал и ломал лыжи, бывало, что неизвестно из-за чего сгорала лесная избушка или исчезали продукты. Так Хумполэн наводил порядок в своих владениях.

– Сказка, – заявил книжник Лёка.

– Почему тогда ОН нам показался? – спросил Толян.

– Дед тоже не может этого понять. Говорит, может, ОН хотел пить, вышел к воде и тут вы его увидели. ОН ведь очень редко людям показывается, знает, что своим видом ОН такой страх нагоняет, что люди теряют разум, гибнут.

– Так почему ОН нам два раза показался? – опять спросил Толян.

– Вы, видно, мешали ему чем-то. Вот ОН и решил, что пора с вами покончить! – сострил Коля.

– А сам дед ЕГО видел?

— Нет. ОН деда только дважды из леса выгонял. Дед говорит про себя, что он в молодости дурной был, ну как мы, ничему не верил. Пошёл раз на охоту, а ночью на дороге спать лёг, костёр развёл, вот тут-то его Хумполэн и прогнал. Налетел вихрем, костёр разметал, собак разогнал, такой шум устроил, что дед едва ноги унёс, с тех пор он уже никогда на тропу не ложился.

— А другой раз?

— Спросил я деда. А он только рукой махнул, ругнулся по-мансийски. После того, говорит, три года в лес боялся ходить. Потом прошло. Обещал в другой раз рассказать. И ещё говорит, что бабка Дарья с ним тоже встречалась.

— Айда завтра все к деду! — предложил Серый. — Ему надо дрова в сарай перетаскать, может, он что и посоветует или расскажет о второй встрече. Обещал.

И мальчишки разошлись по домам.

Раздумья деда Егора

Слух о появившемся в лесу Хумполэне не давал деду Егору спать. Он ворочался, кряхтел, вспоминал всё, что слышал от древних стариков, всё, что сам за всю долгую жизнь знал о НЁМ. И злился, и возмущался! Злился на Хумполэна: где ОН, хозяин леса, был, когда кедрач вырубали?! Появился на пустом месте!

Ходил тогда дед Егор и в совет, и к лесному начальству, доказывал, что нельзя рубить кедрач, что он весь лес кормит. Даже внука Ваньку заставил писать в какую-то газету, сам на почту письмо снёс. Но всё без толку. Ответа не получил, а кедрач вырубili. Тогда он за каждое дерево жизнь согласен был отдать. Сердце кровью обливалось, когда видел машину, везущую стволы кедрача с колыхающимися ветками. Кедрь как бы махали ветками, кроной, прощаясь навсегда с этим краем. А без кедрача, основного кормильца тайги, жизни в лесу нет. Ушли соболь и китус, медведь и рысь, даже полосатые бурундуки и белки почти исчезли.

Вот что такое кедр!

И вот тогда, когда все хождения деда по защите кедрача кончились неудачей, он и вспомнил Хумполэна, лесного духа. И если бы тогда кто-нибудь сказал, что видел ЕГО, дед, преодолев вековой суеверный страх, пошёл бы к НЕМУ и стал просить встать на защиту кедрача и всей тайги. Но тогда и ОН исчез! Появился только сейчас.

Зачем? Увидеть стволы поваленных, но не вывезенных кедров, пихты, сосны! Где раньше-то был?! А сейчас обрубки стволов, целые деревья, даже штабеля догнивают в лесу. Вырубить вырубили, но не вывезли, не взяли. А часть кедра ещё и утопили. Кедр дерево тяжёлое, как намокнет, так

тонет. Наделали плотов, а кедрача переложили. Вот он и потянул в воду.

— Появился! — злится дед, ворочаясь с боку на бок. — Поздновато. Да и зачем? Детей пугать? Что ОН свои основные обязанности забыл?

Воспоминания деда Егора

С восходом солнца дед поднялся. Обошёл двор, огород, открыл пригон — скоро должна появиться корова с телёнком, выпущенная пастись на ночь по этому паутинному летнему времени. Чуть поднимется солнце, обогреет и несметные, несчитанные полчища паутов пригоняют с пастбищ коров, телят, лошадей. Вслед за коровой за забором мелькнула и голова Серого. Дед закрыл корову с телёнком в сарае и, улыбаясь поздоровался с Сергеем, уважительно называя его полным именем, за руку по-мужски.

— Тебе-то что не спится? Аль из дому выгоняют? — спросил дед, усаживаясь на чурбаки в холодке. Покурили. Дед трубку, Серый «Беломор». Поговорили о погоде, о заготовке сена, о надоевших и всех измучивших паутах, и только после этого Серый предложил перенести дрова в сарай.

— Мы с ребятами быстро, по холодку! А то потом от паутов отбоя не будет!

К началу дневной жары дрова были перенесены, мальчишки с удовольствием пили холодный

квас из погреба, шутили, смеялись, но основное для всех дело было впереди.

Усевшись на чурбаки в сарае, возле аккуратно сложенных полениц дров, они попросили деда рассказать про лесного духа. Слово Хумполэн или Комполь им ничего не говорило, а вот лесной человек или дух – это более понятно. Дед прикурил трубку, глянул на Серого:

– Ты, – кивнув на ребят, – рассказал? Все дружно закивали головами.

– Расскажите нам, может Серый что и напутал. Расскажите, как ОН вас второй раз из леса выгнал, так что вы потом и в лес боялись ходить. Почему, ОН так называется – Хумполэн? Что это значит?

Раскрыв глаза и уши, а кое-кто и рты, мальчишки слушали деда о Хумполэне – «потустороннем мужике» или «мужике с того света» – защитнике леса, зверей и всех лесных богатств.

Память деда собирала и хранила вековые слухи о нём, сказки, легенды, дошедшие до наших дней, в которых упоминалось об этом удивительном чуде природы, неизвестном науке, полуживере-получеловеке. Мифический, суеверный страх и преклонение наводил Хумполэн на народ, живущий на протяжении веков в лесу рядом с ним.

Встреча с «быком»

– У нас ЕГО Хумполэном-Комполем называли, – рассказывал дед, а в деревне Кыйпывыл ЕГО ещё «быком» звали. Там ОН Светлое озеро охранял и лес вокруг него – тоже. Дорога от деревни всё борами шла и только в одном месте подходила к озеру. Вода в нём была хрустальной чистоты, родниковая, холодная. Каждую травку, камушек на дне видно, каждую плавающую и стоящую рыбину. На озере – сказка. Больше я таких озёр за свою жизнь не встречал. Днём по дороге мимо него свободно все ходили, а вот ночью или поздно вечером говорили – нельзя. Сам я этого не видел, только днём там бывал, а все местные поговаривали, да и брат мой Анисим – царство ему небесное – рассказывал. Он однажды не поверил, пошёл ночью, хотел проверить – правду ли говорят. Как он мне рассказывал, так и я вам расскажу, – продолжал дед, вновь прикуривая трубку от услужливо зажжённой Серым спички.

– Нет, врать Анисим не стал бы. Так вот, пошли они с Кирьяном к вечеру из Кыйпывыл в Выимаас. Уже в сумерках к озеру подошли. Воды из озера попили, грех был такой воды не попить, и стали ждать. Стемнело. Тихо. Лес шумит потихоньку, мужики потихоньку переговариваются. Никого не видно, не слышно. Брат и говорит Кирьяну:

– Всё вранье ваш бык, никого нет. Это от страха кто-то выдумал.

– Да нет. Всех, кто ночью ходил по этой дороге, ОН от озера отгоняет.

Ещё посидели и уходить уже собрались, но вдруг, со стороны озера услышали рык, рёв. Брат говорил, что было это похоже на предсмертный стон быка.

Даже этот стон ужас наводил. Затем парни слышали тяжёлый, быстро приближающийся топот тяжёлых ног, вместе с нарастающим рыком и стоном. Рык, сотрясающий землю, топот приближающегося в ночи неизвестного существа наводил ужас. И парни, что было сил, пустились бежать по дороге в Выимаас.

– До моста, только до моста, – задыхаясь от быстрого бега сказал, выдохнув Кирьян.

Перебежав мост через болото, соединяющий два бора, они остановились.

– На мост ОН не ходит, всегда до моста гонит! – задыхаясь, сообщил Кирьян.

– Смотри!

Через небольшой, метров в двадцать, деревянный настил моста виднелось громадное существо. Из глаз и ноздрей, в сторону преследуемых, казалось, летели искры, огромные глаза светились красноватым блеском. У моста топот затих, но утробный стон продолжался. Он леденил душу, на-

водил ужас, обоих парней подташнивало. Убегая в сторону Выимааса по дороге, они слышали, как топот и утробное мычание стали удаляться и вскоре совсем затихли.

– Всегда так, – сказал Кирьян.

Не дойдя до Выимааса, Анисима действительно стошнило. Успокаивая его, Кирьян говорил:

– Меня тоже по первости рвало. Сейчас только тошнит и ком в горле стоит. Это пройдет. У многих так было.

За это утробное мычание, отдалённо напоминающее мычание раненого быка, за топот, сотрясающий землю, люди и называли неизвестное существо «Быком».

Молодой был

– Расскажите, как ОН Вас из леса выгнал? Видели ли Вы ЕГО? – стали ребята расспрашивать деда.

Дед Егор сначала отмахивался, не хотел рассказывать, но настойчивые просьбы ребят уломали его. И, как бы отвечая на свои мысли, он начал так.

– Э, давно это было. Я молодой и глупый был. Молодые, наверное, все такие. Раньше-то как жили? Мы, местные жители – вогулы (это сейчас нас называют манси), раньше все охотой занимались. А раз охота, значит все в лесу, в урмане. У каждого рода своя вотчина. И у нас была. В ней дед,

прадед, отец охотились и мне по наследству досталась. А раз твоя вотчина – значит ты там полный хозяин. Я так и думал. У нас в вотчине избушка уже старая, её ремонтировать надо было. Вот отец мой в мае послал меня в вотчину, избушку подладить, посмотреть, что в урмане делается. Пошёл я и собаку взял. Был у нас молодой кобель. Балабан звали. Он тоже непуганый, дурной. Пришли в вотчину, я его с поводка отпустил, хотя отец предупреждал, чтобы тихо себя вели. Я по тропе иду, насвистываю. Балабан по урману носится, всех без разбора облаивает, пугает. К избушке пришли к вечеру. Костер возле неё развели, сходили на ближнее озеро, уток постреляли. И только я поужинал да своего Балабана покормил, как услышал, что вроде дерево в лесу упало, аж земля дрогнула. У Балабана шерсть на загривке поднялась, зарычал, а сам к ногам моим жмётся. Я за ружьё. Тихо. И собака успокоилась. Я костер потушил и в избушку ночевать пошёл. Балабан под нары устроился. И вдруг я слышу, что кто-то тяжёлыми шагами к моей избушке идёт. Думаю, почудилось мне, так нет – у собаки шерсть на загривке щетиной, рычит, а видно, тоже боится. И показалось мне, что дерево упало на мою избушку: треск, грохот, избушка шатается, того и гляди развалится. Невообразимый шум вокруг поднялся, будто буря внезапно налетела, и деревья

падают, как во время сильного ветра. И шаги слышу вокруг избушки. Страшно... Сижу, за ружьё держусь, собака к ногам жмётся. Так вот всю ночь, до рассвета. Только с рассветом шум утихать стал, а потом и шаги удалились. Тихо стало. Досидел я в избушке до восхода солнца, вышел, смотрю – деревья все целые; ни одного поваленного, никаких следов бури нет, только головешки от костра раскиданы. Я своего Балабана на поводок и домой. Старики после объяснили: нельзя в это время в урмане шуметь, зверей и птиц пугать. Все потомство выводят. А мы с Балабаном нарушили это правило и за это нас хозяин леса наказал. А видеть я этого хозяина не видел, ОН редко показывается, больше вот так пугает. Сам уйдёшь из урмана. После этого я долго боялся один в лес ходить. Вот такая история со мной приключилась, – закончил дед рассказ.

– А что сделать, чтобы ОН к нам вышел? – спросил Серый, выражая мнение ребят.

– Избушку сделайте, да костёр ночью в лесу разведите, пошумите. И если ОН здесь, то обязательно придет.

Время шло к обеду, и ребята, поблагодарив деда Егора за воспоминания и совет, разошлись по домам, договорившись встретиться вечером у Толяна.

Первая встреча

Поздно вечером на лесной поляне жарко пылал костёр. Ребята сидели кто на чурбаке, кто на валежине, а кто на рюкзаке вокруг него. У каждого было под рукой ружьё. Вокруг костра стояла серая мгла. Шло время белых ночей.

Домашним все заявили, что поехали на ночную рыбалку. И только Лёке нужно было обязательно, хоть в час ночи, быть дома. Его родители не одобряли ночных прогулок, а если бы ещё узнали, что замышляют ребята, то его вообще из дома непустили. Отпросившись погулять, он тайком стащил из сарая отцовское ружьё и вот теперь вместе с друзьями сидит у костра, и ждёт. Верить или не верить!

Его ребята зовут книжником. Читал он и о снежном человеке. Но раз ОН снежный, то откуда ОН здесь? Где ОН бывает летом? Не верить Толян с Наткой нельзя, а поверить, что они видели какого-то лесного человека, духа, очень трудно.

— Значит, так, — подвёл итог Толян, — если сегодня ОН к нам выйдет или хотя бы покажется, никто не должен бояться! Ведь уже все знаем, что вреда ОН не делает. Нам надо выяснить, — Толян начал загибать пальцы, — первое — где ОН живёт, второе — чем ОН питается, третье — каков ОН на вид. Интересно, где ОН зиму проводит? Но этого пока мы не узнаем, а лучше всего, конечно, нам

ЕГО заманить в ловушку. Капроновые сети и верёвку ты, Коля, принёс? Хорошо! Давайте составим план.

И мальчишки горячо, до крика начали обсуждать план поимки, каждый предлагал своё.

Было уже двенадцать часов ночи. Лёка поглядывал на часы. До посёлка четыре километра, и если бегом, минут за пятнадцать-двадцать можно добежать. И хотя говорят, что ОН ничего вредного не делает человеку, всё-таки страшновато в эту пору идти лесной дорогой.

– Лады, мужики! – Лёка, поднялся. – Ловите, планируйте, а мне домой.

Все примолкли, слушая ночную тишину. Всем вместе сидеть возле жаркого костра – не страшно. А идти одному? И никто не позавидовал Лёке. Через Леву – маленькую речушку, впадающую в Туман, Лёка переехал на лодке-долблёнке. До берега его проводили ребята. Подтянув лодку на берег, Лёка махнул на прощание рукой, взвёл оба курка ружья, положив на них пальцы, и с ковбойской песней зашагал по тропе.

Мальчишки вернулись к костру. И, ещё не успев рассесться, услышали душераздирающий крик и одновременно два выстрела. Все бросились к берегу. Через речку, забыв про лодку, плыл Лека. Ему помогли выйти из воды. Дрожащего, испуганного, мокрого привели к костру, усадили. На

все вопросы «Что случилось?» – он не отвечал. И только минут через пять, заикаясь, с трудом, с расстановкой проговорил:

– О-О-ОН та-а-ам! Забрал мое ружьё.

И в это время в ночной тишине мальчишки ясно услышали удар о дерево.

ОН! Все схватились за ружья. И вспомнилось: не бояться! Хорошо это днём при солнце, среди людей в посёлке или в городе! А среди ночи в глухом лесу, где ходит неизвестный ОН! «Собак бы», – сказал кто-то. И все пожалели, что сговорились не брать с собой четвероногих друзей. Следующий удар о дерево был резче, и мальчишки явно услышали тяжёлый топот ног. Удары о деревья стали чередоваться со звуками обламываемых сучьев. Все сидели с напряжением, вслушиваясь в то, что делается в ночной тишине.

А ОН, неизвестный зверь или человек, ходил вокруг них, и мальчишки ясно видели, как шатаются ветки на деревьях, слышали топот ног, иногда сотрясающий землю удар. Затем топот прекратился, но что ОН тут, куда не ушёл, мальчишки знали: видели раскачивающиеся деревья, кусты слышали звуки ломающихся веток, кажется, даже ощущали ЕГО взгляды. Но на самом деле никого не видели. Звуки, сопровождающие его передвижение, перемещались очень быстро, так что мальчишки успевали только крутить головами. И когда

Серому показалось, что ОН подошёл совсем близко к ним, так, что даже костёр, как бы шарахнулся, он не выдержал и первый выстрелил. А звуки, говорящие о ЕГО местонахождении были уже дальше по кругу. Мальчишки начали палить из ружей, бросать дымовые шашки.

И только к восходу солнца была снята круговая осада. Мальчишки чувствовали, слышали, как шире стали круги вокруг них, а затем всё стихло. Напряжение спало. Вспомнили и про Лёку.

— Наверное, ты ЕГО ранил, вот ОН и рассвирепел.

— Расскажи!

— Ружьё, — вздохнул он, — что я отцу скажу?

— Рассказывай! — потребовали мальчишки. — А про ружьё что-нибудь выдумаем.

— Ты в НЕГО стрелял?

— Не знаю. Вы видели, что я пошёл по тропе. Боялся — не боялся, а идти надо. Вот я и заорал ковбойские песни, оба пальца на взведённых курках, ружьё наготове. Метров тридцать-сорок отошёл и вдруг передо мной на тропе ОН вырос. Внезапно! Я с испуга и заорал, и выстрелил. Может в НЕГО, может, нет. А ОН ружьё из рук выхватил, и, я видел, как ОН через колоду перескочил и скрылся в лесу. Я по тропе назад к вам. Опомнился только в воде, плыву на костёр, а тут вы. Какой Он? Не знаю. Громадный. Глаза большущие,

красноватые такие. Договорились не бояться, а ОН появился внезапно, вот я и испугался. Никому не говорите, что я орал. Не знаю, как получилось. А ружьё... Что я отцу скажу? Зачем ему ружье? – Бросит, – сделал заключение Толян. – Днём поищем.

После обеда мальчишки вновь появились на поляне. Стали искать ружьё и вскоре, недалеко от дороги, нашли, только уже не ружье, а то, что от него осталось.

Перед ними лежал исковерканный и погнутый ствол, ложе ружья, расщеплённое на несколько кусков, валялось тут же. На стволе сосны были видны следы ударов на высоте больше метра над землей.

– Вот это да! Даёт Лесбег! – в восклицаниях ребят слышались восхищение и ужас.

Утром по дороге домой, мальчишки решили называть ЕГО Лесбегом. Слова Хумполэн они не понимали. А Лесбег это ясно: бегущий по лесу. Сами видели, а вернее слышали, как быстро ОН бежит. Значит, Лес-бег. Решили так, если ЕГО ранил Лёка, из-за чего Лесбег и рассвирепел, значит, будут следы крови.

Обшарили всю землю, кусты, пни, траву, но крови нигде не нашли. Только поломанные ветки деревьев на высоте до трех метров говорили о росте Лесбега.

Рассказы бабки Дарьи о прошлом

Бабка Дарья, как считала Натка, была им дальней родней, хотя в гости к ним никогда не приходила, да и сами они к ней не навещались. Наткина мать и сын бабки Дарьи, Григорий, считались братом и сестрой. В родственных отношениях Натка особенно не разбиралась, а поэтому решила спросить про бабку Дарью свою бабушку.

— Вражна, — со злостью плюнула её всегда спокойная бабушка. Больше ничего говорить она не стала и запретила Натке не только идти к ней, а даже и расспрашивать про неё. Бабушка невольно своим отношением и поведением разожгла ещё больший интерес к Дарье. Словом «Вражна» в их посёлке называли людей, которые занимались колдовством и имели дела с «нечистой силой». Потихоньку от бабушки она решила расспросить свою мать о бабке Дарье.

— Зачем тебе? — удивилась мать.

— Дядя Гриша тебе брат, а вы не роднитесь. Почему?

— Это, Натка, длинная история. Тебе её знать в подробности не обязательно. Гриша младше меня. У нас с ним один отец, твой дед. Он на фронте погиб. А бабка Дарья добрая. Мать моя, твоя бабушка, её не любит. На это у неё есть причины. А не роднимся, так ведь каждый из нас со своей матерью живёт! Дети Гриши — Петя да Настя — тебе

брат и сестра двоюродные. Петя в честь деда, погибшего на фронте назван. Бабка Дарья их вырастила, как и вас ваша бабушка. А раз тебе её надо, ты с Настей к ней зайди. Она гостеприимна. Узнает, чья ты, ещё обрадуется. Она на фронт отца нашего провожала. Тогда он уже с Дарьей жил. Это у него была вторая семья. Очень она его любила. Всю жизнь ждала. Да, наверное, и сейчас ждёт.

Так Натка узнала, что за родня ей бабка Дарья. Оставалось одно – через Настю познакомиться. Настя, старшая дочь Григория, училась в параллельном классе. И, хотя Натка знала её по школе, дружбы у них никогда не было. Да и с первого класса Толян и его друзья заменили Натке подружек.

В школе Натка подошла к Насте и спросила:

– А ты знаешь, что мы родня?

Настя удивленно посмотрела на неё:

– Знаю. Но ведь вы не роднитесь.

– Откуда ты знаешь? Кто тебе сказал?

– Бабка Дарья.

– А я не знаю, попроси бабушку Дарью, пусть она и мне расскажет.

– Вечером спрошу, – пообещала Настя.

Так Натка познакомилась с бабушкой Дарьей, стала вхожа в их семью. Та оказалась на редкость разговорчивой, весёлой, доброй. Узнав, кто такая Натка, поискала черты любимого мужа – внучень-

ка ведь! Много и охотно рассказывала о нём. Потом Натка спросила, был ли охотником дед? Как охотился? Что добывал? В ответ, Дарья засмеялась и спросила Натку:

– Твоя-то бабка меня, наверное, до сих пор «вражной» зовёт? Вот, ведь сколько лет прошло, дети выросли и состарились, внуки взрослые, а она всё простить не может.

– А что значит «вражна»? – в голос спросили Натка и Настя.

– Расскажите!

– И что это вас заинтересовало? Ладно уж, я вам, девоньки, расскажу. Только приходи ты, Натка, завтра. А то мне ужин готовить надо, да скотине варить.

С того дня Натка стала бывать в доме у бабки Дарьи, слушать о прошлом житье-бытье, о жизни деревни в годы войны. Начала расспрашивать и о Лесбеге. Дарья называла ЕГО по-русски, словом «худой», а по-мансийски тем же словом, что и дед Егор, Хумполэн-Комполь. А ещё добавила, что в некоторых деревнях ЕГО дедушкой лесным звали. Вот, оказывается, у НЕГО сколько имен! А «вражной» её прозвали за то, что ей в жизни с этим существом пришлось не один раз встретиться. По поверью, в нашем крае встреча с НИМ, с Хумполэном-Комполем, обязательно должна закончиться тяжёлой болезнью или смертью.

С детства бабке были уготовлены встречи с НИМ: в молодости, зрелом возрасте и даже два года назад. И только в детстве да молодости, после этого болела. О встречах она всем рассказывала. Вот и прозвали её «вражной», «колдуньей» – вроде бы слово, какое знала.

– Какой ОН?

– Ой, девоньки, это надо мне ту, старую жизнь вспоминать, да по всей ней шагать.

Родилась я в глухой деревеньке на берегу реки Конды. Деревню ту сначала Половиной звали, а потом по-русски Половинкой. И находилась она как раз посередине, между деревнями Тап и Учинья.

Сейчас-то этих деревень уже нет, там старые мансийские селения были, потом колхоз, а колхозов не стало – все разъехались. Нашей Половинки ещё раньше не стало. По первости-то, когда наш колхоз соединили с Учинским, председателя нашего звали «хитрым». Запас сена на два-три года вперёд мы делали. Так вот, когда колхозы соединили, весь учинский скот кормить к нам пригнали. Сено за зиму да весну всё скормили, а новое в лето не заготовили. Тут зима подошла, сена нет. И давай винить Тихона Григорьевича. Почему нет? Колхозники все в Учинье, сенокосилку и конные грабли по акту передали и увезли. Кто будет заготавливать и чем?

Разобрались. А то малость ведь Тихона не посадили. Вроде враг народа. Вот ведь как бывает. Колхоз у нас был маленький, да дружный, и сейчас, где встретимся, как родные. Планы все выполнены и перевыполнены. Так, план по рыбе сто двадцать тонн, а мы двести сдадим, план по сеноу триста тонн – заготовим, да ещё не на всё сено сводки подадим. Нельзя было. Соседние колхозы проленятся. Им макушку солнце сильно печёт в страду, да паут грызёт. Вот и заставляют наш колхоз им сено продавать. Вроде излишки у нас...

Видите, вы меня про Хумполэна-Комполя спрашиваете, а я всё про свою жизнь говорю, да про колхоз.

Когда я ЕГО первый раз увидела, мне лет семь было.

Однажды на Троицу взрослые поехали в соседнюю деревню Тап погулять. Так раньше было принято. В каждой деревне свой праздник. Жители деревни заранее готовятся встречать гостей, ждут. Собрались мы, дети, оставшиеся одни в деревне, в один дом, нас где-то около двух десятков было, всех возрастов, и устроили там такой шум, что, наверное, по всей округе слышно было. Васька, мой старший брат, как заведёт во весь голос, да с визгом, и давай бегать по всему дому. Русская печь посередке, а мы через кухню, спальню, горницу и прихожую за ним, и каждый кричит вслед

за ним, сколько мочи есть. Кто визжит, кто пищит, кто лает.

Потом приморились орать, посидели, отдохнули и вздумали в жмурки играть. И эта игра тоже не тихая. Уж не знаю, сколько времени мы играли. Моя очередь жмуриться пришла. Завязали мне глаза, крутанули раза два и разбежались с визгом. Слышу: кто хрюкает, кто повизгивает, кто в ладоши хлопает. Я давай метаться то за одним, то за другим, да никого не поймаю. Обидно мне стало. Я же младшая в семье была, изнеженная. Мне все угождали. А тут... Я со злости и сорвала повязку с глаз, и... остолбенела.

Стою посреди комнаты, лицом к окну и вижу в верхнем переплёте окна лицо человека. Взглядом встретились, я знаю, что завалинки у нас нет, что не может быть такого высокого человека, да и вообще в деревне никого из взрослых нет. Все затихли. Все на меня смотрят, а я – в окно на того человека! Хотела ребятам показать, руку подняла. И... очнулась на полу. Лежу на том же месте, где стояла, все вокруг меня стоят, и – тишина.

Васька, брат старший, испугался. Ему отец, уезжая, наказывал меня беречь, да не напугать. А что случилось, того брат и не поймёт. Разошлись все по домам. А я слова сказать не могу. Только на другой день Ваське всё рассказала. Ходили, смотрели. Никаких следов не было, что вро-

де кто-то приходил. Родителям решили не говорить, а то Ваське попадёт. После этого я долго болела, да бабка у нас в деревне «знающая» была. Молитвами меня отговорила. Вот, так я и встрети-лась первый раз с Хумполэном-Комполем. Это был ОН. Какой ОН? Да я только лицо видела. Обыкновенное лицо человека, только волосами покрыто, глаза большие, блестящие, красноватые. Вот и всё, что я увидела тогда и запомнила.

Как узнали, что это Хумполэн-Комполь был? Да кто-то из охотников ЕГО в лесу видел, и следы на снегу были. Слух-то и пошёл по деревне. Мужики и раньше знали, видели. ОН тут где-то и жил недалеко от деревни.

После, уже при колхозе, тоже люди болтали, что, вроде, Тихон, председатель-то наш, с НИМ дело имел. Пастуха у нас не было – да кто возьмётся в наших урманах пасти – так наш скот всегда сам домой приходил. В других колхозах стада по неделям из тайги не могут выйти, а у нас всегда вовремя. Тогда многие грешили на Тихона. Говорили, что он с Хумполэном дружит, дары носит ЕМУ, ублажает, да уважает, вот ОН ему и делает добро. Болтали...Да ведь на каждый роток не накинешь платок.

Встреча с загадочными явлениями

После, когда мне уже лет двенадцать было, я вновь с Хумполэном-Комполем встретилась, да тогда я ЕГО не видела. Как? А вот как дело было.

Во второй половине сентября отец со старшим братом за брусникой в лес собрались ехать. Я к ним:

– Возьмите меня с собой!

– А школа? – отец спрашивает.

– Возьмите, – говорю ему, – ведь я на отлично учусь, хочешь, наперед тебе по книжкам всё расскажу. Мария Васильевна, учительница наша, тоже меня отпустила. Спасибо ей.

– Так вот, поехали мы за ягодой: отец, брат старший Василий (он тогда уже парнем был), Гешка – брат постарше меня на один год, да я. Отец нас повёз в родовую вотчину, Василию показать, передать, нас познакомить – раз уж такой случай выпал, что все вместе. На другой день добрались до вотчины. Ехали на маленькой лодке, кедровке, с гребями. По дороге заночевали. Речка туда извилистая течёт, узкая, кое-где валежины убирали. Через два озера надо было проехать. Озёра речками соединялись. Так и ехали по речке. Моторов тогда не было, всё на веслах, на гребях. Да по той речке на моторной лодке и не проедешь. Только так надо. Приехали мы. Бор сосновый, вековой, тихо шумит на берегу озера. Озеро-то как

сказка. Берег песчаный, а на песке пена волной выброшена. И конца-краю тому озеру не видно. Бор этот отец называет Пянклохсуй. И говорит это как-то со значением, уважительно, да и голос понижает. Мы с Гешкой переглянулись и заулыбались, чтоб отец не увидел. Думаем, вот собственник. В свою вотчину приехал, да и говорить громко боится. Несколько раз за дорогу он название поминал: Пянклохсуй, да Пянклохсуй. Мансийскому языку нас ни дома, ни в школе не учили. Дети вообще как-то презрительно относились и к языку, и к местным жителям. Многие тогда и национальность свою не признавали. Могли записаться кем угодно по национальности, только не манси. Так что название бора Пянклохсуй нам ничего не говорило, не поняли мы его значение.

Наконец мы приехали. На берегу выгрузились. Стан разбили. Отец с Василием поехали сети ставить на озеро, карасей на уху ловить. Нас с Гешкой на берегу оставили. Дров велели заготовить, шалаш делать.

Уехали старшие. Мы и пошли бор посмотреть. А бор, я вам скажу, красавец. Ни одной сухой палки, чистый-чистый, как подметённый, сосны медноствольные высоченные, крона только на макушке. По всему бору мох, ягель серебристый. А на мху лакированный брусничник с веточками тём-

но-вишневых ягод. Солнце светит, бор чуть-чуть шумит верхушками деревьев.

Прошли чуть дальше, смотрим: а посреди бора как бы дорога песчаная, с одного конца на другой идёт. По сторонам сосны вековые, как по струночке. Дорога шириной метра три будет. Я и говорю:

– Смотри, это как аллея в городе.

Взялись мы за руки и по той аллее с одного конца на другой побежали, смотрим, дорога не кончается. И давай мы по той боровой аллее бегать, кричать, начали аукаться. Про наказ родительский забыли. Отец с братом даже на озере нас услышали, приехали, да поздно было.

Отец говорит:

– Что вы наделали? Я же вам говорил, что это бор Пяноклосуй, неужели вы не поняли? В нём шуметь, кричать нельзя, а то ночью уснуть не дадут.

– Кто? – Мы с Гешкой в голос. – Здесь никого нет, мы весь бор обожали, никого не видели.

– Уезжать надо, – говорит отец, – или дров заготавливать больше, чтобы на всю ночь на большой костёр хватило.

Решили, лучше не уезжать, дров заготовить, всё равно никого же нет. Дрова к шалашу натаскали. Уху сварили. Стемнело. Только есть собрались, как из бора со стороны дороги звуки музыки слышались. Будто кто на гармошке играет.

– Началось! – говорит отец. – Это теперь на всю ночь. Вы тут на шумели, вот сейчас и не дадут спать. Давай, Василий, побольше дров в костёр, а вы в шалаш, укрыться с головой, и чтоб больше ни звука.

Слышим, будто музыка от дороги – аллеи в нашу сторону приближается, потом под неё как будто протяжные песни запели. Уже совсем близко подходят к нам, и давай вокруг ходить с музыкой и песнями. Как совсем близко подходят, аж костёр вроде в сторону шалаша искрами сыплет, тогда отец с братом головешки с огнём кидают в играющих, да поющих. Те чуть дальше отходят. Но, видеть никого не видели. Так было до рассвета. С рассветом всё затихло, смолкло. Днём насобирали мы ягод, а на вторую ночь оставаться уже побоялись, уехали.

По дороге и давай отца расспрашивать, что за бор, почему это так, давно ли?

– Я же вам говорил, что это Пянклохсуй. По-русски это примерно так – главный бор чудес, приключений. Или бор, в котором живёт Хумполэн, это такой богатырь. ЕГО тревожить нельзя, шуметь нельзя. А тихо – живи сколько хочешь. Вы же, мои дети, вы должны знать родной язык. Ну и что из того, что нас некоторые остяками называют? Вы не остяки, вы вогулы, а слово остяк – оскорбительное, значит дикарь, невежественный.

Так татары нас называли в ответ на то, что мы их «нермой» звали, что значит «люди нечистой земли». Так раньше было. Все неграмотные были, так и звали друг друга для отличия. Сейчас все учатся, по-другому надо думать, понимать.

– А туземцами почему нас называют?

– Туземцы, я так понимаю, местные жители, люди земли этой. Вы думаете, что туземец означает дурак? Это пришельцы придумали, чтобы своё превосходство показать, да не смешать себя с нами.

Хоть и живут пришельцы на нашей земле, а считают себя людьми первого сорта, а мы местные вроде ниже их, вроде люди – не люди. Но наши деды, отцы на этой земле жили, сейчас вот мы живём, потом ваши дети жить будут. Так жизнь устроена. Здесь наша родина. Этот бор Пянклохсуй – вотчина наших предков. Сейчас я вам его показал, как и мне когда-то отец его показывал.

– А что же всё-таки это было? – спросила я, имея в виду ту бессонную и беспокойную ночь. Отец понял меня.

– Здесь живёт Хумполэн-Комполь, исполнитель воли предков, как бы страж их. Вот и наказывает ослушников таким образом. Всегда приезжайте сюда. Бор одарит вас всем, что имеет: ягодой, боровой дичью, лесом, озеро – рыбой, болото – клюквой и мхом, если он вам потребуется.

Как драть мох

– Зачем мох? Что с ним делать? – спросил Гешка.

– Дом строить. Что в пазы класть будешь, если мха вовремя не надерёшь?

– У нас в посёлке дома строят без мха. Паклю привозят. Вон её всегда сколько возле строящихся домов. Зачем мох? И как его драть?

– Обычно мох весной дерут, но можно и летом. Зимой ты его не возьмёшь – болото замёрзшее. А как, говоришь, дерут? Очень просто. Ты был на моховом болоте? Так вот. Мох дерут только на моховых болотах. А есть болота торфяные, пошварные – это когда уже болото застарелое, когда лесом начинает зарастать, багульником, травой разной. Ягодные клюквенные болота тоже не трогают, если они близко к жилью. А то мох выдерешь, а ягоду собирать негде будет. Вот, так и смотришь, где лучше болото, где легче вывозить, где мох длиннее.

– Тятюм, а как драть? – спрашивает Гешка.

Когда дома не было посторонних, а только члены семьи, мы называли отца тятюм – по-мансийски, а при посторонних, на людях, называли по-русски – папа.

– В этом году нам хлев утеплить надо. Вот и надерём мха по дороге, на домашнем болоте, а потом вывезем.

– Немного, – ответил он на мой недоуменный взгляд. На домашнем болоте, а ещё называемом почему-то лывой, всей деревней собирали клюкву.

– Я вам покажу, как и что, будете знать. Да и мох не пропадает, а здесь надерём – так бросим.

И вот мы всей семьей на болоте. Отец походил, подергал мох то там, то тут. Показал нам: вот короткий мох, но лучше драть длинный. Взял за ствол и выдернул небольшую сосенку.

– Смотрите, – он начал разворачивать мох в валик и укладывать его на корни сосенки вокруг ствола, – Лучше брать длинный мох, он не разваливается, плотнее в пазы укладывается. На сыром болоте мох не берите. Он мокрый, долго сохнуть будет. Вот такой, полусырой, лучше. Через несколько минут ствол сосенки выше, чем на метр в высоту и сантиметров пятьдесят в диаметре, был обложен мхом.

– На, неси, – поднял за вершинку сосенку отец и подал Василию.

– Куда?

– На бор, близ дороги, на сухое место. Как подсохнет, проветрится, домой увезём. А сейчас каждый по одной сосенке обложите. Я посмотрю, как поняли, научились ли.

Мы очень старались. Мох выдирается и укладывается легко. Аккуратные получились у нас ку-

колки-сосенки из мха, с зелёной веточкой на верхушке.

— А раньше, — добавил отец, — сухой мох в зыбки малым детям клали и по надобности применяли вместо ваты. Он очень мягкий и влагу хорошо впитывает.

Только много лет спустя, когда мы колхозом жили, мне и самой вместе с бригадой приходилось драть мох для строительства конторы, да скотных дворов.

Рассказы тети моей Любови Филипповны

— Ты вот всех расспрашиваешь про Хумполэна-Комполя, тогда послушай, что со мной было. Я вот до старости дожила, но так и не знаю, что тогда случилось, кто тогда там был, но кто-то был... А видеть я никого не видела, поэтому, наверное, и до старости дожила. По поверью, кто ЕГО увидит, тот умереть должен. Поэтому ты не ищи людей, кто ЕГО видел. Кто на самом деле видел, того уже давно нет на этом свете. Это точно.

А со мной вот, что в жизни было.

Жили мы в деревне Учинья. Это наша родовая деревня. Со старых времён там всегда жили Кауртаевы. Правда, рассказывали, что некогда там жили два рода Кауртах и Каурпах. Но когда пришло время, и всех стали переписывать, записали Каур-

таевыми. Так и объединили всех под одной фамилией.

– Что случилось? Послушай и подумай.

Мне тогда уже лет семнадцать было. Дрова я на паре лошадей возила с мыса в деревню. Одна. Почему одна? А с кем ещё? Ты что, с ума сошла? Чтоб на паре лошадей да компанией? Кого возить, себя что ли, взад-вперёд? Из леса дрова везти надо, а не просто ездить.

У нас недалеко от деревни в ельнике были заготовлены дрова специально для изразцовой печи. Небольшие такие чурочки по тридцать-сорок сантиметров длиной. Отец и отправил меня эти дрова возить. В марте это было. Тогда уже и дни прибавились, и солнце хорошо пригревать стало. Особенно в лесу, в затишье.

Один раз я съездила, привезла дрова. Всё хорошо. Поехала в другой раз. Как обычно, пока дрова в дровни укладываешь, лошади кормятся. Я лошадей разнуздала, сена дала. И дрова укладываю. Один воз уже наполнила, увязала его и за второй взялась. День стоял тёплый, солнечный, тихий. Вдруг услышала, в ельнике будто кто-то сухую ветку переломил. Раз, другой. А потом, началось! По всему ельнику будто кто-то сухие ветки, большие и маленькие, ломает. Только треск идёт. Кажется, совсем рядом со мной. А я никого и ничего не вижу. Смотрю на лошадей – они спо-

койно сено жуют. Я торопливо продолжаю дрова накладывать. Вдруг, как мне показалось, прямо над дугой первой лошади, уже не маленький сучок, а толстенный сук-сучище как треснет! Оглянулась — никого нет, а лошади начали ушами водит, головами крутят, забеспокоились. Я быстро к первой лошади, взнуздала её, к оглобле привернула, чересседельник подтянула и ко второму, ещё не уложенному, возу бросилась. Давай его побыстрому затягивать, иначе по дороге весь воз развалится. Вдруг слышу, кажется совсем рядом, будто ёлка или пихта на корню запылала: свист, вой, треск... Когда мы пашню корчевали и на корню поджигали ели и пихты, такие же звуки были... Лошади мои уже совсем не стоят, того и гляди рванут в разные стороны. Управилась я со второй лошадей, отвернула Воронушку от оглобли, упала на воз с дровами и скорее домой в деревню. Обе лошади в мыле. Я тоже вся трясусь. Вроде там, на месте, я ничего не боялась, никого не видела. Отцу рассказала. Он, видимо, чтобы меня успокоить, говорит: «Это ельник так трещит по весне от нагревания».

Да на том дело не кончилось. Неделю я металась в жару и бреду. Кое-как меня выходили. Спасибо бабке моей Аграфене. Она меня молитвами и спасла. Со мной приключилось это в понедельник. Это я точно знаю. И вот почему. В воскресенье

обычно у нас в деревне не работали. В субботу обязательно для всех и малых, и старых баня. Такой уж порядок: в субботу обязательно в баню! В тот раз я в бане с бабкой своей Аграфеной мылась. У меня на шее на гайтане два креста висело. Вот, я и говорю ей, что меня никакой леший не возьмёт – не один, два креста на мне. А тут такое приключилось! Поправилась я. Кресты вместе с гайтаном закинула, да с тех пор больше лба не крестила. Веру потеряла.

Как мне старики позже объяснили, тогда я на тропе Хумполэна-Комполя была, вот ОН меня и гнал, «глаз положил». Я и заболела.

А про Маню тебе рассказывали? Это ведь тоже в нашей деревне было...

Эта девчонка две недели у него жила. Мане семь лет было. Заблудилась в лесу. Долго искали. Нашли след детских ног возле Урая. След в воду ушёл. На берегу грязь, хорошо видно. А на другой стороне Урая следов нет и след только в воду ведёт. Решили, что утонула. Весь Урай кверху дном перевернули, всю воду с грязью смешали, неводили три дня. Не знали, что и думать. Так все и решили, что погибла она. А случилось это в самую паутиную пору. Не только человека, лосей пауты заедают. Это самое страшное время в тайге. Не дай бог оказаться в это время в лесу ли, на озере ли раздетым. Заедят. А Маня в легком платьице

ушла. И вот, через две недели, привозит её отец мой Филипп Иванович на лодке совсем с другой стороны.

Никто ничего понять не может. Где нашёл? Он только рукой махнул. Взял Маню за руку и к родителям. Девочка вроде людей боится, всё больше к Филиппу жмётся. Не исхудала в теле и ни одного укуса паутов на ней нет. Успокоилась девчонка. Стали понемногу её расспрашивать. Говорит, что когда заблудилась, очень плакала, по лесу бегала, ревела, своих звала. К ней и пришёл дедушка. Успокоил и к себе взял. Так всё время и жила с ним. Он её кормил, по лесу водил, спать укладывал. А в последний день привёл на берег реки, посидел с ней, покормил её, кучку песка насыпал и велел никуда не уходить, здесь сидеть, в песочек играть. Сказал, что за ней скоро приедут, а сам ушёл.

Филипп едет на лодке-осиновке, смотрит, сидит девочка на берегу, песочек пересыпает. Ребенок один в тайге? Такого не может быть. Он остановился, не доезжая метров сто до девчонки. Лодку подтянул на берег и не знает, что дальше делать. Спугнуть боится. Потом зашёл в лес и стал выходить со стороны леса. Маня как его увидела, испугалась, бросилась бежать и звать:

— Деда, деда, помоги!

Филипп поймал её – ну куда ребенок от мужика убежит! Кое-как успокоил и повёз домой. Девчонка нисколько не исхудала, платьице не рваное, укусов ни комариных, ни паутиных нет. Так и решили, что она у Хумполэна-Комполя жила. ОН её спас и людям вернул.

Встреча на зимней дороге

Продолжение рассказов бабки Дарьи

– На этот раз во время войны уже было, – продолжала рассказывать баба Дарья о своих встречах с Хумполэном-Комполем.

– Какой войны? Да во время первой, германской, я только родилась. Это в нашу было, в Отечественную, хотя тоже с Германией. Почту я возила. Раньше летом использовали почтовые катера (они и сейчас ходят), а зимой от деревни до деревни на лошадях возили. «Верёвочкой» называлось. Лошадей специально в каждом колхозе держали. Самых лучших, самых быстрых. Одних распрягают, других в эти же оглобли впрягают, и дальше гремит почта бубенцами хоть днём, хоть ночью.

Так вот, еду я ночью на паре лошадей одна. Дорога хорошая, накатанная. Лошади добрые, да ночь тёмная. Луна ещё не взошла. Дорогу эту я хорошо знаю, не однажды проезжала. И вот только въехала в урман, лошадь остановилась. Фыркает, копытом бьёт, а не идёт. Что, думаю, такое

случилось? И вторая лошадь, следом идущая, тоже что-то забеспокоилась. Я из саней вылезла и к голове лошади, за оглоблю держась, иду. Вожжи держу в руке, думаю, может что-то с упряжью. Осмотрела, проверила, всё в порядке.

— Что, — спрашиваю у лошади, — с тобой?

Ноздри лошадиные ото льда очистила, с ресниц иней смахнула. Лошадь пофыркивает, вроде успокоилась, как я подошла. Осмотрелась я кругом и вдруг вижу: впереди на дороге громадный человек стоит и, вроде, ещё расти продолжает, всё увеличивается и увеличивается. И два красных огонька светятся. Тут я и вспомнила, что мне отец про такое сказывал. Говорил, что без кнута в дорогу ездить не следует. Схватила я кнут, вышла перед лошадью и давай дорогу стегать крест-накрест. Всё исчезло. Села я в сани, вожжи тронула, и пошли мои лошади, чуть ли не вскачь.

Вот так я третий раз с Хумполэном-Комполем встречалась.

Встреча на лыжне

Во время войны-то как жили? Сейчас каждый свою работу знает. Только тронь с места, сразу скандал, шум, ругань, недовольство. В суд на начальство подают. А тогда война. Куда надо, туда и пошлют. Во время войны я всё делала: сено заготавлила (бригадиром была), рыбу зимой и летом

ловила, коров доила, за телятами ходила. Даже конюхом была. Сено с лугов возила. А в ту зиму меня на заготовку леса в лесоучасток отправили. Как отправили? Да просто. Придёт колхозу план – пять человек на лесозаготовки, пятерых и должен колхоз послать. Вот все вместе и решаем – кого? Мужиков нет, одни бабы. Выбирают таких, у кого детей нет или есть с кем оставить. Меня везде и толкали – у меня мать, царство ей небесное, жила со мной. Вот, я Гришатку с ней и оставляла. Так я и попала на лесозаготовки. Хорошо ещё, что участок был недалеко. Неделю-то мы работаем, а в субботу пораньше кончим и – домой. От нашей деревни до лесоучастка километров двадцать было. Так мы, наши деревенские, лыжню напрямую проложили и на лыжах домой ходили. Хоть и припозднимся, а по лыжне всё равно придёшь.

А из дому как уходить неохота! Вот мы с Анной, моей напарницей, и припозднились. Идём по лыжне. Знаем, что остальные уже давно ушли, ещё засветло, видим, что впереди нас тоже кто-то идёт. Нас даже зло взяло. Прокладывать лыжню никто не хотел, даже смеялись, мол, ничего не выйдет, а ходить ходят! Тогда мы все друг друга знали, вместе работали, вместе жили. Мы с Анной и решили догнать, узнать кто это? Приналегли на лыжи, бежим. Ночь лунная – хорошо видно. Ближе подбегать стали, понять ничего не можем – вроде чело-

век это и не человек. Метров десять до него осталось, когда точно поняли: не человек это! Похож, но очень высокий. К нам ОН спиной был. Потом как свистнет! Аж куржак с деревьев посыпался!

Мы с Анной с лыжни в сторону, и напрямик через лес (тут недалеко зимняя дорога проходила) убежали. Не оглядывались, ничего больше не видели. Страх как напугались. С тех пор вдвоём не ходили. Уж как идём, так все наши деревенские. Так компанией и ходили до конца сезона. С тех пор Хумполэна-Комполя в нашем крае никто не видел.

Встреча на лесной дороге

Обязанности Коли – раз в десять дней отвозить продукты отцу. Его отец – рыбак. В этом году он взял речку, поставил там запор, и, как говорят местные, «сидит» на речке. За запором нужен глаз да глаз. Отлучиться даже на несколько часов нельзя. Надо ежемесячно прочищать запор от мусора, листьев, валежника, приносимого рекой. Да и сама вода живая, так и норовит подмыть запор то с одного берега, то с другого, а нет – так и дно подмоет. Пустить воду – рыба вся уйдёт. Вот Коля и отвозит отцу продукты, сообщает домашние и деревенские новости, подменяет отца в работе.

На этот раз вместе с Колей на речку поехал и Серый. Порванные сети и верёвки, принадлежа-

щие Колиному отцу, должны были получить какое-то объяснение. Мальчишки не могли придумать, что сказать. А правду говорить нельзя.

И хотя Колин отец и рыбак, и охотник, и сам не из трусливых, но знать ему о Лесбеге пока не надо. Будет думать, может и встревожится. Ведь он один в тайге, где на десятки немеряных вёрст нет ни одной человеческой души. С ним живут две собаки, два его верных друга. В случае какого-либо несчастья собака приходит домой, если пёс приходит без хозяина – это признак несчастья. Так считается в нашем таёжном лесу – краю рыбаков и охотников на протяжении многих веков. Знают это все. Знают и мальчишки, и они тоже имеют преданных охотничьих ласк.

Вместе с Колей и Серым пошли и их собаки – Урман и Найда. За ними увязался и брошенный кем-то из рабочих бездомный пёс Нерон. «Пусть, – решили мальчишки, – с ним даже лучше. Он тоже таёжник ».

Целый день они провели возле запора, помогали укрепить его, расчищали, черпали саком рыбу в садок.

Только к вечеру дядя Ваня отпустил ребят домой. Десять километров на велосипеде, да ещё по хорошей дороге – одно удовольствие.

Но как только они выехали с тропы на лесовозную, когда-то хорошую, дорогу, у велосипеда,

на котором ехал Серый, спустилось заднее колесо. Они провозились больше часа. Уже стало темно. Собаки всё время находились рядом. И только когда ребята подъезжали к посёлку, Нерон, а за ним Урман с Найдой свернули в лес.

Мальчишки по лаю слышали и поняли, что собаки кого-то нашли в лесу, и, главное, теперь гонят прямо на них, на дорогу, по которой они едут. «Зайца», – решили они. Мирно беседуя, ребята поехали дальше. Дорога выходила на поле, а за полем уже был их посёлок.

И вдруг впереди них посреди дороги, на фоне серого неба, метрах в тридцати, как-то мгновенно возникла чья-то фигура. Громадный тёмный человек в прыжке, стрельнув по ним взглядом мгновенно скрылся на другой стороне дороги. Ребята хорошо видели, как ОН повернул слегка голову, видели и ЕГО красноватые глаза.

Как Коля и Серый оказались на земле, они не помнят. Только увидели свои велосипеды, которые дружно ехали сами к тому месту, где только что находился Лесбег. Это был ОН!

Серый схватил с плеча ружье. Патроны! А патроны в рюкзаке. Пока развязывали дрожащими руками рюкзак, на дорогу выскочили собаки, тоже искоса глянули на ребят и умчались с лаем вдогонку.

Серый выстрелил. Постояли. И молча пошли к велосипедам.

— След должен быть на этой песчаной дороге! — как-то сразу осенило ребят, и они бросились к тому месту, где только что видели Лесбега.

След был. Вот он, след, перед ними. Мальчишки замерли, присели, осторожно потрогали его руками, надеясь найти его даже тёплым. Громадная босая правая нога. Осторожно по воздуху измерили четвертями, начали рассматривать.

— Смотри, Серый, пальцы! Какие огромные! А почему два мизинца? Точно — два! Да нет, ты считай, у него шесть пальцев на ноге! А из них два мизинца. Гляди, вот один, два, а вот эти одинаковые, два маленькие, это мизинцы! Чем бы измерить след? Спички! Есть спички?

Девять спичечных коробков уложилось в ногу Лесбега. Рассмотрев диковинный след, мальчишки начали искать след второй ноги. Но его не было! Ширина дороги десять метров, а следа второй ноги нет! Такого не может быть! Сейчас темно, ночь. Значит, надо осмотреть утром.

Чтобы никто не затоптал след, мальчишки притащили из леса сухих палок, брёвен, наломали веток и огородили его. Причем отметили не только видимый след, но и то место, где должен быть след второй ноги. И хотя этой лесовозной дорогой сейчас почти не пользуются, мальчишки — на вся-

кий случай – перегородили её с двух сторон. К концу их работы вернулись собаки. Урман и Найда подошли и легли с высунутыми языками, каждая недалеко от своего хозяина искоса поглядывая на них. Нерон лёг вдали.

Второй раз за свою собачью жизнь встречается Нерон с этим существом, второй раз это существо уходит от него. Запутает следы и исчезнет.

Осторожный стук в раму разбудил Толяна. За окном с велосипедами, рюкзаками и ружьями стояли Серый и Коля с собаками.

– Как вы мне нужны! – открывая дверь, сказал Толян.

– Лесбега видели, – в голос заявили друзья. – А главное, ОН след оставил! Девять спичечных коробков в длину, шесть пальцев!

Мальчишки подробно рассказали о встрече, об огороженном ими следе, о поведении собак.

Затем Толян выложил им поселковые новости: днём на теплоходе «Заря» в их посёлок приехали трое здоровенных мужиков с тремя огромными ящиками.

Встреча на Малом Тапу

Продолжение рассказа бабки Дарьи

– А, говорите, что я недавно видела? Видела. Да разве здесь? По Малому Тапу видела. Это отсюда добрая сотая вёрст будет. Расскажи, говори-

те, да ведь просто так не расскажешь, вы не поймете. Тут уж про жизнь «химиков» надо говорить, как они живут, что делают, да как я к ним попала. Тоже длинная история. Хотите слушать – слушайте. Нет, не буду говорить.

– Расскажите!

– Есть у меня племянник, старшей сестры Лушахи сын. Отец его Виленин назвал. Что за имя такое? Да очень просто, Владимир Ильич Ленин – В. И. Ленин. Он когда вырос, всем объяснять приходилось, что у него за имя такое. Потом надоело, он и переименовал себя. Стал Валентином зваться.

Очень его мать с детства баловала. Что хотел, то и делал. Все ребятишки, бывало, в деревне работают, а он не знает, куда себя деть. На работу его не посылают, дома ничего делать тоже не заставляют, а только всё для него. Вот он и избаловался. Молодой ещё пить-гулять начал. Хватилась после мать, уж поздно было. Так и в жизни. Семьи путней нет, с работы на работу, как рябчик с ветки на ветку прыгает. Вот в химподсочку и подался. Рабочие химподсочки уезжают в лес на сезон, там и работают. А потом приезжают, расчёт получают и пьют-гуляют. Это у них вроде уж законно. Так и живут. К нам иногда заходят. Жена у него такая же, как и он сам: работать так работать, пить – так пить.

Собрались они в тайгу ехать, ко мне зашли и давай звать с собой. Изба, говорят, у них там хорошая, тёплая, баня есть, речка рядом. В речке рыбы полно. Ягод в лесу – сколько хочешь. Только скучно уж очень. Все вдвоём, да вдвоём. Ты, говорят, хоть дома сиди. Когда еду сварить, от домашних хлопот отдохнёшь, лесным воздухом подышишь. Вот и сманили меня. Я и поехала. Всё оказалось так, как говорили. Как в раю. Днём они в лесу, к вечеру придут – обед готов. Я им про свои дела, они про свои. С неделю так прожили. Потом Вилька-Валентин засобирался за продуктами на моторе ехать. А нам что? Нас двое, вдвоём не страшно. «Езжай», – говорим. Уехал.

Аганя, жена его, оказывается, бутылочку водки припрятала. Вытащила вечером, говорит, давай выпьем, да хоть песен попоём. (А голосистая баба!). Что ты, говорю, голос у меня слабый, да и песен не знаю.

– Не беда! Песни я знаю, ты только подпевай!
Выпили.

И запела моя Аганя. Я тоже пою, да подпеваю. Начали с «Шумел камыш», а кончили «Подмосковными вечерами». И так это хорошо, песня по всему лесу разносится, эхом возвращается. От души попели. За столом у избы так и просидели до позднего вечера. Спать в избу пошли. Собаки на дворе остались. Только улеглись, слышим, что со-

баки залаяли и в лес подались. Прийти к нам из людей никто не может, далеко от жилья, да и вода кругом. Только в моторной лодке можно приплыть, да и то мы бы слышали. Собаки с лаем к нам приближаются, и уже совсем рядом с избой лают. Шаги тяжёлые. Собаки уже не лают, а хрипят, потом и храп прекратился. Затем по избе нашей вроде кто хлыстом ударил, слышим, деревья вроде падать начали на избу. Изба вся дрожит. И тяжёлые шаги слышны вокруг неё. Кто-то подошёл к двери, ждёт. Потом за ручку потянул, аж дверь ходуном заходила. Дверь-то мы заранее на крючок закрыли, на замок внутренний, да ещё за ручку двери поперёк верёвкой доску привязали. Слышим, кто-то отошёл от двери к окну, и давай в окно в избу заглядывать.

Мы с Аганей видим, что кто-то там есть, но в темноте различить ничего не можем. Да и напугались, не знаем, что делать. Собаки, слышим, только всхрапывают изредка. ОН отошёл от окна тяжёлыми шагами и давай кружить. Слышим, как ходит, иногда нам кажется, что аж деревья на избу валятся, такой шум, треск. Мы ни живы, ни мертвы сидим. Вот, обе думаем, допелись. Что будет? А как светать стало, шаги начали удаляться. И у собак вроде голос прорезался, с храпа на лай стали переходить и следом за ним подались в лес. Так и проводили ЕГО уже громким лаем, вернее, ушли

за НИМ с лаем. Правда, потом все вернулись. Вот так я ЕГО видела-слышала в последний раз. Нет, недавно это было, года три назад. Я уже вам говорила, на Малом Тапу дело было.

Вот вы всё спрашиваете, как видела, какой ОН? А ведь я ЕГО только один раз и видела. Это в детстве. Да я вам про это рассказывала уже. А потом только слышала. Да страху натерпелась.

Охотники и раньше с НИМ там встречались. Знали ЕГО тропы-дороги. Петя мой, ваш дедушка, тогда не один был, их четверо шло на охоту в верховье Тапа. ЕГО видел. Припозднились они. До избушки хотели дойти. Тут-то и встретились с НИМ. У них свора собак. Все собаки и бросились на НЕГО. Видели, как ОН схватил одну из собак и вроде бы бросил её. Потом так и не нашли ни живой, ни мёртвой.

У нас в Половинке тоже ЕГО тропы были. Так говорили охотники, старики, что где увал с увалом сходится через реку, тут и есть ЕГО тропа. Многие из наших ЕГО тогда видели, как ОН через реку с увала на увал переходил. Много про Хумполэна-Комполя тогда по деревням говорили, многое знали. Ведь мужики все охотники, рыбаки. Это с лесом связано.

С НИМ только случайно и ночью кто-либо может встретиться. Раньше-то так думали и понимали, что если ты на ЕГО тропу встал, помешал,

тогда ОН и тебя наказывает. А если ОН на твоей тропе – ОН сам тебе дорогу уступит и ничего тебе не будет. Только давно ЕГО уже не слышно, не видно.

Никто о НЁМ ничего не говорит. Это сразу как леспромхоз к нам в Конду пришёл. Лес вырубать начали. Потом технику нагнали. Хумполэн-Комполь всегда считался хозяином, владыкой. А тут такое началось, что ЕМУ справиться не в силах! Не любит ОН шума в лесу, да против такой техники не попрётся.

– Мальчишки ЕГО недавно видели в лесу недалеко от нашего посёлка, даже след одной ноги видели, – сообщила Натка.

– Кто видел? Как видели?

У Насти и Пети от любопытства и нетерпения аж руки чешутся и глаза блестят.

– Мальчишки говорили. Может, зря болтали. Они к деду Егору ходили. У него что-то спрашивали.

– Так говоришь, что след одной ноги? Человечьей? – уже с интересом спросила бабка Дарья.

– А другой и не может быть. Если ходили к Егору Сергеевичу, так он им должен был сказать. Следа второй ноги человеческой не надо искать. Вторая-то нога у НЕГО не человеческая, а, кто говорит – лосиная, а кто – лошадиная. Может, потому ЕГО так и называли Хумполэн-Комполь – полу-

мужик, половина человека. Кое-где, ЕГО за эту ногу ещё «жилинкиной ногой» звали. И рассказывали, как от НЕГО спастись можно, если ОН погонится за тобой. Надо на солнце бежать, тогда ОН не видит тебя и не догонит. Или на топкое болото, или на янгу выбежать. Вот ОН и тонет в топком месте. Так от НЕГО и спасались в случае нужды.

– Всё это сказки! – заявил Петя, ярый реалист. – Мы зоологию учили. Нет таких животных, не может быть, чтобы одна нога – нога, другая – копыто!

– Может, это и сказки, – легко и спокойно согласилась бабка Дарья. – Вы, молодые, всё знаете, всё учите. Вот вам и узнавать – сказки это или... А когда встретитесь с НИМ, обязательно получше рассмотрите. И мне расскажите.

Попытка поймать Лесбега

Узнав многое о Хумполэне-Комполе, мальчишки решили попытаться поймать ЕГО. Долго совещались, спорили. И наконец выработали план действий. Они понимали, что, может быть, это и мечта. Но если ОН здесь, почему бы и не попытаться?

– Ведь наукой ОН ещё не описан, и будем мы первыми из людей кто увидит ЕГО. Тебе, Лёка,

его описать. Вот прославишься на весь мир. Это тебе за страх, что ты испытал при первой встрече.

Мечтам мальчишек не было предела. Они мысленно уже увидели Лесбега пойманным. Заготовили дров для большого костра, да так, чтобы хватило на всю ночь. Со спорами и советами натянули капроновые сети между деревьями, где, по общему мнению, должен проходить Лесбег, надевали петель, какие ставят на лосей и медведей в лесу на тропах, спрятали капроновые верёвки, какими будут связывать ЕГО, когда поймают. Работу закончили уже в сумерках.

Разожгли костёр, который к ночи должен пылать большим огнём и решили уйти домой. Вторую ночь ужасов ребята переживать не хотели. А на огонь, на костёр, Лесбег придёт обязательно. В этом они были уверены.

Следующим утром ребята собрались у Толяна с ружьями и собаками. Родителям объявили, что идут на охоту днём, а то, дескать, ночью надоело бродить, да и ничего не видно.

У каждого в стволе были пулевые патроны. Собаки от нетерпения натягивали поводки, повизгивали, заглядывали в глаза хозяевам, звали, просились в лес.

Выйдя из посёлка, мальчишки решили идти вместе, но, не доходя до разожжённого костра с километр, одновременно отпустить собак и бежать

с ними до костра. Собаки учуют, если кто там есть, и помогут, когда надо. Нужно только действовать сообща. Не так страшно, да и в одиночку и не справиться с НИМ.

Костёр догорал. О том, что Лесбег здесь был, говорило многое: разбросанные головешки, вывернутый поблизости пень, откинута от костра сушина. Собаки вели себя спокойно. Толпой мальчишки двинулись в сторону расставленных сетей. Их на деревьях не было! Они лежали чуть в стороне разбросанные по земле. Тут же лежали и обрывки спрятанных ребятами верёвок.

– Даёт Лесбег! Во даёт! Вот сила! – восхищались мальчишки, не думая о том, что за порванные капроновые сети и верёвки им ещё придётся держать ответ.

Любители мировой славы

Приезд каждого нового и незнакомого человека в посёлок был интересен всем. Ребят заинтересовал и приезд этих троих. Опять какая-то экспедиция! Но приезжие, по традиции всех до этого приезжающих экспедиций, не пошли в сельсовет, а напрямиком направились в школу. Это ещё больше разожгло любопытство мальчишек. А когда гости поздоровались за руку да обнялись с учителем биологии Степаном Петровичем, знавшим их тайну, после этого уж Лёка и Комар с них глаз не

спускали и решили обязательно узнать, что это за люди и зачем они приехали.

Вечером жена Степана Петровича купила вина, объясняя, что к мужу приехали его институтские друзья.

Стол накрыли на веранде. И пришлось Лёке, который бывал в их доме и знал их собаку, пролежать под той верандой больше двух часов.

Петька, Комар и Толян ждали его на улице, вроде как бы гуляли и играли. Оказывается, как рассказал Лёка, это действительно институтские друзья Степана Петровича. Он сообщил им о том, кого ребята видели в лесу, и вызвал их. И вот они приехали. Говорят, что это неизвестный науке зверь или получеловек, ЕГО называли ещё снежным человеком, и, что если они опишут или поймают ЕГО, то они могут прославиться на весь мир.

Гости надумали завтра с утра позвать Колю и других ребят, порасспрашивать. А мальчишки решили не говорить ни слова! Прославиться-то они и без них могут! Нашлись тоже – за чужой счёт, славу себе завоевывать на весь свет! Ничего не выйдет! Хоть бы Степан Петрович их спросил, посоветовался, а то сразу и на тебе – слава на весь мир! Молчать всем! Говорить – сказка, басня, легенда, в общем, кто что выдумает. А след завтра с утра рассмотрим.

Утро следующего дня началось с того, что Колю, книжного человека, вызвали в учительскую. Там сидели и те трое. Приезжие его видели впервые, зато он их знал не только в лицо, но знал и их планы.

Побывали в учительской многие мальчишки и девчонки, были там и Толян с Серым. Враньё, выдумки, бред собачий – вот, что слышали «любители мировой славы».

Целых три дня мужчины пытались что-либо разузнать. Ходили по посёлку, спрашивали всех, кого могли. И слышали от всех, что сказка это, небылица, враньё. Наконец, забрав свои тяжёлые ящики – так и не узнали мальчишки, что в них было, – гости уехали.

Мы ещё встретимся, Лесбег!

А след Лесбега, тщательно осмотренный, чуть ли не обнюханный, мальчишки так и держали огороженным. Следа другой ноги, как ни искали, не нашли. Днём облазили всё – следа другой ноги не было.

Значит, такими громадными прыжками ОН, Лесбег, прыгает. Не удивительно, что трудно ЕГО было ночью увидеть.

Лесбег исчез. Сколько ни бродили мальчишки по ночам, сколько ни разжигали костры, как ни шумели, Лесбег больше не приходил.

Скоро осень. Ночи стали темнее. Пришла пора друзьям разъезжаться. Кто-то из них идёт в школу, кто-то должен уехать учиться в другие города.

Ребята решили собраться всей компанией в последний раз у костра, разведённого рядом со следом Лесбега. И Толян по праву старшего подвёл итоги наблюдений:

– Лесбег ведёт ночной образ жизни, это мы выяснили. Ночью ОН видит лучше, чем мы днём – это ясно. Какой ОН, мы тоже знаем. Все видели. Рост ЕГО больше двух метров, ОН покрыт тёмно-серой или бурой шерстью под цвет ночи, нога сорок пятого размера с шестью пальцами, руки длинные. Чем питается? Вот этого мы не знаем. Но зато видели, с какой громадной скоростью ОН передвигается, хотя может и ходить медленно.

Костёр затухал. Каждый взял по горстке земли из следа Лесбега, и следа не стало. Они встали, обнявшись вокруг костра, и дали клятву. Эхо повторило её и разнесло по урману, над озёрами и речками, над болотами и лугами, над всем-всем, что называется словом Природа:

– Мы вернёмся! Мы ещё встретимся, Лесбег!

Шло лето 1981 года.

Кричи сразу!

Часть вторая

Мечта сбывается

— Значит, в штатные охотники? Похвальное, но не объяснимое явление. Сейчас все молодые хотят на технику. Подавай им машины, вездеходы. А ты в охотники... У тебя, что предки были потомственными охотниками?

— Нет.

— Штатный охотник-промысловик — это тебе не лёгкий хлеб, а без знания тайги, её законов... Ну, какой из тебя охотник?!

Директор Евринского Копзверопромхоза не мог понять Сергея. А тот вот уже больше недели обивал пороги отдела кадров, а сейчас пришёл к директору.

— И свободных единиц штатных охотников у нас нет. Мы предлагаем вам работу. Нам нужны дизелисты, электрики, плотники.

— Я согласен на любую работу, но с одним условием: как только освободится должность штатного охотника, вы переведёте меня. И дайте мне участок урмана по речке Нэусье, в её среднем течении. Вот тут, — и Сергей показал место на висевшей в кабинете карте. — Сейчас у вас, а это я знаю точно, там никого нет.

– Хорошо. Там будет видно. А пока оформляй документы дизелистом, по совместительству будешь выполнять работу электрика. Благо и права у тебя есть и те и другие. И заработок хороший. Понравится – останешься совсем на этих работах.

Ещё в армии Сергей рвался на родину, мечтал о тайге, о том самом непонятном существе, что когда-то встречали мальчишками и называли Лесбегом. Кто ОН? Много веков тайга хранит тайну. Видели же ЕГО, своими глазами видели, видели и след на дороге. Но нигде в литературе Сергей не смог ничего найти о таинственном незнакомце. А по рассказам старожилов – ОН живёт в тайге веками. Когда же Сергей попытался найти себе собеседника среди товарищей в армии, его подняли на смех:

– Не открывай Америки, Серый! На земле всё давным-давно изучено. А это таёжные сказки, легенды. Ты же грамотный человек. Забудь про них.

Но к добрым советам друзей и директора Сергея не прислушался. Он добился всё-таки того, что его зачислили штатным охотником. Участок он выбрал себе сам, тот самый, где когда-то они с мальчишками встретили Лесбега. Мечта попасть в лес, в тайгу, в урман – сбылась. Сергей прошёл по части отведённого ему участка. Что же дальше? Урман как урман. Не зря он и называется урманом – возвышенная, гористая земля, покрытая

смешанным лесом. Есть тут и согры, и болота, речки, речушки, озёра и озерки. Но больших озёр на участке нет, если не считать Евринского Тумана, от которого начинается его участок. Где-то здесь, по словам старожиллов, обитает Хумполэн-Комполь – лесной великан. Так Сергей называл ЕГО мысленно, для себя и про себя. Он также хорошо помнил и то имя, что дали они мальчишками – Лесбег.

Избушка для охотника, построенная больше десяти лет назад, без ремонта и пригляда почти что развалилась. Стояла она на берегу речки под названием Ирья, притоке Нэусьи.

Больше недели Сергей занимался ремонтом избушки, наводил порядок в ней.

Встреча со старыми друзьями

По приезде в посёлок Сергей сразу же навестил Толяна. Тот работал в гараже. Был доволен работой, семьёй. Они с Натальей ждали пополнения семейства. Сергей осторожно напомнил о клятве детства, разузнал о друзьях. Коля окончил институт и, по словам родителей, не собирался возвращаться в таёжный посёлок. Лёка, женившись, осел где-то на юге, Петька больше бражничал, чем работал.

– Интересно, кто же это всё-таки был? Я так и не могу понять до сих пор. Мы часто вспоминаем

нашу компанию, — говорила Наташа, угощая Сергея чаем с пирогами. — Хочешь в штатные охотники на Нэусью? Смотри, Сергей, ведь все рассказы указывают на тот урман. Что ты один сделаешь?

— А что я должен делать? Буду там жить, ходить, смотреть, охотиться и охранять. Я много думал и надумал. Может к НЕМУ надо с добром, а не так как мы в прошлый раз. Возможно, на добро ОН и отзовётся.

— Какое же ты ЕМУ добро сделаешь, если по урману ходишь с ружьём да зверье бьёшь? — удивился Толян.

— Не знаю. Я и сам не знаю, что сделаю, что и делать надо. Был у деда Егора, тот совсем постарел. Я ему свою мечту рассказал. Он одобрил. Только, говорит, не трепись много. Люди не поймут, смеяться будут. А ты хорошее дело задумал. И ещё рассказал, что раньше от стариков слышал, вроде бы ОН, Хумполэн-Комполь, тебя в лесу всегда видит, слышит, знает, о чём думаешь, чего хочешь.

— Иди, говорит, к НЕМУ с добрым сердцем, не бойся. Угощай. И проси, что тебе надо. Раньше охотники всегда так делали. Они об удаче на охоте просили, а ты о встрече проси.

— После нашей встречи ЕГО никто не видел. Иначе бы слышно было, — рассказывал Толян. — Наверное, ушёл. Куда-то дальше в тайгу, в ур-

ман... Да и где сейчас такие места? По-моему, всю тайгу уже обшарили, вырубili...

Советы деда Егора

Сергей ушёл от Толяна с сознанием, что никто из его прежних друзей не желает заниматься тем, что до сих пор так волнует его. Один дед Егор верил, знал и понимал Сергея. Он было и сам в лес собрался, да старческие хвори подвели, ноги отказали. Зато надавал советов:

– Пурлахтен приготовь. Отнеси дары на старинное место подношения. Это не религиозный обряд, а знак уважения. Ночью в избушке не закрывайся.

И рассказал, как найти то самое место, куда веками носили дары хозяину леса.

– Вверх по Нэусье, где крутой поворот на мысу, есть небольшое возвышение. Оно как бы с двух сторон рекой огорожено, от основного леса – рвом. На этом бугре растут только кедры. Их там несколько. Они там как бы шатёр образуют. Под ними чисто – ни палочки, ни валежники. Место это высокое и очень красивое.

Все местные жители знали, что туда лучше не заходить и ничего там не брать. Днём туда ещё можно зайти, а вот ночью – нет. Ночевать там не оставайся. И всегда примечай такие места.

– Егор Сергеевич, – обратился Сергей к деду, – я здесь вырос, но ни от кого из ребят о таком не слышал. Мою мать сюда работать направили из Тюмени. Она и привезла меня в эти края ребёнком. Что значит – пурлахтен? Такое место-то я найду, вот что дальше...

– Наши люди исстари чужим своих законов не открывает, а может быть, и умысла в том нет, просто стесняются, или не совсем верят им. Ведь всё это как бы законы поведения, уважения к хозяину леса. Так установлено, так и идёт из поколения в поколение. Среди людей живёшь – особо мир видишь, а как один на один в лесу останешься, то лес тебе и друг и враг. Вроде живой он.

– Пурлахтен, – напомнил Сергей.

– Его готовят из муки или крупы. Как заваруха. Масло добавь, посолить не забудь. Сам попробуй, чтобы вкусно было. Потом отнеси в укромное место, поставь там, чтобы собаки не достали, на пень ли высокий, или ещё что пригляди и угощай. Говорить-то знаешь как?

– Нет.

– И чему вас только в школе учат? Вот приду я к тебе, как ты меня угощать будешь? Какие слова будешь говорить? А тут ты в лес пришёл. Вот и говори так:

– Хозяин леса! Я к тебе пришёл. Угощаю тем, что у меня есть. А ты поделись со мною своими

дарами. Так охотники всегда говорят. Запоминай. Потом уйди к костру или в избушку, а через некоторое время можешь взять еду и сам съесть. Лучше съесть.

– Почему? Может ЕМУ и оставить?

– Нет, надо обязательно съесть. Чтобы доказать, что ты съедобную пищу подал, ею угощаешь, и сам ею не брезгуешь. Находились такие смельчаки, что подавали несъедобную пищу. Так те в эту же ночь из леса возвращались...

Заповедное место

Сергей в точности выполнил все советы деда. Нашёл и тот бугор, который был на мысу. И был до крайности поражён тем, что он там увидел. Бугор этот настолько сливался с окружающей природой и был незаметен издали, что, пройдя от него в нескольких метрах и не зная о его существовании, его нельзя было увидеть. Да и что несколько метров! Даже находясь во рву, который хорошо сохранился до сих пор, можно пройти по нему и не увидеть этого возвышения. Зато с плоской вершины бугра, на котором стоили вековые кедры, образующие шатёр над головой, хорошо просматривались окрестности во все стороны. Любое движение внизу было видно. Вершины старых сушин, берез были как будто у тебя под ногами. Более удобного места для наблюдения нельзя бы-

ло выбрать. Иногда в солнечный день Сергей приходил сюда, садился на край бугра и как будто парил над округой.

Приобретение собаки

Так прошёл год. Сергей ходил по своему участку днём и ночью, знал все тропы, большие и малые, но, по его наблюдениям, больше нигде на участке не мог жить-быть Хумполэн-Комполь. Вроде места ЕМУ нигде не оставалось. Не было на его участке места, где бы мог находиться лесной великан – Хозяин леса.

План сдачи пушнины он выполнил, но не больше того. И этот план достался ему с большим трудом. Не было у него доброй охотничьей собаки. Дважды он их покупал, но было всё не то. Собаки не признавали его и, в конце концов, или убегали к прежнему хозяину или исчезали неизвестно куда. Жил он в посёлке, но большую часть времени проводил в своей сокме. Так на местном языке называют участок урмана, ранее принадлежащий конкретному частному владельцу, а ныне закреплённый за егерем. Его же сокма от Евринского Тумана уходила строго на юг в ширину на добрую сотню километров, а в длину... Да кто их мерил, те таёжные километры?

Живя в посёлке, Сергей всё присматривался к собакам, которые по древнему обычаю, несмотря

ни на какие объявления и угрозы, свободно разгуливали по посёлку. Да и собаки, по-видимому, его знали. Проходя по поселковой улице из леса, он видел, как некоторые из них принохиваются к нему и идут за ним до самого дома.

У соседей Сергея жила невзрачная на вид тощая сибирская лайка. Та вообще при встрече с ним проявляла необыкновенную радость. Хозяин её, тракторист Валера, в разговоре о ней, заявил:

– Бери. Прибилась откуда-то, вот ребятишки её и кормят.

Сезон охоты раньше начинался с Покрова. В наши дни с двадцатого октября длится остаток осени всю морозную зиму и заканчивается в первый месяц весны – двадцатого марта.

Выполнив план по пушнине к январю, Сергей зимой получил отпуск, чтобы весной вновь поселиться в сокме.

И вот он у себя дома, так именовал он свою лесную избушку.

Апрель в тайге

Апрель – особый месяц в тайге. Весна врывается тёплыми лучами, тёплыми днями и начинает, как бы будить лёгким шорохом, треском, свалившимся с пенька, подтаявшим с южной стороны куском снега, весёлым ручейком с пригорка. Снег

голубеет от яркого солнца и неба, становится невидимым глазу – исчезает.

Но в начале апреля хорош чарым⁴⁵. И Сергей решил по чарыму обойти приметные места, определить виды на будущую охоту, приметить, где находятся гайна соболей, куниц, белок. Заодно надо проверить собаку, пополнить запас дров у лесной избушки. Из дома Сергей взял пилу «Дружба». Ручной пилой пользоваться он не умел. Вот и пришлось везти в лес и пилу, и бензин. Напилив дров Сергей по утрам по чарыму обходя намеченные места, навестил и лесной ток. Странно вела себя Тайга – так Сергей назвал свою собаку. Он запретил ей облаивать зверей и птиц. Она только скулила и повизгивала, когда чуяла в дупле белку или соболя. Часто останавливалась, к чему-то прислушиваясь, далеко не убегала. Сергею казалось; что она без слов понимает его. Так обошли они все приметные места. Чарым держал хорошо, собака бегала свободно, а Сергей легко скользил на лыжах, насвистывая любимые мелодии. Ничего исключительного, ничего примечательного он не заметил. В его лесу, в его сокме всё было как обычно. Только вот настораживало поведение собаки...

⁴⁵ Чарым – снежный наст, корка снега, образующаяся на снегу во время оттепели.

Посещения деда Егора

Приходя в посёлок Сергей, прежде всего, навещал деда Егора. Тот был рад. Расспрашивал про лес, про виды на охоту. Оба обходили молчанием тему Хумполэна-Комполя. Дед знал, что, если бы и было что новое, Сергей сказал бы, а раз тот молчит, значит, всё по-старому. На этот раз он не удержался:

— Хотя и твоя лесная избушка, а заходить в неё знаешь как? После того как дома побудешь?

Знаю. Ты меня учил, я так и делаю.

— Угощаешь-приглашаешь?

— Обязательно.

— Ты что, на меня сердит?

— Почему?

— А в шапке сидишь...

Сергей сердито сдернул с головы шапку. Он вообще-то собрался пойти в кино, зашёл к деду на минутку, вот и сидит так, не раздеваясь.

— Говорил ли я тебе, чтобы ты с дарами или угощением когда... Тоже в шапке?

— В шапке.

— С непокрытой головой раньше-то мужики это делали. А ты выходит, угощаешь, да не доверяешь.

— Почему?

— Шапку не снял, значит, сердит или не доверяешь.

– Что же ты мне, дед, раньше этого не сказал?

– А ты что, не знал?! – удивился дед. – Ведь так исстари ведётся. Что же говорить?

Медвежья болезнь

Каждый раз после беседы с дедом Сергей узнавал что-то новое, интересное для себя, для дела, узнавал повадки зверей, птиц, выводывал, когда и где щенятся соболь, белка, сколько детёнышей бывает в гнезде. В поселковой библиотеке брал книги про диких животных. Но о животных нашего края там было написано мало. Сергей просматривал старые номера журнала «Охота и охотничье хозяйство», а в этом году выписал его и сам. Но то, что дед рассказывал ему про медведя, Сергей не читал ни в одной книге. Он знал, что медведь в берлоге спит и не спит, что при тревоге он всегда может внезапно выскочить. Дед рассказал, как они убили только что залёгшего в берлогу медведя. Желудка практически у него не было, он превратился в небольшую лепёшку, полностью заплывшую жиром. Весь кишечник у медведя настолько чист, что ни одна хозяйка так не вымоет, а задний проход как бы пробкой заткнут. Пробка та сантиметров в тринадцать-пятнадцать. Плотная, твёрдая из мелких палочек, хвоинок и ещё чего-то как воск твёрдого. Видимо, эта пробка удерживает всё, что накапливается у медведя в кишечнике. Без такой

пробки, даже если медведь сыт и жирен, он погибнет.

И такое наблюдал дед. Случается такое с медведем, если его перед лёжкой сильно напугать. Прихватит его медвежья болезнь и, считай, он уже погиб. Видел он однажды такого медведя. По словам деда, такой медведь знает заранее о своей гибели и даже ложится не в берлогу, а где-либо под корчагу или выворотень. Случалось ему находить и такого полумёртвого медведя. У него из заднего прохода жир вытекал. Хотя и был тот медведь очень жирен, да умирать лёг. Они, звери, видимо, всегда знают, что их ожидает.

Жизнь в лесу

Жизнь в лесу и работа охотника-промысловика накладывает отпечаток на человека, на его характер, и даже на походку. Если у моряков она раскачивающаяся, вразвалку, то и охотника можно узнать по походке. У охотника она неторопливая, спокойная, а главное лёгкая и бесшумная. Охотник в лесу чувствует себя частью своего леса, да и не только охотник. Каждый человек, судьба которого связана с лесом, воспринимает деревья, кусты, речки, болота, травы как часть самого себя. Никто не возьмет больше, чем надо для пищи, для сегодняшнего дня. Никто не будет зря губить ни дерево, ни куст, ни рыбу, ни птицу. Даже веточку

с куста или дерева такой человек не сломает без надобности, он не вытопчет на болоте мох, не вырвет ягодник. Он не зашумит, не закричит, не выстрелит, особенно вблизи жилья, да и другим не даст это сделать. Человек, живущий подолгу в лесу, сживаетея и как бы сливается с природой, становится частью её, не нарушая векового уклада её жизни.

Сергей за весну и начало лета не один раз побывал в своей сокме. Что-то его манило, что-то его туда звало. Но что? Обходя «тропой оленьей» на этот раз боры и болота по просьбе директора Копзверопромхоза, он примечал места, где ожидается урожай брусники и клюквы. Раньше сбор ягод назывался брусничным промыслом, а теперь сбором дикоросов.

Дикоросы! Слово-то, какое! Промысел... Хотя какой промысел говорит о деятельности Человека. Кондинские беломошники издавна славились вкусной и крупной ягодой. На брусничный промысел, трудный и азартный, природой отведён всего один месяц сентябрь. Механизации не было, нет, да и не должно быть. Очень хрупка природа края. Современные ягодные комбайны в большинстве случаев вырывают и ягодник вместе с ягодой, и этим наносят, и уже нанесли непоправимый ущерб ягодным борам.

В лесу хорошо думалось, жилось, вольно дышалось.

– Сберегу! Скажу, что в этом году на моих борах и болотах ягод не будет! Пусть отдохнут. Да и лесным обитателям надо оставить, – решил Сергей.

Судьба животного мира Природы

В заливах Евринского Тумана, как всегда, поселилось много диких уток разных пород, куликов, цапель. Были по ранней весне гуси и лебеди. Гуси проследовали дальше на север, а пара лебедей поселились в тихом, неприметном озерке, недалеко от речки Воны. Всеми силами, как только мог, Сергей оберегал этих птиц, не пуская туда никого из посторонних. Лебедей нельзя тревожить. Если ему удастся сохранить это потомство, то – он знал – и на будущий год птицы этого исчезающего вида вновь поселятся на таёжном озере. При «освоении края», как это называли его первые лесники, нефтяники и газовики, многое было уничтожено. Просто так, ради удали. Для начала постарались лесники, своё потом добавили нефтяники и газовики.

Районы, восточнее Уральских гор, на протяжении многих веков кормили, поили, одевали, обустраивали местное население. Новосёлы перенимали от них доброе, любовное отношение к природе и её

животному миру, оберегали, а порой и приумножали его богатство.

Современные «покорители», люди двадцатого века, на территории Западной Сибири являлись и довольно часто представлялись не только животному миру края, но и его населению, как варвары. И чем выше начальник, тем мощнее аппетит.

Были среди рабочих людей страдающие и как умеющие защищающие животный мир. Но что может сделать простой смертный человек, даже с ружьём, когда уничтожение всего живого велось (подчас и сейчас это делается, да только более скрытно) с вертолётов, вездеходов и другой техники, которая может догнать, поймать, убить, любое животное. Те же лебеди Конды, о которых печётся сейчас Сергей, были на многих озёрах расстреляны с вертолётов. Надо заметить, что лебеди для местного населения были священными птицами, на них никогда не охотились ради пропитания. И такая же участь постигла многие стада диких оленей, лосей.

Почему? Что случилось?

Кто знает, что подействовало на животный мир сокмы Сергея, но когда он в очередной раз стал обходить её, то обратил внимание на большое количество следов оленей, лосей, медведя. На песчаных тропах ясно прослеживалась ночная

работа барсуков. Часто попадался помёт зайцев, лис. Гораздо больше стало и певчих птиц. То, что увеличилось в этом году количество диких уток разных пород, его не удивляло. Так и должно быть. Ведь за прошлый сезон на его участке не прозвучало ни единого выстрела. А любое живое существо селится там, где тишина.

Удивило Сергея другое: на его участке появилась очень красивая и необычайно доверчивая небольшая птичка. Головка чёрная, хвост торчком, вроде бы лохматая, с красными пёрышками в хвосте и крыльях. Чаще всего она появлялась в бору под названием Аркансуй. Бор этот волнообразно гористый, чистый, на светло-голубом ягеле множество тёмно-вишнёвой брусники. Обычно вылетит такая птица на тропу и ждёт, когда он к ней приблизится. Потом ещё чуть-чуть отлетит и опять ждёт. Так и кажется, что нарочно под ногами крутится, внимание привлекает:

– Иди за мной! Иди за мной!

С ветки на ветку порхает, зовёт, приглашает...

– Что ей надо? Откуда она появилась? – думает Сергей. Но, зная древнейшее правило тайги от деда Егора, – не ходить за тем, что ярко, красиво, – он не пошёл её догонять, не стал её ловить.

Вечером, готовя пищу, он вдруг слышал, что напевает. Вроде бы и не пел, но ясно слышал, что

пел. Причем, пел то, что пел когда-то весной, обходя по чарыму свою сокму.

— Заходи, Тайга! — пригласил он собаку. — А то мне и казаться и слышаться что-то начинает.

Собака зашла в избушку, недоверчиво покосилась на хозяина, но прошла и легла на своё место, которое хорошо знала и на котором отдыхала всегда, когда хозяин её приглашал в избушку. Вела она себя спокойно, как всегда. Зная по рассказам охотников, что в лесу надо больше доверять собаке, чем себе, Сергей успокоился. «А может, и вправду пел... Кто тут ещё запоем?!»

Ночной сон и действительность

Полужинав и покормив собаку, Сергей, найдя за день, сразу же уснул глубоким сном. Обычно он спал без сновидений. А эта ночь...

Ещё находясь в пологе, вспоминая ночное видение и слушая бесконечную песнь комара, Сергей вдруг услышал звуки заводимой пилы «Дружба». Выскочив из избушки на звук, он понял, что такого не может быть! Ведь пилу он увёз домой ещё неделю назад. И тут вновь кто-то дёрнул шнур пилы, она взвизгнула и смолкла.

Сергей осмотрелся — утро перед восходом солнца, собака стояла рядом вся взъерошенная, рычащая, и тоже смотрела в чашу, откуда доносился звук. Он был бос и раздет. Вбежав в избуш-

ку, Сергей обулся, натянул через голову специальный костюм от комаров и, позвав собаку, бросился бежать в чащу за избушкой, откуда слышались звуки. Пробежал молодняк да речки, вернулся назад, осмотрев всю округу, но ничего и никого не обнаружил...

Собака вела себя странно. Она пыталась рычать, но у неё ничего не получалось, как будто горло её схватили спазмы, она жалась к ногам Сергея, щерилась. Но когда он побежал в дальние кусты, что щетиной горбились вдали, она вдруг схватила его за штанину и во всю собачью силу потянула назад.

– Ты что?! – остановился Сергей. А собака в это время, забежав вперед, уперлась передними лапами в грудь хозяина и как бы всем телом, защищая его, не пускала дальше, рычала.

– Ты что? – поглаживая собаку по спине, вновь спросил Сергей. – Что с тобой? Кто там?

Жаль, что собаки не говорят... «Наверное, медведь», – мелькнула мысль, и тут он понял, почему в этом случае его не пускала собака – в руках у него ничего не было! Прижавшись к ноге Сергея, собака, по-прежнему рыча и щерясь, пошла с ним к избушке. Зарядив ружьё, Сергей вышел, осмотрел всё вокруг – землю, тропу, кусты. Никаких следов нигде не оказалось.

– Что же это такое, – подумал и тут же вспомнил свой сон. Ночью, во сне, к нему кто-то приходил, о чём-то просил, что-то говорил... Кто это, что это? О чём просил? Что говорил? Какие-то смутные видения, обрывки слов, мыслей... Сергей решительно отверг ночной сон, но почему-то ему вдруг показалось, что между утренним происшествием и его ночным сном есть какая-то неуловимая связь. Но какая?

– Одичали, озверели мы с тобой, Тайга, однако, – говорил Сергей собаке во время нехитрого завтрака. А сам постоянно поглядывал на собаку, нервы у него были на пределе напряжения. Он понимал, что она уловит и даст знать, если появится опасность. Но Тайга вела себя спокойно, и это спокойствие невольно передалось Сергею.

– Что же это было, Тайга? – Сергей погладил собаку. Рука его оказалась мокрой. Тогда он наклонился к ней и стал ощупывать её всю. Действительно, собака была мокрая, будто только что выкупалась в речке.

– Что с тобой? Почему ты вся мокрая? – Сергей знал, что к воде она вроде бы не подходила. Что же с собакой? Может, заболела? Но до этого непонятого происшествия, этих странных звуков всё было нормально. Никаких признаков болезни у собаки не было.

– Домой, Тайга! Рванём-ка мы с тобой сегодня домой, а там видно будет.

Сняв сети и развесив их для просушки и хранения в им же построенный амбарчик, Сергей сложил добытую рыбу в пайбу и, взяв ружьё в руки, пошёл по тропе к лодке, в километре от стана. Тайга, как ни в чём не бывало, весело бежала впереди хозяина. Сергей хорошо осмотрел тот лесок, куда утром не пустила его собака. Но и тут ничего особенного он не заметил, и собака вела себя спокойно. Следов никаких. Но птицы... Сергея поразило обилие певчих птиц. Казалось, что весь этот небольшой островок, покрытый смешанным лесом вперемешку с черёмухой, смородиной, рябиной, малиной, колючими кустами боярышника, был нашпигован птицами. Одни пели, другие чирикали, свистели – целый лесной оркестр!

– Почему я этого раньше не замечал? – подумал Сергей.

Он здесь!

Лодка-осиновка находилась на своём месте. Речушка совсем обмелела и, подобно змее, извивалась сначала среди соснового бора, а затем по большей части среди пошвара. Дно речушки почти сплошь завалено колодами, полусгнившими или задубелыми. Спешить по такой речке, где русло чуть шире самой лодки, а глубина не боль-

ше пятидесяти сантиметров, невозможно. Стоит чуть-чуть зазеваться и нос лодки на очередном повороте уткнётся в берег. Здесь, как нельзя лучше, подходят слова: поспешай не спеша.

Как и в других путешествиях по лесу, Сергей держал собаку на привязи. Сейчас она лежала хозяйски посреди лодки. Но и тут её Сергей привязал на короткий поводок к сидению. Храбрость осторожности не помеха. Часто взлетающие из-под носа лодки утки как бы дразнили, а Тайга не всегда могла выдержать это, и, бывало, что выскакивала из лодки на берег, чуть не опрокинув лодку с хозяином.

На одном крутом повороте речушки Сергей вдруг увидел лосиху. Она, стоя на твёрдом, пологом берегу, преспокойно пила воду из речки. Тайга, тоже увидев, замерла, припав ко дну лодки. Сергей, боясь стукнуть веслом, только рулил и его потихоньку несло течением к тому месту, где стояла лосиха. Лосиха, увидев их, но, видимо, не поняв опасности или же совсем не боясь ничего, как домашняя корова, отошла чуток от берега и продолжала стоять. Проезжая мимо неё, Сергей видел даже как она хлопает ресницами. Следующий такой же крутой поворот речки унёс лодку, и лосиха скрылась из виду.

«Странно, – подумал Сергей. – Что же это такое? Птицы разные. Много диких уток. Лосиха.

В бору рябчики, много выводков глухаря. Олени, медведи. Может и вправду они, птицы, звери чувствуют доброту человека и поселяются там, где находят защиту?»

И тут вдруг он увидел берёзу. Много раз ему доводилось проезжать мимо неё, но... Что с ней? Полусухая берёза, которая стояла на берегу речушки, оказалась ободранной. Кто? Зачем? Ведь сейчас береста не дерётся. Кто и зачем ободрал берёзу, причем где-то на высоте трёх-четырёх метров над землей? Сергей веслом подтянулся к берегу, вышел из лодки и пошёл к берёзе. Собака, оставшись на коротком поводке в лодке, повизгивала.

Сергей начал осматривать берёзу. Вокруг неё, совершенно свежие, поблескивая белизной, лежали кусочки бересты по четыре-пять сантиметров в ширину, и по пятнадцать-двадцать в длину, ещё не начинающие скручиваться.

«Наверное, дятел», – подумал Сергей и тут увидел след: на твердой, но покрытой мхом почве ясно был виден след ноги человека. Но какого?! Длина следа около полуметра, в пятке чуть уже, чем в носке. Ширина ближе к носку сантиметров двадцать с лишним. В середине стопы след слегка сглажен, но тоже ясно виден. Примерно такой же, как видели на лесной дороге несколько лет назад. Собака в лодке уже не повизгивала, а только при-

глушенно влаивала. Хумполэн-Комполь! Лесбег! Хозяин леса! ОН здесь!

Размышления

Что было дальше, почему он так поступил, даже самому себе Сергей объяснить не мог. Кажется, не боялся сам, успокаивал собаку. Но всё-таки сел в лодку и уехал... И только дома, после ужина он смог что-то оценить, сопоставить, понять. Там, где появляется хозяин леса – Хумполэн-Комполь, всегда много диких животных, птиц, зверей. А в этот приезд в сокму Сергей заметил, что их действительно очень много.

«Я мог ошибиться. Но след... Поведение собаки... Значит, ОН подходил к лесной избушке. И сон! Что-то было ночью?! Что? О чём ОН просил? Просил?! Точно, просил. Но о чём?»

Следующую ночь дома Сергей спал беспокойно. Метался, вскакивал, часто просыпался, и снова всё повторялось. Утром вновь одолели вчерашние думы. «Да, кстати, – почему я поехал домой? Ведь не собирался, и продукты были. Что же заставило меня бросить работу, уехать? Почему утром сразу же домой? Сон... Что-то связано со сном, – начинал припоминать он. – Да, просьба... Тот, кто приходил ко мне ночью, просил... уйти. Кажется, было указано и время. На сколько дней? Чем я мешал? Да ведь кто-то голоден. Просил оставить

пищу и уйти из избушки. Помочь в беде. Дети... Почему каким-то детям голодно и сыро? Что-то должно случиться с погодой...»

Сергей вышел на улицу, пытаясь, что-то понять, припомнить. День был в разгаре. Стояла тишина, та самая тишина, которая всегда предвещает грозу. Сергей ушёл на берег Тумана, сел в тени деревьев и под их тенью начал вновь вспоминать ночной сон: будут дожди. Меня на это время просили уйти, убрать собаку, оставить продукты... Но кто просил? Для кого продукты? Что всё это значит? Сон или явь? Я сделал всё так, как меня об этом просили. Но кто просит? И почему я делаю так, как мне велено? Почему?

Вспомнил! Точно, будут дожди. Эти дни я не должен быть в своей сокме, в своей избушке и я должен сделать так, чтобы никто туда не поехал. Я и ни с кем не говорил! Значит, сон... Сон – явь. Что-то там, в лесу должно случиться... Это и есть помощь.

Не мешать. Оставить продукты. Молчать. Не быть там, в период дождей, – с трудом вспоминал Сергей и вместе с сознанием, что он всё сделал так, как его просили, к нему приходило успокоение, уравновешенность, хорошее настроение. Обилие диких животных, птиц, зверей – всё это, согласно древним мансийским сказам, говорило о том, что в лесу появился Хозяин. Кто ОН? Хумпо-

лэн-Комполь? Лесбег? След нашего Лесбега... Выходит, хозяин леса – Хумполэн-Комполь и Лесбег – одно и то же... Кто кого боится? Я ЕГО или ОН меня? Что за странный способ общения? Я делаю то, что ОН мне велит. Да, точно. ОН просил, я сделал. Может быть, мы оба боимся один другого. ОН меня, я ЕГО... ОН оставил след ноги, чтобы я мог знать: кто Он! ОН моим голосом напевал мои песенки, ОН повторил то, что слышал. Точно! Когда я заводил пилу, она заглохла сначала. И этот звук я снова услышал спустя месяц.

Хумполэн-Комполь, Лесбег! Я всё сделаю, как ты просил. Ты слышишь?! Я сделаю!

К вечеру собралась гроза, да такая сильная, с градом, ветром, проливным дождём. Обычно такие грозы проходят быстро, но на этот раз грозовая туча будто потянула за собой с севера серое покрывало. И зарядил мелкий моросящий дождь. Даже не дождь, а так, хмарь, полутуман, полудождь. Резко похолодало. «Выходит, точно, погода испортилась. Дождь, сыро. Значит, Лесбег знал об этом и просил оставить для НЕГО тёплое жильё. Дети?! Что-то такое было и о детях?! Может, как раз ЕГО детям надо на это время тёплое жильё. Неужели у НЕГО есть дети?! В лес, в свою сокму... Стоп... Нельзя. Пока погода – нельзя. ОН мне не доверяет, боится за детей, за себя. Пока такая погода, я должен быть дома!

Думы и дела Хумполэна-Комполя

Люди называют ЕГО Хумполэном-Комполем. И ОН это знает, читая их мысли. А сам себя ОН называет просто Сюю. Сюю – это свист ветра. И это ОН слышит при быстром передвижении. Свою женщину-жену ОН назвал Эс. Это тоже свист. Так легче всего обращаться и называть друг друга.

А парня, что живёт в лесной избушке, Сюю называл Не-совсем-охотником. А просто – Хо. Название своё он получил за то, что, по приметам Сюю, Хо не убивает животных и птиц, а больше наблюдает за ними.

Сюю слышал, как ехал по речке Не-совсем-охотник Хо на лодке, знал, что он выходил на берег, видел следы его ног. И ОН точно знал, что Хо понял, кто тут есть, кто просил его уехать. Чтобы проверить Хо, Сюю специально направил к речке лосиху, чтобы она пересекла его путь. Но Хо проехал мимо неё молча, без шума и выстрелов. Это ещё больше утвердило Сюю в мысли, что Хо можно доверять, можно попытаться пойти с ним на контакт, заинтересовать его своими заботами, показать ему тот урон, который нанесли лесу люди, попросить его стать ходатаем за всё живое, что есть в лесу...

Надвигались проливные дожди, несвоевременные для этого времени года. И ЕГО малышам на

этот непредвиденный период могло потребоваться жильё. Да и ЕГО женщине, матери детей, которую ОН так долго искал и с трудом нашёл в дальней дремучей тайге на Севере, которую в смертельном бою отвоевал у соперника, а потом увёл в свои леса, тоже требовался отдых после появления малышей.

Обычно сам Сюю никогда не пользовался даже жалким подобием жилья людей, находя его вонючим и тесным, но ради своих детей ОН мог пойти на всё. Как и каждое живое существо на земле, ОН очень любил свою избранницу и детей. Сюю не разговаривал с женой, как это принято у людей, они понимали друг друга без слов. Даже на больших расстояниях они понимали мысли друг друга. Для этого стоило лишь чуть-чуть напрячься и послать мысленный сигнал-вызов. Так было и на этот раз:

– Уехал, – сообщил Сюю Эс. – Подходи к избушке. Смелее. Заходи и жди меня. Не бойся.

С появлением малышей с Эс что-то случилось. Она по-прежнему понимала Сюю на расстоянии, но повелевать животными, как прежде, не могла. Это её тревожило, и она постоянно искала защиты у Сюю. ОН же твёрдо знал, что это временно, но оставлять её надолго без своей защиты не мог. Вот почему ОН попросил Хо в те дни покинуть избушку.

Наблюдая за Не-совсем-охотником Хо, Сюю постоянно улавливал его мысли. Тот постоянно кого-то искал, но кого? Иногда ему казалось, что Хо ищет именно ЕГО, Сюю. Но зачем? Человек может просить о добыче, удаче на охоте, но никогда ещё у людей не появлялись мысли о встрече именно с НИМ. Если такая мысль кого и посещала, тот усилием воли её сразу же глушил, так как люди ЕГО пугались и сразу же уходили, уводя своих помощников-собак.

На этот раз, придя в свои владения на берегу мелководного озера, Сюю обнаружил, что с человеком, как всегда, ОН мог поговорить, даже не вступая в контакт. Стоило лишь на расстоянии послать сигнал тревоги, и тот уходил... Так было всегда в ЕГО взаимоотношениях с людьми. На этот раз Сюю не узнал место, где долгие годы жил. В той стороне, откуда вставало обычно солнце, люди прорубили широкую просеку, а деревья растолкали по сторонам, как бы огородив дорогу, по которой день и ночь шли фыркающие железом и гарью чудовища. Такую полосу небезопасно перейти только маленьким зверюшкам, но и ЕМУ, властелину леса, а вокруг озера леса уже совсем не стало. Перепаханная до породы земля была завалена мёртвыми стволами и сучьями, втоптаннами в лужи и в землю молодыми деревцами.

Сюю пытался пройти по этому лесу, но перепутанные клубки тросов во многих местах останавливали ЕГО. Впали в состояние тревоги и постоянно сопровождавшие Сюю медведи, олени, лоси. Птицы улетели в поисках других мест для гнёзд. Зачем же так? Неужели человек не может разумно взять то, что ему надо, и не оставлять здесь таких чудовищных следов? Почему веками существовавшая ЕГО вотчина должна превращаться в страшное месиво?

А ведь ОН, Сюю, всегда приходил на помощь человеку, приводил к селениям заблудившихся детей, умел мысленно, не показываясь, указать место охоты.

Окончательному решению обратиться через Хо к людям способствовала гибель ЕГО любимой лосихи. Сюю вызвал её. Лосиха тотчас бросилась на зов, не разбирая дороги, попала в завал из тросов и деревьев и сломала себе обе ноги. Чтобы прекратить её мучения, Сюю пришлось усыпить её навсегда. Так ОН постепенно растерял многих животных, которых считал своими: одни погибли, другие вынужденно ушли за пределы ЕГО мысленных владений.

Сюю решил просить людей оставить хотя бы для немногих животных какой-нибудь участок нетронутого леса от большой воды до лесного потайного озера.

ОН представлял себе, как опасно выйти на-
прямую к людям, ведь ОН сам вынужден будет
прибегнуть к насилию в ответ на злые мысли, ко-
торые ОН распознавал даже ранее, чем они при-
ходили в голову недоброму человеку. Надо пом-
нить и о возможности потери разума человеком
при встрече... А этот парень Не-совсем-охотник
довольно крепок, пожалуй, он выдержит нагрузку
«нечистой силой» (непонятные слова, которые ОН
несколько раз слышал от людей в свой адрес).
Охотничьи интересы ОН знает назубок. Одни ра-
зумно пользуются подсказками. А других, не в
меру лживых азартных, как волка из овечьего ста-
да, приходится гнать из леса в три шеи.

Хо устраивал Сюю. Он размышлял и чувство-
вал ЕГО Сюю, как имеющего право на жизнь.

Сюю, как и все представители ЕГО вида, ведёт
ночной образ жизни, встреча с человеком может
быть или случайной, или преднамеренной. К ней
надо долго готовиться, чтобы случайно не превы-
сить силу мысленного приказа. Особенно важно
не оконфузиться в этом плане перед Не-совсем-
охотником. Это было бы непоправимо.

Срок приезда Сергея приближался. Сюю по-
своему готовился к встрече. Главное – полностью
исключить страх. Для этого ОН должен приходить
к нему во время сна и в таком состоянии объяс-
нить ему свою просьбу, а заодно попытаться по-

нять и его представление о себе самом. Итак, Сюю ждёт!

Беда и знакомство

В старину наши предки помнили о том, что человек предполагает, а жизнь располагает. Так случилось и на этот раз. И Сюю и Сергей предполагали одно, а вышло совсем по-иному.

Помаявшись в деревне отведённое время, Сергей решил идти в лес, чтобы хотя бы по краю обойти сокму.

Выйдя на край янги, Сергей пошёл по ней, и на мгновение ему даже показалось, что он заблудился. Такого ещё не бывало! Им вдруг овладело внутреннее беспокойство, показалось, что кто-то его зовет. Он огляделся и увидел невдалеке огромную ворочающуюся фигуру, издающую странное мычание. А тот, «кто-то», явно пытался выбраться из засасывавшей его трясины.

Не раздумывая, Сергей бросился на помощь, и, приблизившись, сразу понял, что помочь не в силах. Вокруг попавшего в беду была сплошная топь. Тонул... Лесбег! В голове Сергея пронеслось: как могло попасть в такую ситуацию столь разумное и могучее существо? Времени на раздумья не было. И тут он явственно уловил слова:

— И-д-и в и-з-б-у-ш-к-у! Т-о-л-ь-к-о м-о-я ж-е-н-щ-и-н-а с-п-о-с-о-б-н-а в-ы-т-а-щ-и-т-ь м-е-н-я

о-т с-ю-д-а! Б-е-г-и! Б-ы-с-т-р-е-е! Н-о-п-о-м-н-и, в-о-й-д-я в д-в-е-р-ь, к-р-и-ч-и с-р-а-з-у, с п-о-р-о-га: «Твой мужик провалился в янге Семи яльви-лей!»).

И Сергей бросился бежать... Вот уже и избушка показалась. Он ворвался в неё и споткнулся о... взгляд нечеловеческой силы. Упав на колени, он исторг громкий крик с такой небывалой силой, что сам не узнал своего голоса: «Твой мужик провалился в янге Семи яльви-лей!»

Тут же Сергей увидел дрогнувшие веки и сразу погасшие глубоко спрятанные в глазницах карие глаза. Огромное мохнатое тело метнулось к выходу.

Он, как ему показалось, остался один...

Спустя некоторое время Сергей нашёл в себе силы оглядеться. На нарах на сенной подстилке он увидел двух человеческих детей. Он приблизился к ним, удивляясь их розоватым тельцам, покрытым редким светлым пушком. Они недружелюбно сверлили его взглядами. Всё у них было, как у человека: рот, нос, глаза, уши. Только лоб подозрительно быстро убегал назад от бровей. На макушке явно просматривался гребень. Как замороженный, стоял он, не замечая времени, не отдавая себе отчёта, где он находится. Сергей пришёл в себя лишь тогда, когда увидел широко раскрытый беззубый рот одного из младенцев. Он понял, что его пугают. Так обычно отпугивает от себя неизвест-

ное даже только что вылупившийся цыплёнок. Избушка сразу ожила, она наполнилась шорохами и поскрипываниями. Сергей рассмотрел, что головы малышей покоились на животе огромной живой выдры, которая с не меньшим интересом разглядывала его.

Вскоре он услышал характерный посвист, который он ни с чем не мог спутать. Этот посвист извещал о возвращении хозяев.

Две огромные лохматые фигуры ввалились в избушку. Сразу, стало темновато и тесно. На внезапно сгорбившихся телах вошедших, на их лицах лежала печать стесненности теми обстоятельствами, вынудившими их предстать среди бела дня перед вечным своим соперником, единственным представителем животного царства, способным противостоять им.

Сергей, чувствуя взаимную неловкость и подавляя поднявшийся из глубины страх, протянул обе руки Сюю. Тот сложил их вместе и осторожно сжал обеими своими ладонями, а потом легко подтолкнул Сергея к выходу.

В беде, которая случилась с Сюю, как позже выяснил Сергей, был виноват человек. Точнее, работники соседнего леспромхоза. Для того, чтобы вывозить лес из отведённого для них участка, но не строить мост через речку, которая собирала всю воду с Янги, рабочие этого участка просто

бросили в речку несколько пучков леса. Таким образом образовался мост. По нему и вывозили древесину. Запрудив речку, люди, естественно, забыли убрать брошенные в неё пучки леса. А вода, которая веками уходила по этой лесной речке, в этом случае осталась в янге и затопила всю низменность. Вот в эту ловушку и попал Лесбег.

Долгожданная встреча человека и Хумполэна-Комполя-Лесбега состоялась. Что же дальше?

Сергей до сих пор не может конкретно объяснить (хотя бы себе), как проходили их столь продолжительные разговоры. Всё, что думал Сюю об охране Природы этого края, ОН передал Сергею. Сергей проникся ЕГО бедами и болями, и, главное, понял, что они у них общие. Он ведь тоже не представлял себе жизнь без леса, воды, животных...

А главное, Хозяин леса просил его, Сергея, быть посланником, ходатаем к людям. ОН просил людей не делать того, чего не делает ОН сам. Не устраивать завалы из леса, запруды на речах, не истреблять, не уничтожать животный мир, не оставлять в лесу горы брошенного железа...

Сергей сам, не замечая того, часто думал об этом же.

Теперь ему был совершенно ясен план его ближайшего действия – Евринская сокма должна стать ЗАПОВЕДНОЙ!

КОПЬЕВА АЛЛА ФЁДОРОВНА

Высокий обрыв моей милой реки.
Внизу под обрывом сидят рыбаки.
Застыли недвижны – глаза и вода,
Лишь удочкой кто-то взмахнёт иногда.
Спускаюсь к воде, вижу камни на дне.
Кораблик качается в робкой волне.
– Послушай, кораблик, куда ты плывёшь?
Чьих маленьких рук мастерство ты несёшь?
И как в дальний путь, ты пуститься рискнул?
Бумажкою-парусом он мне махнул:
– Решайся, и вместе давай поплывём.
За тем поворотом вдруг счастье найдём ...
Наивный кораблик, тебе не понять, –
Устала я счастье и звать, и искать.
Отмерено, видно, его мне чуть-чуть.
А ты, пока веришь, плыви ... В добрый путь!

СЛИНКИН АЛЕКСАНДР ФЁДОРОВИЧ

С Новым Годом!

Луна набрала полную силу, утвердилась прямо над царским дворцом. Начало осени, люди все по избам, на улице ночевать уже зябко. Домовому всё это на руку: никого, и беды нет, что показался. Дрыгает себе ножками, отряхивает грязь с лапотков, да через двор напрямую в крайнюю избу вострит, сон ребяческий волочит с собой в котомке. Вроде кошки он, анчутка-то⁴⁶, махонький, только статью – человек, и волосом длинным зарос.

Сны ребятишкам насобирать можно только за околицей, в чистом поле или у речки. Пока царёв дворец обойдёшь, да и так, срубам вокруг целый посад, а ходить надо. В крайней избе, куда бёг анчутка, младенец Ефремка ждёт, любимчик домового. Лежит себе целыми днями, мамку до дна выдаивает, да пузыри слюнями пускает. Анчутка всё рядом крутится, потому как Ефрем на великое дело рождён – тайным знанием ведать, правду людям сказывать, и нечисть в обиду не давать. Кошунствовать, словом. На то у него особые приметы, только домовый их и знает. Анисья, мать-то, дивовалась – знамо ли, чтоб с таким капошным⁴⁷ покой был. По-

⁴⁶ Анчутка – всякая нечисть.

⁴⁷ Капошный – маленький, с каплю.

ест да спит, не ворохнётся, а если крик подымет, так не зря, значит, гляди, мамка, опять тебе дело!

То всё анчуткины хлопоты, он для снов младеню и небушко синее, и ветер весенний приносил, и пузико гладил, если пучило. Один раз только Ани-сья домового увидала, когда проснулась нежданно. Тот с Ефремкиной зыбки⁴⁸ кубарем, и за чугуном на лавке схоронился. Не надо человеку домового видеть без причины.

Анисья – солдатка, Влас, муж её, в Преображенском полку лямку тянет. Приходил на побывку, конечно, да реденько, и то все больше как тать⁴⁹, если убежать на часик из казармы сумеет. Так вот Ефремку и родили.

У Анисьи всегда заезжий люд на постое, тем и живёт. Богомольцы, работники, купцы бывают. Всю ораву пока накормит, обстирает – и день прошёл. Гладенько житьё катилось, пока не случился в нахлебниках старикашка один. К зыбке чего-то полез, навроде как мальчика позабавить. Трясёт бородой, бормочет. Анисья подошла молча, взяла от греха Ефремку на руки, давай тетешкать. Старикан глянул искоса, бабу аж пот прошиб – змеиный глаз, страшный, люди так не смотрят.

Ночью анчутка вдоль стеночки опять к Ефремке. Чуть не дошёл, нахлебник помешал. Башку

⁴⁸ Зыбка – люлька.

⁴⁹ Тять – вор.

поднял, огляделся (не спал, что ли?), тихонько с полатей слез, и к Ефрему. Встал свечечкой, полный круг рукой очертил перед собой, и давай ведьмин навет начитывать:

— ...рюень⁵⁰ возьмёт дитяти живот, год, год, иди в оборот...

Отчитал, на полати опять залез.

Домовой за печью трясётся, ум за разум заходит. Колдуна проглядел!!!

Кошуну ихнему колдовскому делу шибко вредят, всякую кривду, навет ли, на чистую воду выводят. Стало быть, смертный наговор на Ефрема теперь. И помереть ему наговорёно в Новый Год, на рюень, в первый месяц осенний.

Анчутка в подклеть к соседям, башку курице отвернул, и на улицу поволок. Скоро в Тайной Канцелярии очутился, у родственника. Тот рад угощению, а пуще того новости рад, что кошун у них появился. Долго шушукались, потом котелок с проклятым золотишком в углу раскопали. Анчутка две горсти унёс, да колдуну в суму высыпал.

На другой день старик с этим золотишком ушёл, да и не вернулся боле. Шибкое проклятие на этом золоте, не след его людям давать. Да только извести колдуна — средство верное. Вскорости он

⁵⁰ Рюень — сентябрь.

за казнокрадство у государя в Канцелярии, в подвале, и сгинул.

А эти двое в ту же ночь в царские палаты, в опочивальню попасть умудрились. Там свой анчутка. Шибко царь Пётр нерусей привечал, и невесту себе взял с неметчины. Этот домовой с ней и приехал. Хоть и важен, и лопочет как басурманин, а только нашим в беде помочь пообещал. Мол, строг герр Питер, но есть надежда – ффрау Питера. Ближе к утру мешок со сном приготовил, тащит, озирается. Дело привычное, мышиными ходами добрался к государыне, всё как надо сделал, нечисть.

Сидит анчутка за печью, до праздников и гуляний дела мало. Знает только, что от перемены времён навет над Ефремом расскочился, как пузырь водный. Вырастет, человечище!

Дуб

Не то, чтобы Вероника с родителями специально отшельниками жили, а всё же в Бога веровали крепко, не в пример деревенским. Деревенские всё больше язычниками себя почитали, что красиво – то и бог им. По-своему мудрые люди они, рассказням пришлого миссионера усмехались только. А Вероника с малолетства языческую мудрость уважать привыкла, ведь всё равно от Бога этот уклад, и много в нём правильного. Имечко её тоже языческое, и взять вот созвездие «Волосы

Вероники» – всегда и вечно так будет зваться, хоть у католиков, хоть даже у раскольников. Ну, а что при крещении Веронике ещё и христианское имя Вера дали, так это и со святыми бывает.

По обычаю, у язычников каждая девочка свою судьбу с каким-нибудь деревом связывала, и росли они вместе, и тайны друг другу доверяли. Вроде игры это в детстве-то, а с возрастом уже серьёзно к поверью относились, ведь верь, не верь, а случилось что с подругой – её дерево непременно засыхало. Конечно, и у Вероники был свой лесной красавец, дуб-великан. Привезёт, бывало, отец ей пару ленточек для нарядов, так Вера обязательно к дубу своему сбегает, привяжет одну в самую крону и сядет ему про дела свои рассказывать. Сон ли вещим показался, или в табуне лошадь заболит – всё выскажет, а дуб слушает терпеливо да вздыхает с шелестом, листьями под ветром пошевеливает. Успокоит так вот, и бежит Вера домой с какой-нибудь хорошей думкой, и к родителям потом весь вечер ластится, чтобы радость её и им досталась. Доводилось Вере тоже друга своего искреннего выручать, ведь и дикие кабаны корни подрывают, и тля листья жрёт. В деревне каждая женщина средства от таких напастей знала, Вера и советовалась. Тля дыма боится, а кабан, если перец сушёный на земле унюхает, нипочём её рыть не станет.

А однажды, ранней весной, откуда-то прикатили работники на двух повозках, прямо у дуба расположились. Вероника неладное чувствует, а что – не поймёт, всё вроде на местах в доме, и в табуне порядок. День целый в заботах пробегала, а к вечеру непонятно с чего совсем тревожно стало. Дай, думает, красавца своего проведу. Пошла, и не доходя ещё, издалека слышит – топоры стучат. Так и кинулась бегом через лес, аж землю талую еле задевает. Добежала, глядь – её дуб мужики от коры раздевают, и кору на повозки грузят. Как закричит Вера...

– Ой, дяденьки, миленькие, не трогайте его, не мучайте!! Подбежала, рыдает в голос, топоры у мужиков отнимает. Ну, те видят – вовсе не в себе девка, работу бросили. Маленько погодя повозки запрягли и убрались с концами, пока Вера голый ствол слезами поливала. Ведь всю кору сняли по кругу, паразиты, где смогли достать. А без неё дерево не живет, как зверь без шерсти...

С того дня Вероника почти не бывала дома – нашла под весенним снегом глину, долбила её, оттаивала на костре и раны дубу этой глиной замазывала. Известно ведь, засохнет дерево – и век у его подруги мужа с детьми не будет, придётся одной до старости маяться. Не примет даже, а закон природы такой. Только Вера об этом не думала, не могла она поверить, что великан, который ещё века должен простоять, в сухую корягу на её глазах превратится. А весна уже почти весь снег в лесу

прибрала, вот-вот птицы распойются как следует. И дождалась-таки Вера на нижней ветке дуба зелёных почек! Радости было! Побегла домой, во дворе собаку расцеловала, в сенках ведро опрокинула с лавки, маму напугала. Отдышалась, рассказала о своём счастье. На другой день повела отца к дубу, всё равно как с женихом знакомить. Пришли, подошла Вера к той ветке, а почки на ней потемневшие, и высыхают уже... Охнула, и без сил на землю села. Взял её отец на руки потихоньку, да и домой понёс. Вера-то и спрашивает:

— Почему так, папа? Ведь ожил он вчера!

Отец промолчал сначала, потом отвечает:

— Свечка, когда догорает, прежде чем погаснуть, ярче вспыхивает...

Прошло время, Вера отошла от горя чуть-чуть, да и как иначе — ведь трудом кормились, надо работать, чтоб кашу-то есть каждый день. Однажды, среди лета уже, пригнала Вера на выпас лошадей недалеко от места, где дуб её стоял. Давала ведь себе слово не ходить к нему, да всё же пришлось — кобылу с жеребёнком прямо туда понесло, как бы не потерялись.

Вечером Вероника отцу сказала тихонько:

— Пап, а ведь самая темнота всегда перед рассветом, хоть и погаснет свечка, а утро всё равно придет!

Отец сначала не понял ничего, а Вера только молчит и искорки в глазах лукавые, как когда-то раньше. Потому что дуб её, оказывается, у самых корней новые ветки пустил, и простоять все свои века собирался на полном серьёзе.

КАРНАУХОВА
СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА

Алеет на кустах брусника,
Грибы во мху укрылись с головой.
Мой край любимый, слышишь,
Как я пою, идя лесной тропой.
Здесь не услышишь трели соловья,
И серны по лесу не скачут
Ведь тут тайга, тайга, тайга
И кулички печально на болотах плачут...
Край сосен, елей, кедрача,
Озёр, болот и рек.
Теперь же край, где нефть пошла
Убив живое всё на век.
Разумный человек, остановись,
Ведь только нефтью сыт не будешь.
А как же белые пески и светлые озёра,
Ну разве их забудешь?
Люблю тебя мой край таёжный,
С тобой боюсь расстаться и на миг.
Поверь, что другом буду я надёжным,
И для меня святым останется твой лик.

Содержание

Конькова Анна Митрофановна.....	3
Вожак Ивыр.....	3
Праздник трясогузки	30
Шесталов Юван Николаевич	41
«Пойте, мои звёзды!..».....	41
Мать.....	42
Сказка про луну.....	44
Песня дяди Сергея	46
Северный хлеб.....	51
Тарханов Андрей Семёнович.....	60
В стране озёр	60
Улетают скворцы	61
Моя деревня.....	62
Я поэт	63
Динисламова Светлана Селивёрстовна	65
С волками жить – по-волчьи выть.....	65
Мама	67
Анисимкова Маргарита Кузьминична	75
Янгал-маа	75
Кошманова Ольга Александровна	163
Лесбег	163
Копьева Алла Фёдоровна	260
Высокий обрыв моей милой реки.....	260
Слинкин Александр Фёдорович	261
С Новым Годом!.....	261
Дуб.....	264
Карнаухова Светлана Владимировна.....	268
Алеет на кустах брусника,	268

Учебное издание

МАНСИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Хрестоматия

для учащихся 6 класса
общеобразовательных учреждений

Оригинал-макет подготовлен ООО «Югорский формат»

Подписано в печать 02.12.2015.
Формат 60х84/16. Гарнитура Times New Roman.
Усл. п. л. 16,81. Тираж 200 экз. Заказ № 38.

Отпечатано в
ООО «Югорский формат»
г. Ханты-Мансийск, ул. Лопарева, 15, подъезд № 8
+7 (3467) 912-019, +7 952 690 99 39
Uformat@mail.ru